

ПЕРВОВОСХОЖДЕНИЯ
ЭЛЬВРУС

Лето 1939 года.
Зима 1940 года

Аннотация:

Эта книга о том, как люди покоряли великий Эльбрус: в первую очередь о знаменитой экспедиции Г. А. Емануеля, состоявшейся летом 1829 года, когда на восточную вершину великана поднялся проводник Килар Хаширов. При подготовке вступительной статьи использованы ранее неизвестные материалы, которые дополняет перевод книги Яноша Кароя Беша «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.». В приложении публикуются многочисленные документы начала XIX столетия, уточняющие отдельные моменты экспедиции Санкт-Петербургской академии наук; подробно рассказывается об истории памятных досок, отлитых в память об этом событии.

Второй раздел книги посвящен первому зимнему восхождению на Эльбрус, состоявшемуся в 1934 году. Его участником был знаменитый ставропольский альпинист В. Б. Корзун (1913-1967), о судьбе которого и рассказано в очерке «Заветная мечта». Ярким дополнением его является книга самого Виктора Борисовича «На заоблачных высотах», давно ставшая библиографической редкостью.

Этой книгой издательство открывает новую серию «Эльбрусская библиотека», в которую войдут работы, посвященные одной из самых необычных вершин нашей планеты. В ближайшее время выйдут работы Исмаила Мизиева - «Следы на Эльбрусе», Сергея Анисимова «Поход на Эльбрус», «От Казбека к Эльбрусу».

**И. А. Гориславский
С. А. Зюзин
А. В. Хаширов**

ПЕРВОСХОЖДЕНИЯ НА Эльбрус

**Лето 1829 года,
зима 1934 года**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
М. и В.
КОТЛЯРОВЫХ
Нальчик 2007**

ОТ АВТОРОВ

Материалы для этой книги собирались долгие годы, тщательно анализировались и сверялись с малодоступными документами. При подготовке работы к изданию, мы руководствовались главным принципом - история под заказ не пишется. Основная заслуга в организации и материальном обеспечении первой экспедиции на Эльбрус принадлежит командующему на Кавказской линии генералу от кавалерии Георгию Арсеньевичу Емануелю. Биографический очерк «Знаменитый серб на русской службе» предваряет рассказ о первовосхождении на главную вершину Кавказа.

При подготовке основной статьи использованы ранее неизвестные материалы. Их дополняет перевод глав из книги Яноша Кароя Беша «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.» («Voyage en Crimée, Au Caucase, En Georgie, en Arménie, en Asie-Mineure et a Constantinople en 1828 et 1829», par Jean-Charle de Besse, a Paris, 1838).

Венгерский ученый был очевидцем знаменитой экспедиции, и его живой рассказ придется весьма кстати для создания более полного впечатления от события, о котором идет речь.

В приложении публикуются многочисленные документы начала XIX столетия, уточняющие отдельные моменты экспедиции Санкт-Петербургской академии наук, и ее кульминации - первого восхождения на восточную вершину Эльбруса проводника Килара Хаширова.

Переводы для данного издания с французского языка осуществили И. А. Гориславский, И. В. Кравченко, с немецкого - Т. П. Попова.

ПЕРВОЕ ЛЕТНЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭЛЬБРУС

Знаменитый серб на русской службе

Портрет Георгия Арсеньевича Емануеля занимает достойное место в «Галерее славы» Санкт-Петербургского Эрмитажа среди выдающихся военачальников России прошлого столетия. Судьба свела его с Российской империей, которой он служил верой и правдой.

...27 марта 1797 года молодой серб в венгерском мундире с любопытством рассматривал вахтпарад на Кремлевской площади. Расставшись навсегда с родным ему городком Вершицем и, тая обиду на императора Австро-Венгрии, Георгий из рода Мануила отправился попытать счастья в России. 22-летний чужеземец со сверкающей на груди медалью «За храбрость» привлек внимание императора Павла I. Граф пригласил офицера на аудиенцию в тот же день.

Иностранец представился подпоручиком венгерской армии, которую он оставил для службы в русской. К этому времени банатский дворянин познал боевые схватки с турками и французами, пережил госпитализацию в Гейдельберге, где его, получившего тяжелейшие раны, буквально вернули к жизни. В Россию Емануель прибыл со знаниями военных наук, владея итальянским, немецким и французским языками. Аудиенция императора решила его дальнейшую судьбу: Емануеля зачислили поручиком в лейб-гвардии Гусарский полк.

На полях войны с Францией и Пруссией обстоятельства свели его с князем Петром Ивановичем Багратионом. Командуя тремя эскадронами Киевского драгунского полка, Емануель удачными действиями обеспечил начальнику авангарда генерал-лейтенанту Багратиону успех под Гейдельбергом. Тильзитским мирным договором закончились военные события, и полковник Емануель вернулся в Россию для лечения ран.

Но притязания Наполеона оставляли мало времени военным, чтобы тешиться покоем, и призывный сигнал полковой трубы снова звал в поход: началась Отечественная война в памятный 1812 год. Георгий Арсеньевич принял командование Киевским драгунским и Ахтырским гусарскими полками, входящими в армию Багратиона. Зная достоинства сербского кавалериста, князь Петр Иванович доверил ему арьергардные дела. Войска отступали под прикрытием кавалерии Емануеля. Артиллерия генерала Н. Н. Раевского сдерживала натиск французов, стремившихся преградить Багратиону путь к соединению с первой армией. Быстрые маневры кавалерии Емануеля расстраивали планы маршала Даву. На Бородинском поле у Шевардинского редута в ночной атаке на французскую конницу Емануель пал с коня, сраженный пулей в грудь. Время залечивания раны пролетело быстро. В сентябре Георгий Арсеньевич вернулся в действующую армию, успев к событиям под Тарутино.

За Бородинское сражение 24 августа Георгий Арсеньевич был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Армию Наполеона Емануель встретил в чине полковника, а в Париж вступил генерал-лейтенантом. В битве народов под Лейпцигом генерал-полковник Емануель с малым отрядом, в окружении отступавшего в беспорядке французского войска, смог захватить в плен бывшего посла при Санкт-Петербургском дворе Лористона, чем особенно удивил генералитет и монархов, собравшихся на большой Лейпцигской площади. Ни одной награды сербский дворянин не получил по протекции. Заслуги его были достаточно убедительны, чтобы ему доверили один из самых ответственных постов: 25 июля 1826 года Г. А. Емануель получил назначение командующим Кавказской линией и начальником Кавказской области.

22 сентября Георгий Арсеньевич прибыл в Ставрополь и принял командование Линией, которая тогда находилась в затруднительном положении. Персия готовилась к войне с Россией и подстрекала горцев к разбоям. Турецкое правительство тоже старалось изо всех сил разжигать вражду против неверных.

Чрезвычайное протяжение Линии - от Астрахани до Черного моря - и недостаток войск крайне озадачили нового командующего. В октябре Емануель отправился на Правый фланг осмотреть пограничные рубежи и обустроить посты на Кубани и Малке. Укрепление Левого фланга было завершено к августу 1827 года. С приездом на Кавказ Георгий Арсеньевич принял

все необходимые меры для установления мирных отношений с горцами. Переговоры, за которыми не таилось лицемерие, привели к тому, что тагаурцы, карабулаки, дигорцы, балкарцы, урусбиевцы, хуламцы, безенгиевцы и другие народы Кавказа приняли подданство России.

Таким образом, Емануель сумел выполнить основной наказ императора Николая I: укрепить Линию и склонить сопредельные народы к добрососедству. В награду за труды, а особенно за сохранение мирных отношений с горцами порубежья, император пожаловал Емануелю орден Святого Александра Невского. Но мнимая идиллия продолжалась недолго. Представление о Кавказе Его Величества было столь же туманным, сколь и у его паркетных генералов при дворе. Лишь только русские войска разбили персов под Елизаветполем, как тут же оживилась Оттоманская Порты, провоцируя горцев устраивать набеги на Линию.

В апреле прибыла срочная депеша с императорским вензелем. Сорвав сургуч, Емануель пробежал глазами рескрипт, в котором говорилось: «Надменное упорство Оттоманской Порты, отринув все предложения мирные, вынуждает прибегнуть к оружию. Война с сею державою объявлена будет вслед за сим Правительству ее. На основании сего повелеваю вам с 25-го числа сего апреля, считать войну с Турцией начатой и приступить к действиям против сей державы сообразно с обстоятельствами и сходно с наставлениями, предначертанными вам, по повелению Моему, начальником Главного Моего штаба.

Возлагаю на особенное попечение ваше полное охранение вверенной вам области, Я остаюсь в твердой надежде, что доверенность и уважение, которое вы снискали между горскими племенами Кавказа, предупредит всякое неприязненное действие, и что твердость и мужество ваши укротят все замыслы недоброжелательных врагов России». Несмотря на то что Емануель предусмотрительно выдвинул войска на Правый фланг Линии, к наиболее важным пунктам для защиты границы от возможных нападений, сильная партия закубанцев под предводительством турецкого чиновника Магомет-аги прорвалась сквозь укрепления в верховьях Кубани, разорила и сожгла станицу Незлобную. После кровопролитной схватки с хоперскими и волжскими казаками закубанцы, преследуемые по Линии, отступили через Карачай.

Карачаевский предводитель вали - Ислам Крым-Шамхалов был не прочь нажиться на торговле оружием и часто способствовал проникновению турецких эмиссаров в горские общины. Мусульманские проповедники хорошо знали торную тропу, ведущую в Кабарду, Осетию, Чечню и Дагестан. Князь Дудов отказался участвовать в сделках Вали-Ислама, дабы не навлекать беду на свой аул. Вражда перешла в междоусобицу, грозившую резней.

Осенью 1828 года Георгий Арсеньевич срочно собрал экспедиционный отряд. На труднодоступном перевале Ослиное Седло Емануель в однодневном бою сломил сопротивление карачаевцев и спустился с пехотой и артиллерией к истокам Кубани, но спешить с уничтожением аулов не стал. 22 октября карачаевцы пришли к лагерю командующего на Линии и дали присягу на подданство Российской империи. В июне 1829 года государь император всемилостивейшее пожаловал Емануелю чин генерала от кавалерии за разгром закубанцев и покорение Карачая.

Однако турецкие притязания не уменьшились, Порты явно терпела неудачи на Дунае, и султан Махмуд II стал все чаще обращать свои взоры на Кавказ. Паша Сеид-Ахмед прибыл к закубанцам и убеждал их в том, что русские войска переведены с Линии к проливу Дарданеллы, и генерал Емануель не сможет защитить область от вторжения неприятеля. Узнав о происках турок, Георгий Арсеньевич принял весьма мудрое решение: чтобы войти в сопредельные с Линией земли, не взбудоражив настороженных горцев, и ненароком показать им свою готовность ответить силой на любую вылазку, нужен был важный повод, который долго искать не пришлось.

По предложению Емануеля в Санкт-Петербурге быстро собрали научную экспедицию к подножию Эльбруса. Исследование неизвестного русским района вместе с научными изысканиями сопровождалось разведкой. Военные топографы составляли карту местности и сделали многочисленные зарисовки. Экспедиция завершилась восхождением на Эльбрус, и дата 11 июля 1829 года открыла летопись российского альпинизма. Петербургские ученые едва не дошли до вершины: холод и утрата сил сказались на горовосходителях. Сопровождавшие их

горцы и казаки выбились из сил прежде петербуржцев. Лишь кабардинского проводника Килара Хаширова Емануэль увидел в трубу Доллана на ледовой вершине Эльбруса.

По возвращении в лагерь у реки Малки Килара чествовали как первовосходителя на высочайшую гору Кавказа. Емануэль подарил ему отрез сукна и сотню серебряных рублей. Георгий Арсеньевич спросил о заветном желании вольного крестьянина, и Килар, ко всеобщему удивлению, обратился с просьбой зачислить его в Кавказский полуэскадрон, созданный Емануэлем из горской знати. Килар был из простолюдинов и, чтобы не обидеть отважного горца отказом, начальник области определил его в русскую армию. В память о первовосхождении на Эльбрус в Пятигорске построили грот Дианы, две опорные колонны которого символизируют две вершины Эльбруса.

Кроме военных забот на долю Георгия Арсеньевича выпали и хлопоты по обустройству курортов на водах. Задуманные генералом Ермоловым военные лечебницы у целебных ключей скоро обрели известность в России как летние курорты. Продолжить эту работу пришлось нынешнему начальнику Кавказской области. Кислые, Железные и Горячие Воды посещались русской знатью, желавшей удобств и развлечений. По плану, разработанному архитектором Бернардацци, селение в Горячеводской долине скоро преобразилось в уютный городок, которому по предложению генерала Емануэля 14 мая 1860 года Правительствующий сенат жаловал статус города с названием Пятигорск «по Бештовой горе».

Сюда же 22 апреля 1832 года генерал от кавалерии Емануэль прибыл вместе со своим сыном, 15-летним прапорщиком Георгием после отставки, которую командующий на Линии попросил у императора в связи тяжелым ранением, сильно подорвавшим его здоровье. Это случилось годом прежде, когда Георгию Арсеньевичу пришлось срочно перевести войска на Левый фланг Линии, для того чтобы дать отпор вожаку мюридов Кази-мулле.

Международная обстановка после успешных кампаний России против Персии и Турции не улучшилась. Азиатские державы едва ли смирились со своими поражениями, европейские - добивались собственного приоритета на Каспийском, Черном и Адриатическом морях. Балтийское море также оставалось яблоком раздора. Польское восстание недавних соратников Наполеона в войне против России и частые набеги горцев на Линию были явным тому подтверждением.

5 июня 1831 года партия чеченцев напала на отряд майора Сипайла близ крепости Внезапная. Нападавшие были разбиты, а среди убитых и раненых майор обнаружил знамя с изображением королевской лилии и надписью: «Vive le Roi!»¹. Распространению мюридизма, одного из фундаментальных учений исламистов, способствовали не только в Азии... В 30-х годах XIX века движение мюридов на Кавказе возглавил Кази-мулла.

В июле месяце четырнадцать тысяч горцев под предводительством нового пророка осадили на Левом фланге Линии крепость Внезапная. Отведенный нападавшими в сторону водовод усугубил положение небольшого гарнизона в летний зной. Около тысячи защитников крепости шестнадцать дней сдерживали натиск неприятеля. Князь Бекович-Черкасский повел войско двумя колоннами к осажденной цитадели.

При виде регулярных войск Кази-мулла сразу же снял осаду и отступил в глубь гор к аулу Акташ. Генерал Емануэль принял решение разбить скопище, представляющее опасность Левому флангу Линии. Первая колонна двинулась на аул Акташ - укрепленную ставку Кази-муллы. При входе в ущелье передовой отряд был встречен ружейным огнем чеченских стрелков, засевших в глухом лесу. Верный своему принципу боевого военачальника, Емануэль возглавил передовой отряд. Натиск был столь мощный, что противник скоро оказался выбитым из леса. Ставку Кази-муллы вскоре предали огню, а сам предводитель мюридов предусмотрительно ретировался до вступления войск в аул.

В решительной атаке на лесные завалы Емануэль был сражен пулей в грудь навывлет. Его сына постигла не лучшая участь: младшего Емануэля привезли в санитарный обоз с раздробленной от пулевого ранения ногой. Для лечения ран серными водами оба Емануэля

¹ Да здравствует король! (фр.)

прибыли в Пятигорск в апреле 1832 года. Судя по документам, в ожидании согласия императора на отставку генерал от кавалерии посетил кавказскую лечебницу последний раз.

Чувствуя, что уже не сможет приносить ту же пользу Отечеству, как в прежние времена, Георгий Арсеньевич решил посвятить остаток дней своих заботам о семье. Трое сыновей и семь дочерей всегда оставались на попечении его жены Марии Вилиамовны. Имея аренду от щедрот императора, бывший начальник Кавказской области купил небольшое имение в Елисаветграде, во дворе построил каменную часовню, ставшую родовой усыпальницей. Здесь же в 1837 году похоронили и главу рода Емануелей в России.

В память о выдающемся воине русской армии в Пятигорске - бывшем центре Кавказской линии - его именем назвали небольшой парк, созданный в 30-х годах XIX века, когда Георгий Арсеньевич Емануель был начальником Кавказской области. В 1851 году адъютант Емануеля Николай Борисович Голицын в память о своем командире опубликовал книгу под названием «Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля».

В этой биографии князь весьма живо воссоздает портрет своего начальника: «Как военный человек, Емануель обладал необыкновенным качествами: мужество, хладнокровие и присутствие духа были его отличительными чертами. Сверх того, он одарен был чрезвычайным взглядом, и, когда являлся на поле сражения, стоило ему только оглянуться - мгновенно в голове его рождались и созревали распоряжения, которые потом выражались приказаниями, всегда ясными и точными. Чем более возрастала опасность, тем быстрее и светлее были его соображения...

В обращении своем он был всегда кроток, приветлив, учтив. Я находился при нем три года безотлучно, и могу сказать, что никогда не видел его или несправедливым, или враждебным, или даже неприветливым. Праведное негодование свое он изъяснял в пристойных выражениях и без всякой запальчивости. Он почитал, что взysкивать по службе должно, но не признавал ни в ком права быть невежливым».

Экспедиция вошедшая в историю

В 1829 году по ущелью реки Малки прошло первовосхождение на Эльбрус. Это одна из ярчайших страниц истории России XIX столетия, которая памятна именами выдающихся людей, чьи судьбы сошлись на горной тропе, ведущей к снегам высочайшей вершины Кавказа. До 1829 года Академия наук в Санкт-Петербурге не имела точных сведений о Шат-горе¹. В «Космографии», написанной Себастьяном Мюнстером в XVI веке, Эльбрус изображен действующим вулканом.

В 1823 году в Москве была издана книга Семена Броневского «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе», в ней даны сведения, далекие от истины: «Мы не имеем физического описания сей горы, которая представляет для испытателей природы, как говорят, непреодолимые препятствия...». Даже Юлиус Клапрот ввел в заблуждение научный мир своими записями, составленными понаслышке.

В несостоятельности этих утверждений смог убедиться командующий Кавказской линией генерал от кавалерии Г. А. Емануель, о чем упоминает его адъютант Николай Борисович Голицын: «Когда Емануель ходил против карачаевцев, он имел случай быть у подошвы Эльбруса и приблизиться к центральной цепи Кавказских гор. Он удостоверился, что эта исполин-гора, почитающаяся издревле неприступной, вовсе не окружена болотами, как утверждают горцы, и что все ужасы, которыми воображение этих народов окружило ее, были не что иное, как действие их суеверий»².

Экспедиция в Карачай была вызвана необычайными обстоятельствами. Война с Оттоманской Портой (1828-1829) обернулась для турок утратой своих позиций в Причерноморье и на Дунае. Персидская война 1826-1827 годов закончилась тем, что Тегеран лишился части Армении вместе с Ереваном и на территорию, отвоеванную русскими, начался исход армян из Турции, что настораживало Стамбул. С падением Анапы в 1828 году работоторговля на Северном Кавказе оказалась на грани исчезновения. Видя, что дела идут худо, турецкий султан Махмуд II стал все чаще возлагать надежды на единоверных горцев, провоцируя набеги на Линию с целью отвлечь хотя бы часть русских войск от Причерноморья.

Через Карачай в Кабарду, Чечню и Дагестан проникали не только турецкие эмиссары, но и ввозилось оружие, что послужило причиной экспедиции генерала Емануэля в верховье Кубани в 1828 году. Лесные массивы и залежи ценных ископаемых сулили важные открытия для развития местной промышленности. И Георгий Арсеньевич обратился к начальнику штаба русской армии, сражавшейся с турками на Дунае, графу Дибичу, с просьбой ходатайствовать о приезде ученых из Санкт-Петербурга. Пользуясь случаем, командующий на Линии рассчитывал сделать топографическую съемку неизвестной местности, чтобы уточнить, какими тропами проникают на Северный Кавказ турецкие проповедники. Начальник Тифлисского штаба полковник Вольховский счел идею своевременной.

В тот год в России находился немецкий ученый Александр Гумбольдт. Знаменитый естествоиспытатель предложил российским академикам исследовать силы земного магнетизма в различных широтах империи, а затем сопоставить и систематизировать полученные данные вместе с теми, что собраны европейскими естествоиспытателями в других странах. Несмотря на то, что война требовала больших расходов, и лишние издержки казны были некстати, император Николай I дал свое согласие на научные изучения. Его Величеству не хотелось выглядеть невежественным в глазах всемирно известного ученого.

Вести магнитные наблюдения взялись академик Адольф Яковлевич Купфер и адъютант академии Эмилий Христианович Ленц.

А. Я. Купфер (1799-1865) имел опыт научных поездок по Италии, Тиролю и Гарцу. Закончив Дерптский университет, Купфер продолжил обучение в Берлине, Геттингене и Париже.

¹ Так русские называли Эльбрус в XIX веке.

² Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851. С. 85.

С 1824 года - профессор физики в Казанском университете, с 1828 года - академик Санкт-Петербургской академии наук по кафедре минералогии. Впоследствии - основатель и директор Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге.

Для Э. Х. Ленца (1804-1864) научные экспедиции были привычны тоже. Во время обучения в Дерптском университете Эмилий Христианович участвовал в кругосветном путешествии Отгона Евстафьевича Коцебу. В 1827 году известный физик стал доктором Гейдельбергского университета. С 1828 года Ленц - адъюнкт Санкт-Петербургской академии наук, с 1836 года - профессор и ректор Санкт-Петербургского университета.

А. Я. Купфера назначили главой экспедиции, в состав которой вошли: Карл Андреевич Майер (1795-1858). Ему предстояло изучение флоры. Сомневаться в опытности частного помощника Дерптского ботанического сада не было причин. По окончании Дерптского университета Майер участвовал в научных исследованиях в Крыму и на Алтае. После Эльбрусской экспедиции Карл Андреевич совершил вместе с Менетрие длительное путешествие по Кавказу. С отчетом Майер представил академии 2 тысячи видов растений, из них около сотни совершенно новых и 9 новых родов. В 1845 году - получил звание ординарного академика, с 1851 года стал директором Санкт-Петербургского ботанического сада.

Упомянутый Эдуард Петрович Менетрие был приглашен участвовать в академической экспедиции как зоолог, уже познавший тернии странствий. Э. П. Менетрие (1802-1861) получил образование в Париже: сначала в Медицинской школе, а затем в Jardin des Plantes¹. В 1821 году молодой ученый сопровождал как препаратор академика-зоолога Георга Лангсдорфа в путешествии по Бразилии и привез собранную коллекцию в Санкт-Петербург для организуемого в то время зоологического музея академии. Э. П. Менетрие известен как основатель Русского энтомологического общества. Во время путешествия по Кавказу им было собрано 1307 экземпляров местной фауны.

В Эльбрусскую экспедицию Менетрие взял с собой помощником Илью Вознесенского. Тринадцатилетний зоолог собрал большое количество насекомых и произвел предварительную их систематизацию.

Илья Гаврилович Вознесенский (1816-1871) в возрасте 9 лет был определен наборным учеником в типографию Академии наук. В 11 лет его перевели учеником в Зоологический музей. За экспедицию с Менетрие по Кавказу А. Я. Купфер выхлопотал ему жалование. В представлении Адольф Яковлевич написал: «...он старался... сколько от него зависит, содействовать успеху нашего предприятия».

С 1839-го по 1849 год Вознесенский работал по заданию Академии наук в Русской Америке, откуда привез ценнейшие коллекции, ставшие достоянием трех академических музеев - Зоологического, Этнографического и Ботанического. Десятилетнее путешествие прошло по Чили, Бразилии, Камчатке и Курильским островам.

7 июня 1829 года участники экспедиции выехали из Санкт-Петербурга. 25-го числа того же месяца прибыли в Горячеводск (Пятигорск), где познакомились с теми, кого Георгий Арсеньевич Емануэль привлек к совместной работе.

Официально генерал представил Глеба Григорьевича Вансовича чиновником Горного корпуса. В действительности это был управляющий Луганским литейным заводом, которого интересовали руды, используемые для производства оружия. Тщательно скрываемые военные интересы объясняют и участие в этой экспедиции главного архитектора Пятигорска, хорошо знавшего топографию.

Джузеппе Карлович Бернардацци (1788-1840) - швейцарский подданный, выходец из города Лугано кантона Тичино, в 20-х годах XIX века работал в Санкт-Петербурге на строительстве Исаакиевского собора и Михайловского дворца. В 1822 году Медицинский департамент предложил каменных дел мастеру должность архитектора на Кавказских Минеральных Водах. По его проектам были обустроены Кисловодск, Железноводск и Горячие

¹ Зоологический сад в Париже.

Воды (с 1830 года - Пятигорск). По его же планам создавались парки, ставшие украшением этих курортов. В Эльбрусской экспедиции Бернардацци вместе с военными топографами делал зарисовки интересовавших Емануеля мест и выполнял работу по съемке местности.

26 июня после молебна в церкви Скорбящей Божьей Матери участники экспедиции на лошадях и шести верблюдах, навьюченных тремя калмыцкими кибитками, отправились в путь. Ученых и военных топографов сопровождал эскорт из калмыков - погонщиков верблюдов, 650 человек пехоты, 350 линейных казаков и двух трехфунтовых орудий.

27 июня караван спустился с плато Скалистого хребта к берегам реки Малки. Стоянка у форта Каменный Мост была длительной. Здесь ученые занимались сбором интересующих их материалов, а генерал Емануель и чиновник Горного корпуса Вансович осмотрели геологическое строение Скалистого хребта в районе горы Канжал. Местные шурфы по добыче руды для производства свинца не остались незамеченными.

Встревоженные продвижением войск в глубь гор, местные общины решили вступить в переговоры с командующим на Линии. К стоянке у форта Каменный Мост прибыли три депутации: карачаевскую возглавлял мулла, урусбиевскую - почтенный старшина Мырза-Кул, кабардинскую - влиятельный валий Большой Кабарды, почетный полковник князь Кучук Жанхот. Депутации пришли под видом изъявления почтения, но на самом деле их интересовала цель вторжения русских войск в пределы их земель.

Георгий Арсеньевич горцев любезно и объяснил им, что поход с академиками вызван желанием изучить северное Приэльбрусье собрать гербарий растений, коллекции минералов, описать местных животных, изведать истоки рек, провести барометрические измерения. Генерал не стал скрывать, что намерен, пользуясь добрым расположением горцев, подойти к величайшей горе Кавказа столь близко, насколько еще ни один ученый не подходил.

С приближением войск среди карачаевцев распространился слух, что начальник области хочет искоренить их, и они скрылись с женами, детьми и стадами. Георгий Арсеньевич успокоил их, и около десяти посланцев ушли богато одаренные. По словам переводчика генерала Емануеля, они были восхищены подаренными им тканями. Некоторые из них остались и изъявили желание идти вместе с экспедицией на Эльбрус. Итак, на стоянке у форта Каменный Мост после встречи с депутациями караван, возглавляемый генералом Емануелем, пополнился горскими проводниками: от карачаевцев - князем Магометом Дудовым, от урусбиевцев - старшиной Мырза-Кулом, от кабардинцев - валием Кучуком Жанхотом с сопровождавшими его людьми.

Князь Кучук Тархан Жанхот (1758-1831) - валий Большой Кабарды, родственник Бековичей-Черкасских, придерживавшихся прорусской ориентации и служивших в царской армии. Князь Александр был одним из ближайших соратников императора Петра Великого.

Князь Александр Бекович-Черкасский был послан императором Всея Руси отыскать путь в Индию. Однако экспедиция желанной цели не достигла: по пути весь отряд был уничтожен хивинцами. Умирая, Петр Великий высказывал сожаление о том, что не успел отомстить хивинскому хану за смерть своего преданнейшего соратника. В отличие от знаменитых родственников, князь Жанхот проводил умеренную политику, мудро лавируя между интересами кабардинской знати и притязаниями российских царей. Валий Большой Кабарды получал жалование полковника от казны, но на службе не состоял, да и возраст уже не позволял: во время описываемых событий Эльбрусской экспедиции ему уже шел 71-первый год. Пришедшие с Кучуком Жанхотовым кабардинцы сопровождали ученых вплоть до восхождения на Ошхамахо¹.

1 июля караван продолжил путь к верховьям Малки. На следующий день на стоянке у притока под названием Хасаут появился еще один ученый, которого генерал Емануель не ожидал увидеть в горах Кавказа. Янош Карой Беш (1799-после 1838) - сотрудник журнала «Хроника иностранной литературы», издаваемого в Париже, и автор «Грамматики тюркского языка» - занимался этногенезом венгров и тюркологией. Интересуясь древнейшим кочевым периодом истории венгров, Беш задумал предпринять путешествие по маршрутам предполагаемых

¹ Ошхамахо (гора Счастья) – кабардинское название Эльбруса.

миграций его предков, в чем нашел материальную поддержку у наследного принца Венгрии и Богемии эрцгерцога Иосифа и содействие у известного венгерского археолога Николае Янковича.

Первоначально Беш хотел присоединиться к Гумбольдту, уезжавшему на Урал, но опоздал, чем и было вызвано его решение ехать самостоятельно через Крым на Кавказ.

В Ставрополе Беш узнал об экспедиции на Эльбрус и поспешил вслед за генералом Емануелем, к которому он имел рекомендательное письмо. На Горячие Воды Беш прибыл с опозданием: экспедиция ушла пятью днями раньше. Здесь ему пришлось оставить коляску и догнать генерала Емануеля верхом на лошади. Свои впечатления ученый описал в книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829-1830 годы». Свои путевые записки венгерский тюрколог опубликовал в Париже в 1838 году. Жан-Шарль де Бесс, как его называли во Франции, приложил к тексту рисунок и план лагеря генерала Емануеля на берегу Малки, сделанные Джузеппе Бернардацци.

Из описаний Яноша Беша, отчетов петербургских ученых и частной переписки ясно, что погода до 8 июля была ненастной; частые дожди и туманы затрудняли дальнейшее продвижение экспедиции. Тем не менее, работа по сбору сведений не прекращалась. Выход к берегам реки Харбаз с 5-го по 7 июля хоть и оказался долгим, но не безрезультатным. По пути был обнаружен длиннопламенный уголь, которым горцы стали пользоваться позднее для отопления своих жилищ. Коллекция минералов, флоры и фауны пополнялась ежедневно.

На стоянке у реки Харбаз генерал Емануель принял еще одного гостя - ногойского владельца закубанских аулов, Атакая Мансурова со свитой, который не преминул узнать о намерениях начальника Кавказской области в его весьма странном, с точки зрения горцев, походе. 7 июля к вечеру погода начала проясняться и с рассветом следующего дня Эльбрус предстал перед горвосходителями во всей своей красе.

Записи Эмилия Христиановича Ленца дают представление о событиях 8 июля: «...мы в тот же вечер отправились в путь, причем наци телеги с багажом остались в Харбазе. Большая часть пехоты, кавалерия и две пушки сопровождали нас как конвой. Кроме того, еще шесть верблюдов, груженных тремя кибитками, с погонщиками и их предводителем достопочтенным калмыком Жанже... основное питание которого состояло из чая и дневного света.

Проехав с 4 версты верхом, мы достигли вершины возвышения, откуда дорога с другой стороны спускалась такою крутизной, что мы должны были оставить пушки и кухню на высоте 8 тысяч футов (2438 м). Мы продолжали путь верхом... но вскоре, достигнув места, где дорога шириной не более полуфута пролегла мимо крутого горного спуска, должны были оставить и верблюдов своих, а подвижные наши жилища перевозить на казацких лошадях. В самых опасных местах мы более полагались на собственные наши ноги, нежели коней наших - предосторожность тем более необходимая, что мы видели пред нашими глазами одно из своих бедных животных, стремглав низвергавшееся в бездну, глубиной на несколько сот футов»¹

О трудностях дальнейшего пути говорит и Янош Беш: «Мы медленно, шаг за шагом, продвигались вперед. Мырза-Кул шел во главе колонны, за ним - командующий Емануель и я. Через каждые 10 шагов надо было останавливаться, чтобы набрать воздух в легкие. Мырза-Кул, этот любезный старик, порой выкрикивал ободряющие слова»².

Итак, оставив кухню, запряженную шестью лошадьми, верблюдов и пушки, экспедиция сошла в долину реки Малки и продолжила свой путь к истоку этой реки, низвергающейся бурлящим потоком из ледника Уллу-Чиран.

«Вечером, - рассказывает физик Ленц, - в 7 часов мы прибыли в наш лагерь, и полтора часа спустя были доставлены на лошадях наши кибитки. На следующее утро в 5 часов в полной красе совсем близко перед нами (6-10 верст) был виден Эльбрус, и на небе ни облачка. Генерал, который

¹ Извлечение из письма г-на адъютанта Ленца к г-ну академику Парроту июля 26-го дня. Горячеводск близ Константиногорска, 1829 // Санкт-Петербургские ведомости. 1829. 2 сент. ; 118; Дневник Э. Ленца / пер. Т.П. Поповой. Библиотека Тартуского университета. С. 8.

² Бесс. Ж.-Ш. де. Путешествие в Крым, на Кавказ... Париж, 1838.

2 недели ждал хорошей погоды, ко всеобщему удовольствию принял решение подняться на этого великана. Он взошел на близлежащую гору, чтобы сверху точнее осмотреть окрестности; в 10 часов он вернулся, вызвал казаков, которые добровольно взялись быть нашими проводниками, и обещал первому, который достигнет вершины, 100 рублей серебром, второму - 50, третьему - 25.

Кроме того, мы получили 20 человек пехоты и 10 казаков для доставки наверх нашего багажа и дров для ночевки, ибо мы намеревались провести ночь близ вечных снегов...»¹

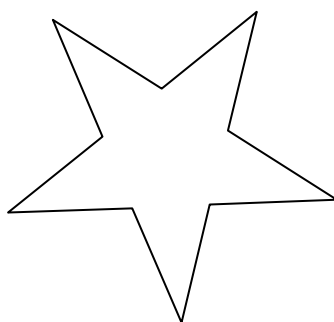
Офицер из свиты генерала А. Щербатов, вспоминая день перед восхождением, уточняет подробности приготовлений: «Мы, - рассказывает он в частном письме, - поспешили снабдить их всем нужным к совершению столь трудного пути; заготовили им шестов, кольев, веревок и прочее. Для сопровождения дано им несколько человек черкесов и охотников из казаков»²

«...Около 3 часов (дня) прибыли к небольшому озеру, образовавшемуся из снежной воды и отделяемому от снежного конуса невысоким холмом, - продолжает свой рассказ физик Ленц. - Ночевка была не из лучших: местами какой-нибудь острый кусок порфира давил на наши бедные тела. Кроме того, мы должны были кутаться от пронизывающего холода, хотя было всего 0 °С. Но нельзя обижаться на судьбу, которая не удостоила нас хорошим сном, ибо как только мы открыли глаза, засверкала величественная белая вершина в сказочном лунном свете. Совершенно отчетливо звучал здесь на этих голых порфиристых скалах вечерний барабан в сопровождении сигнального горна. Чувства, которые нас охватили, незабываемы...»³

Впечатления об этой ночевке не преминул записать и Адольф Яковлевич Купфер: «Ночь была светлая, - вспоминает он. - Я несколько раз просыпался, чтобы насладиться величественной картиной, какую нам представляла эта пустыня скал и снега, освещенная луной.

Эта картина, величественная в своей простоте, глубоко запечатлелась в моей душе. Она вся обрисовалась лишь тремя тенями: серебристым блеском снега и луны, синевой неба и чернотой угрюмых скал, сливающихся с мраком ночи... Живописная группировка форм, мягкость контуров, постепенность теней, наконец, царившая вокруг нас тишина и наслаждение душевным спокойствием придавали этой картине невыразимую прелесть. Никогда во всю мою жизнь мне не представлялось более волшебного зрелища»⁴.

В своих записках Эмилий Христианович Ленц назвал участника экспедиции, который оставил три пометки на пути их следования; об одной из них в периодической печати раньше не упоминалось, и до сих пор альпинистам не случалось ее увидеть. «В половине третьего мы все были на ногах и, после того как прогнали холод стаканом теплого чая с ромом, отправились в путь. Что мы здесь были, доказывает по сей день одна из тех порфиристых скал с выбитой архитектором Бернардацци фигурой»⁵:

¹ Дневник Э. Ленца. С. 9.

² Тифлиские ведомости. 1829. 23 июля. № 34.

³ Дневник Э. Ленца. С. 10.

⁴ Из дневника А.Я. купфера. Цит. по: исторический очерк Главной физической обсерватории. СПб., 1890. С. 42.

⁵ Пятиугольник обрамлен заглавными буквами фамилий участников экспедиции – Бернардацци, Купфер, Маер, Ленц и Менетрие. – Примеч. автора.

Кроме моего тела и одежды мне надо было еще нести бурку и моего старого друга - барометр... Мы сделали около ста шагов по снегу вверх, и бурку пришлось оставить; черкесы взяли наверх порох из патронов в их грудных карманчиках, чтобы его растереть и смочить слюной. Этой мазью они натерли себе лицо, особенно под глазами и нос; я также имел честь быть натертым таким же образом одним из князей; благодаря этому глаза должны были быть защищены от ослепления снегом; особого облегчения мы не почувствовали, но вся наша компания получила благодаря этому вид болванки для прокатки листового железа, особенно мы, миролюбивые академики, выглядели шутовски»¹

Подъем по отлогим фирновым склонам не представлял больших трудностей, но вскоре стал таким крутым, что восходителям пришлось рубить ступеньки, чтобы не сорваться вниз. Ученые стремились достичь вершины прежде, чем начнет таять снег, отчего торопились и быстро почувствовали утомление.

Адольф Яковлевич Купфер весьма точно передает свои ощущения, когда силы начали его покидать: «Воздух настолько разрежен, что дыхание не восстанавливает истощенных сил. Кровь быстро обращается и производит воспаление в наиболее слабых частях организма. Мои губы горели, глаза страдали от ослепительного блеска снега. Все чувства мои парализовались, голова кружилась, время от времени я чувствовал какое-то непреодолимое угнетение, которого не мог преодолеть»²

«В 11 часов мы добрались до группы голых скал, которые поднимались почти до самой вершины, - уточняет Ленц время, затраченное основной группой на подъем до отметки 4800 метров над уровнем моря, - тут остальные остановились из-за усталости; высота была 13 575 парижских футов. После того как немножко отдохнул, я двинулся дальше, вначале карабкаюсь руками и ногами по отвесной стене, потом по снегу от одной скалы до другой. Постепенно я был покинут всеми моими казаками, часть их осталась с остальными, однако пятеро меня опередили. Не могу описать, какое особенное чувство меня охватило, когда я увидел себя одного на этой бесконечной снежной поверхности, так как с моего местонахождения не были видны ни идущие впереди, ни оставшиеся позади. Мертвая тишина царила вокруг: темно-синее, почти черное небо, на котором в полдень я мог различить луну, хрустящий под моими ногами снег - все было так жутко, что мороз пробежал по спине и при малейшем шорохе падающего снежного кома я содрогался; и в то же время это было вдохновляющее чувство того, что ты, со своим хрупким телом, поднялся к этим гигантским скалам и снежным вершинам; нигде, никогда так явственно, как здесь, я не ощущал странного смешения двух противоречивых чувств - телесного бессилия и духовной силы. Путь становился все труднее, уже почти 9 часов я непрерывно поднимался, при этом воздух становился все разреженнее, а снег делался все мягче, так что я проваливался в него по щиколотки.

Магомет Дудов лежал как мертвый, когда я один пробирался по скалам; я потряс его, поднял, дал ему несколько сухарей для подкрепления и сказал, что он может спуститься вниз к остальным и подкрепиться там ромом, что он и сделал, а я тем временем пошел дальше.

Так я достиг конца скалистого ущелья и одновременно вершины предгорья, покрытой одним только снегом. Дальше идти я не мог и при моей усталости я бы слишком задержался, но для определения высоты ничего не было потеряно, так как остаток пути визуально не превышал 600 футов» (183 м)³.

В то время как Ленц занимался измерением высоты Эльбруса, находясь почти у самой вершины, проводник из горцев Дудов и пятеро упомянутых физиком казаков спустились к скале, у которой остановилась основная группа восходителей. Здесь Купфер отбил несколько кусков породы для коллекции и хотел произвести наблюдения над магнитным маятником, но казак, несший ящик с инструментами, не дошел до последней стоянки. Понимая, что сил на дальнейший

¹ Дневник Э. Ленца. С. 10.

² Из дневника А.Я. Купфера. С. 42.

³ Дневник Ленца. С. 11-12.

путь не осталось, ученые решили возвращаться, чтобы успеть спуститься дотемна. Последний приют на подступах к вершине Джузеппе Бернардацци отметил выбитым в скале крестом и под ним датой - 1829¹.

Медлить не стали: мягкий после полудня снег уже не мог защищать путников от естественных ловушек - ледовых трещин. Эмилий Христианович Ленц, спускавшийся с последними проводниками, был очевидцем такой опасности.

«Спуск был гораздо труднее подъема, - рассказывает он, - так как при каждом шаге мы по колено проваливались в снег. Один казак провалился по пояс в ледовую щель, которая была покрыта легким снегом слоем в два фута, и он бы провалился дальше, если бы, к счастью, не бросил палку поперек щели. Мы посмотрели сквозь отверстие, сделанное его телом, и не смогли увидеть дна. С этого момента наша группа стала двигаться следующим образом: впереди шел казак с веревкой вокруг тела, другой конец которой нес второй, шедший за ним на расстоянии шести футов, чтобы суметь спасти его в случае несчастья, затем следовал я как главнокомандующий, причем остальные шли, ступая в след впереди идущего»²

О сложности обратного пути рассказывает и Купфер: «Спуск был очень труден и очень опасен. Казаки и черкесы, следовавшие за нами, связали себя попарно веревками, чтобы оказывать друг другу помощь. Я чувствовал себя столь слабым от усталости, что для большей быстроты движения опирался на двух человек, которые обхватили меня руками; а когда спуск стал менее крут, то я растянулся на бурке, которую тащил черкес. Каждый думал только о себе, как бы поскорее миновать опасностей, грозивших нам. Желание пораньше достигнуть лагеря заставило нас забыть, что мы окружены черкесами, на которых нельзя было положиться и которые захватили бы прекрасную добычу, овладев нами. Мы, сами не замечая того, были увлечены ими по дороге более короткой, которая, однако, удалила нас от наших спутников, мы были совершенно в их власти. Однако нам не пришлось раскаиваться в своей доверчивости. Перейдя снеговую линию и перерезав узенькую долину, дно которой было покрыто обломками соседних скал, покрытыми оледеневшей водой, мы спустились к берегам небольшого ручья, который впадал в Малку и привел нас по хорошей тропинке к нашему лагерю»³.

Оставшиеся на стоянке у Малки армейцы внимательно следили за восхождением. Генерал Емануэль наблюдал за подъемом ученых с проводниками в «превосходную Долландову трубу» (Dolland), предоставленную ему Купфером.

О том, как прошел день 10 июля 1829 года, рассказал в своей корреспонденции в «Тифлиссских ведомостях» А. Щербатов, офицер при свите генерала, очевидец событий: «Утренний мороз много им способствовал, и они продвигались довольно успешно; но чем далее, тем шествие их становилось медленнее, ибо снег таял от солнца и обрушивался под ногами. Наконец стали они довольно часто останавливаться для отдыха и растянулись на небольшие отделения. Мы, оставшиеся в лагере, с крайним любопытством наблюдали медленное шествие сих странников. К 9 часам утра прошли гораздо более половины горы, расположились они за скалами отдыхать и скрылись от нас совершенно. Спустя час времени явился из-за скалы один только человек и стал подвигаться довольно твердыми шагами к вершине Эльбруса. Тщетно ожидали мы последователей за сим предприимчивым путешественником - никто более не выказался; напротив того, многие вскоре начали возвращаться обратно. Все взоры стали следить того, кто совершил столь смелый подвиг. Отдыхая на каждых пяти или шести шагах, он шел бодро вперед.

Приблизившись к самой вершине, он исчез между скалами. Долго каждый из зрителей с нетерпеливым участием ждал его появления: как вдруг около 11 часов увидели мы сего смельчака

¹ Эта отметка была обнаружена 120 лет спустя, в июле 1949 года альпинистом К. Толстовым при восхождении на Эльбрус спортивной группы общества «Наука» и запечатлена на пленке И. Евсеевым. Это событие упоминает В.Ф. Кудинов в книге «Эльбрус в наши дни» (Нальчик: Кабард. Кн. Изд-во, 1954. с. 22).

² Дневник Э. Ленца. С. 12

³ Купфер А.Я. Рапорт о путешествии на гору Эльбрус //Акты Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. 1830. С. 76-82.

на самой вершине Эльбруса. Ружейная стрельба, гром музыки и хор песельников торжественно огласил воздух при радостных восклицаниях всего стана о столь необыкновенном событии. До самого вечера мы были в недоумении, кто был сей первый из смертных, взошедший на вершину высочайшей из гор Кавказского хребта, считавшуюся донныне неприступной. По возвращении наших путешественников мы узнали, что удалец, решившийся один взобраться на самую высокую точку Эльбруса и тем доказавший возможность сие исполнить, был один из вольных кабардинцев, бывший прежде пастухом»¹

В полдень следующего дня командир Линии пригласил всех участников восхождения на застолье. Под троекратный залп из орудий выпили за здоровье императора, соблаговолившего позволить ученым организовать эту экспедицию. Второй тост подняли за Эльбрус, послуживший причиной для знаменательного восхождения. Подняли бокалы в честь Георгия Арсеньевича, учредившего поход в неведомую даль. В разгар пиршества вызвали охотников, которые сопровождали ученых. Генерал Емануель благодарил их и каждого осчастливил подарком, а князя Кучука Жанхота облагодетельствовал золотыми часами, чем выразил свою признательность за оказанную помощь в столь трудном предприятии.

Килара Хаширова чествовали особо, как единственного, кто достиг заветной вершины. Генерал торжественно вручил ему обещанные серебряные монеты и подарил отрез прекрасного сукна на черкеску. В честь мужественного джигита опустошили еще несколько бутылок шампанского.

Место базового лагеря на Малке Джузеппе Бернардацци отметил надписью, высеченной на скале: «1829 года с 8 по 11 июля. Лагерь под командою генерала от кавалерии Емануеля»².

Так на пути следования экспедиции появилась третья отметка, сделанная главным архитектором на Горячих Водах.

Обратный путь великолепно описан Жан-Шарлем де Бессом: «Чтобы воспользоваться хорошей погодой, мы снялись с лагеря, ибо хотели пройти Железные ворота и оставить позади крутую и опасную гору. К тому же нам не терпелось пройти это ужасное ущелье, несмотря на то, что нам было жаль покидать Эльбрус, на который мы смотрели как на нашу победу и которым мы постоянно любовались. Мы вернулись в наш прежний лагерь, где Малка образует второй водопад, менее значительный, чем первый. Мы нашли там весь наш багаж. Нам уже не приходилось тащить с собой дрова: мы приближались к тем местам, где можно было добыть провизию и где вокруг палаток ощущается запах лугов»³.

После ночевки 12 июля караван направился к берегам Кубани. «...Мы продолжали свой путь, чтобы занять прежний лагерь на берегу Харбаза. Жара ощущалась даже ночью, и нам больше не приходилось разводиться огонь в кибитке. Снова появились жаворонки и перепелки, а от лугов долин исходил запах, свойственный горам Кавказа. В небольшом расстоянии от нашего лагеря мы заметили еще один водопад Тузлук-Шапа, который еще больше красил долину»

У этого мощного каскада воды Джузеппе Бернардацци запечатлел на своем рисунке всех ученых, самого Беша и генерала Емануеля с его четырнадцатилетним сыном Георгием. Судя по персонажам этой сцены, каждый был занят своим делом; сбор сведений и пополнение коллекций флоры, фауны и минералов продолжалось и после восхождения. «На восходе солнца (13 июля), которое сияло во всем своем блеске, мы покинули лагерь, чтобы продолжить движение на запад к Каменному мосту, недалеко от истоков Кубани. Мы разбили лагерь в 25 верстах далее на берегу речки Эшкакон.

Через два часа, после того как мы достигли лагеря, густой туман окутал все окрестности; жара усиливалась и оводы кусали беспощадно. Мырза-Кул, вождь урусбиевцев, постоянно нас

¹ Тифлисские ведомости. 1829. 23 июля. № 34.

² Эту надпись впервые обнаружили 25 февраля 1932 года кисловодские альпинисты Виктор Корзун и Вячеслав Никитин. Они очистили скалу от лишайника и записали текст (Корзун В. Три года на Эльбрусе. Пятигорск: СЕВКАВГИЗ, 1936. С. 32).

³ Бесс Ж.-Ш. де. Указ.соч.

сопровождаящий, приблизившись к границе своей местности, расстался с нами. Чтобы оставить мне на память подарок, как земляку, по его выражению, он снял с шеи бечевку, на которой висела очень хорошо сделанная серебряная коробочка.

Горцы постоянно их носят и держат в них жир, предохраняющий оружие от влаги и ржавчины. Вручая мне этот подарок, он добавил, что коробочка сделана его женой-княгиней...»¹.

Далее экспедиция прошла через ущелье реки Эшкакон и меж истоками Кумы и Подкумка. «На восходе солнца (15 июля) в лагере все пришло в движение, - продолжает свой рассказ Жан-Шарль де Бесс, - и, в мгновение ока, мы были на лошадях. Мы направились вдоль горы Эльмурза, и в этот раз пришлось передвигаться по скалам, подниматься и спускаться по крутым склонам». К концу дня караван вышел к Кубани.

«К вечеру, - рассказывает Беш, - приехал один из узденей Абазии, чтобы приветствовать генерала. Он переплыл Кубань, несмотря на страшную скорость этой реки. Абазин вышел из воды нагишом, но туземцы из нашей свиты тут же накинули на него бурку и посадили на лошадь».

Абазинский уздень был последним из важных горцев, кто приезжал узнать о намерениях начальника области и остался доволен встречей с командиром Линии. Расположение абазинского узденя к Георгию Арсеньевичу подтвердил приход его соплеменников: они угостили солдат белым медом, квашеным молоком и кукурузными лепешками. До заката, натянув палатки и установив кибитки, и закончив устройство лагеря, генерал Емануель решил осмотреть Каменный мост - верховье Кубани, где река рвется сквозь узкую щель, грохоча валунами, выносимыми ею с гор. Однако его предположения не оправдались: место было совершенно непроходимым, и это подтвердило, что искомая тропа торговцев оружием находилась в Карачае.

На берегах Кубани экспедиция обнаружила множество мусульманских и христианских памятников. Один из казаков нашел покрытую патиной саблю с надписью: «Генуя» и хотел продать ее Бешу, но испрашиваемая цена - 100 рублей - была слишком велика для путешественника, отчего венгр отказался от столь дорогого приобретения.

Янош Беш весьма подробно описывает памятники, бывшие в поле зрения исследователей: «Чтобы подольше наслаждаться расположением нашего лагеря, мы оставались в нем до 8 утра. В версте от него мы наткнулись на плоский камень примерно 6 футов высотой, повернутый к югу и без какой-либо надписи. Через несколько шагов далее был другой камень такой же формы, повернутый на восток. На нем мы с удивлением обнаружили крест, высеченный умелой рукой».

Но самой знаменательной достопримечательностью, заинтересовавшей генерала Емануеля, оказался Шоанинский храм, построенный по византийским канонам. Культовая постройка находилась на противоположном берегу Кубани и была недостижима из-за высокого паводка реки, что сделало известные горцам переправы непреодолимыми. Но рассказы о существовании и других крестово-купольных церквей давних эпох наводили на определенные размышления. Продолжением научной экспедиции стала поездка за Кубань архитектора Кавказских Минеральных Вод.

По просьбе Георгия Арсеньевича в октябре этого же года Джузеппе Бернардацци с эскортом казаков отправился к древностям Кубани. Брод в осенний межень не представлял больших трудностей и переправиться на левобережье удалось без особых усилий.

В рапорте на имя генерала от кавалерии Емануеля архитектор Кавказских Минеральных Вод пишет: «...я отправился к церкви, находящейся на горе Чуна. С удивлением осматривал я местность, на которой она возвышается, но более всего поразила меня самое ее построение по всем правилам искусства и прочность. Все арки сложены из превосходных кирпичей, а своды - из цельных камней. Грунт места, на котором церковь построена, состоит из порфира и камня, называемого по-итальянски *mollega*; он добывается на противоположной горе и на берегах Кубани. Все мои старания об отыскании каких-либо надписей, изваяний и т. п. были тщетны. Действие воздуха, которому подвержены стены храма в продолжение, может быть, нескольких столетий,

¹ Бесс Ж.-Ш. де. Указ.соч.

слегка повредило некоторые части оных; повреждение же прочих частей, как, например, при входах, должно приписать единственно злоумышленности прохожих.

На скате горы Чуна, к Кубани прилегающему, увидел я несколько небольших подземных гробниц из обыкновенного камня, которые, как должно думать, заключают в себе остатки тел христиан. В тот самый день я снял на бумагу все подписи на гробницах черкесских, мною найденные. На дороге к крепости, при подошве означенной горы, открыл я слой превосходного каменного угля»¹.

Из этого рапорта становится ясно, что Джузеппе Бернардацци впервые в официальном документе упоминает раннехристианские захоронения аланских племен эпохи средневековья, называя их черкесскими. Участие архитектора КМВ, вероятно, было достаточно значительным: что подтверждает камера-обскура, подаренная ему Санкт-Петербургской академией наук. С помощью этого аппарата Бернардацци сделал цветную панораму Кавказа из нескольких ватманов. Ничего подобного в те времена не имела ни одна Академия наук Европы.

Закончив обозрение побережья Кубани, экспедиция направилась через перевал Кум-Баши к Горячим Водам, куда и прибыла 1 августа. «3 августа, - пишет Янош Беш, - генерал от кавалерии дал большой обед, чтобы отметить одно из тезоименин двора, которые часто бывают в году, и одновременно чтобы отпраздновать именины своей супруги... Это было редкое зрелище такого разнообразного смешения мундиров русских офицеров с французскими фраками. Князья здешних стран не казались в этом многочисленном собрании ни к месту. Обед прошел очень весело. Музыка звучала все время: неоднократно предлагались тосты за императора Николая I, сопровождаемые артиллерийскими залпами. С восторгом выпили за здоровье достойного командира Линии и его супруги. Его превосходительство соизволил выпить за здоровье тех, кто сопровождал его в памятной экспедиции на Эльбрус».

Как пишет в своем дневнике известный петербургский библиограф П. И. Кеппен, находившийся в это время на Водах, «весь город со всеми окрестностями и возвышенностями снизу до вершины гор был иллюминирован в честь похода, совершенного к Эльбрусу»².

Итоги Эльбрусской экспедиции были впечатляющими: военные собрали необходимые им сведения, а столичные ученые привезли в Санкт-Петербургскую академию наук богатейшие материалы, на изучение которых потребовалось несколько лет.

¹ Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1830. Кн. 4. Ч. 3.

² РГИА, ф. Кеппена.

МАНЯЩИЙ И СВЕРКАЮЩИЙ...¹

Экспедиция на Эльбрус

Так как нам предстоял долгий путь верхом на лошадях и переход через крутые горы, я накрыл чехлом свою коляску и вещи и оставил все в Горячеводске. Я выехал 2 июня, не беря с собой ничего из съестных припасов, дабы они не обременяли меня постоянно. Благорасположение генерала избавило меня от этих трудностей, ибо он сообщил письмом своей супруге, что я буду среди его спутников, в числе которых уже было четверо академиков, прибывших из Санкт-Петербурга.

Успокоившись по этому поводу, я отправился в дорогу в 5 часов вечера с эскортом казаков. С невероятной скоростью мы прибыли в Боргустан - хорошо укрепленный казачий пост, защищенный от нападения горцев. Сменив лошадей и эскорт, мы направились в Кисловодск, где были кислые минеральные воды. Эта местность находится у подножия возвышенностей, которые входят в Кавказский хребет между Черным и Каспийским морями.

Ночь застала нас в нескольких верстах от Кисловодска. А когда мы въезжали в горы, то увидели большие облака, собирающиеся над нашими головами, и скоро темнота стала такой густой, что мы не смогли бы продвигаться по дороге, если бы не множество молний. Наши лошади в самом деле были напуганы ужасным громом, который раздавался с грохотом, удвоенным эхом гор, окружавших нас со всех сторон.

Какой божественный спектакль, какое наслаждение для меня, с детства с невыразимым удовольствием слушавшего раскаты грома. Грудь расширялась, дыхание становилось более свободным, и тогда я считал себя счастливым, хотя настоящее счастье осталось мною неизведанным в течение моей долгой и тяжелой от трудов жизни.

Этот небесный гнев, грозивший нам, напомнил мне сказание, так часто повторяемое горцами и многими путешественниками, в котором Эльбрус был якобы недоступен и священным для всех смертных. Было уже 10 часов вечера, когда мы прибыли в Кисловодск, преодолев 45 верст за 5 часов. В темноте приходилось искать извилистую дорогу, ведущую в форт.

Мы подъехали к шлагбауму. У меня было письмо или точнее, приказ для коменданта. Одного из наших казаков пустили к коменданту, который приказал немедленно открыть шлагбаум принял меня дружески и отдал приказ постелить мне очень чистую постель и предложил на ужин несколько галет и стакан вина. На рассвете следующего дня я сел в седло, окруженный эскортом из двух десятков казаков. Безопасность путешествия без внушительного сопровождения была бы под угрозой, поскольку справа была Малая Абазия, а слева - Большая Кабарда, населенные народами, независимыми, воинственными и склонными к грабежу.

Выезжая из Кисловодска, мы сразу же начали преодолевать высокие горы по узким тропинкам и краям пропастей, которые только и ждут, как бы вас поглотить. Подъем и спуски весьма утомляют: дороги по ним представляют собой внушительное нагромождение скал, закрывающих красоты, которые мы хотели бы тщательно рассмотреть. Но продвижение по этим каменистым тропам было лишь прелюдией к тому, что нам предстояло через несколько дней - приблизиться к проходу, такому жуткому, что мы по праву назвали его Железными воротами.

Проехав утром 40 верст, мы добрались до стоянки экспедиции к 11 часам. Лагерь располагался на плоскости у входа в ущелье, называемое Хасаут, которое находится на высоте от 6 до 7 тысяч футов над уровнем моря. Кибитки были установлены полукругом; они стояли перед палатками офицеров войск Линии и казаков. Одна из кибиток была занята генералом и его четырнадцатилетним сыном, вторая - была предусмотрена для академиков и архитектора. Благодаря доброте генерала, меня поместили с этими господами в той же кибитке. 600 пехотинцев не имели палаток, с двумя пушками они расположились сторожевыми постами в разных местах.

¹ Главы из книги Жан-Шарля де беса «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь а 1829 и 1830 гг.». Париж, 1838.

400 казаков в поисках пастбищ разошлись по холмам для выпаса лошадей, которые разлеглись в травах, достигавших колена и бывших отличным кормом. Лагерь выглядел очень красиво. Генерал отошел от лагеря чуть раньше, чтобы исследовать соседнюю гору и осмотреть окрестности. По словам местных жителей здесь находилась шахта свинцовой руды. Ее, в самом деле, нашли и позже принесли образцы, правда с других гор, немного отдаленных.

Генерал вернулся после полудня, сердечно меня принял и не переставал выказывать мне свое благорасположение до последнего момента моего пребывания на Кавказской линии. С удовольствием должен признать, что я обязан таким приемом рекомендации его уважаемых родственников, живущих в Вершице, в Венгрии, откуда генерал родом.

Этот достойный человек также привержен своему монарху и новой родине, как и обожает страну, откуда родом. Выходец из дворянской семьи, он провел первые годы службы в австрийской армии, где и заслужил золотую медаль. Затем в поисках лучшей доли или, скорее, ведомый судьбой - всегда неумолимой и неизбежной, - он вступил в гвардию, где служили венгерские дворяне. Однако, несмотря на все попытки, избежать так называемого жизненного жребия не удалось: пришлось покинуть австрийскую службу, свою родину и вступить в армию императора Павла, где он быстро дослужился до чина полковника. Характер этого генерала образцовый и достоин высокого уважения. Чтобы оставить неизгладимый след сыновней нежности на своей родине, он возвел мавзолей из мрамора у входа во двор Вершитской церкви: там покоится прах его родителей.

Четверо академиков, присланных императором Николаем для исследования Кавказа, были господа: А. Купфер, член Санкт-Петербургской академии наук; Э. Ленц, адъютант Академии наук; Э. Менетрие, хранитель Зоологического музея Академии наук; К. Мейер, доктор философии. Штабные офицеры были: кавалер Зельмих, полковник, помощник генерала; подполковник Ушаков, командующий фортом Нальчик и соединениями экспедиции; Щербатов, офицер обоза; кавалер Земки, офицер-медик, и Жозеф Бернардацци - итальянец по происхождению, архитектор Горячих Вод.

Кибитка - изобретение калмыков и других кочевников. Эти передвижные дома превосходят все известные в Европе и Азии палатки по ряду показателей. Входная дверь сделана из драпки высотой 4 фута, которая снаружи также покрыта войлоком. Внутри кибитка имеет от 6 до 12 футов в диаметре, в зависимости от ранга ее занимающего. Огонь разводится в центре, дым выходит вверх, в отверстие, которое закрывают, если огонь не разводят.

Если имеются ковры, подобные видимым мною у кочевников-татар, ими можно накрыть весь пол внутри, чтобы избежать проникновения в кибитку влаги от земли, и вы, верно, окажитесь в татарском доме. В степях, населенных татарами и ногайцами, такие кибитки еще лучше ухожены и лучше устроены, чем те, которыми пользовались в нашей экспедиции.

Тревога среди горцев при нашем приближении

С приближением экспедиции жители соседних гор, встревоженные видом войск, направили депутацию, чтобы узнать о цели этих военных приготовлений. Первыми представились карачаевцы, сопровождаемые муллой; вскоре их успокоила ласковая, дружественная и располагающая манера поведения генерала. Эти депутаты более не покидали нас: ограничившись тем, что отправлен назад мулла с поручением успокоить пославших их, они сопровождали нас до границ своей территории. Они добавили, что их нация проживала за Кубанью, в степях, занятых ныне казаками-черноморцами

Они сказали далее, что в трех днях пути от нашего лагеря есть пять деревень, или народностей, которые происходят от мадыарского корня, - это Орусбие (Orousbie), Бизинги (Bizinghi), Хулам (Khouliam), Балкар (Balkar) и Дугур (Dougour); что эти народности говорят на языке, совершенно отличающемся от языка других обитателей Кавказа, что они проживают в самых возвышенных горах и поддерживают связи с соседями - осетинами и имеретинцами.

Во время наших бесед с карачаевцами, чтобы сделать им приятное, я сказал, что в Венгрии есть семейство, с таким же именем. Генерал Карачай служил в армии австрийского императора, нашего нынешнего государя, и, возможно, это венгерское семейство связано кровным родством с их древним вождем Карачаем. При этих словах я заметил, как они переглянулись между собой с обеспокоенным видом, а затем неожиданно покинули нас, не попрощавшись с присутствующими; лишь через несколько часов я узнал причину их тревоги.

Толмач генерала, который присутствовал при наших беседах, отправился сообщить ему, что карачаевцы, покинув мою кибитку, принялись совещаться между собой, выказывая признаки величайшей обеспокоенности; чтобы узнать причину их жестикуляции и перешептывания, он приблизился к ним и вскоре понял, что их дебаты касались того страха, который вызывало у них мое появление в такой близости от их территории, так как, судя по тому, что я сказал, моей целью может быть не что иное, как требовать наследство семейства Карачай в пользу Карачаев из Венгрии. Он прибавил, что мои речи породили подобное подозрение у депутатов и что необходимо рассеять их заблуждения. Генерала этот рассказ весьма позабавил, и он просил меня больше не говорить с ними на эту тему, но постараться объяснить их ошибку, что я сделал спустя какое-то время, наведя их в палатке. Они казались весьма удовлетворенными тем объяснением, которое я дал своим предыдущим высказываниям, а также моим проявлениям дружбы по отношению к ним, поскольку через несколько часов они нанесли мне повторный визит и, спокойно попивая чай, снова отрицали, что мы суть соотечественники; с этого момента они непрерывно называли меня «кардаш» (kardache - друг по-карачаевски) и пожимали мне руку при каждой встрече.

По этому поводу старшина орусбиев, Мурза-Кул, - русские называли его князь, - несмотря на свой почтенный возраст, бодрый и крепкий старик, рассказывал мне следующую историю, которую, по его словам он слышал из уст отца и многих их старейшин своего племени, пересказывавших ее всякий раз, когда речь заходила об их предках, мадыарах, господствовавших в этом крае от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа, вплоть до побережья Черного моря.

Легендарная история мадьярского князя

«Жил когда-то, - начал свой рассказ Мурза-Кул, - молодой мадьяр, сын вождя, правившего страной, протянувшейся до Черного моря; звали его Тума-Мариен-хан. Этот молодой человек страстно любил охоту. Как-то раз, увлеченный любимым занятием в компании молодых людей, он преследовал зверя до самого берега Черного моря и заметил на некотором расстоянии маленький корабль, украшенный флагами и вымпелами, развевавшимися на ветру. Корабль, гонимый к берегу легким бризом, мало-помалу приближался, и Тума-Мариен тоже направился вместе со своими спутниками к берегу; каково же было их удивление, когда они увидели на палубе одних только женщин, одетых в богатые одежды и знаками умолявших о помощи. Молодой князь тотчас же приказал прикрепить конец бечевки к стреле, которую пустил так удачно, что она упала прямо у ног женщин; они схватили ее, привязали к хрупкой мачте своего суденышка, охотники же, ухватившись за другой конец веревки, в мгновение ока выволокли корабль на сушу. Князь помог спуститься на берег одной из девушек, к которой ее спутницы, по всей видимости, питали большое уважение; он смотрел на нее с обожанием, не в силах вымолвить ни слова - столь глубокое впечатление на него произвела необычайная красота чужестранки. Затем, оправившись от своего удивления, он проводил ее вместе со спутницами в резиденцию своего отца, который, узнав о высоком рождении молодой особы и ее историю, согласился женить на ней своего сына.

Вот удивительная история этой молодой чужестранки: ее звали Амелия, и она была дочерью греческого императора, правившего в то время Византией. Этот своенравный монарх приказал воспитывать свою дочь в одиночестве на одном из островов Мраморного моря под наблюдением почтенной женщины; четырнадцать молодых девушек было у нее в услужении, и монарх строго-настрого запретил дуэнье, чтобы к его дочери когда бы то ни было приближался какой бы то ни было мужчина.

Принцесса становилась с каждым днем все прекраснее и приобретала все более невыразимое обаяние; ее прелесть в сочетании с невинностью и добротой вызывали обожание со стороны ее спутниц по изгнанию.

Однажды, когда принцесса спала на диване под открытым пологом, лучи солнца, как никогда яркие в тот день, проникли в ее ложе - и произошло чудо: принцесса оказалась на сносях. Беременность не могла долго оставаться незамеченной ее отцом; оскорбление чести привело императора в страшный гнев. Чтобы скрыть бесчестье от своих подданных и не давать повода для разговоров об императорском семействе, он принял решение убрать дочь с глаз всего света, изгнав ее за пределы империи. С этой целью он приказал построить маленький корабль, нагрузить его золотом и бриллиантами, посадить на него свою дочь с ее служанками и дуэньей и отдать эти невинные существа на волю ветра и волн. Однако море, всегда столь гневно обрушивавшееся на непрошенных возмутителей спокойствия его вод, смилостивилось к принцессе, и легкий ветерок погнал кораблик к гостеприимным берегам мадьяр.

Принцесса не замедлила разрешиться от бремени сыном, а вслед затем подарила своему супругу Тума-Мариен-хану двух других сыновей. После смерти отца молодой князь стал наследником и прожил счастливую жизнь. Он воспитал первого своего сына от принцессы Амелии под родительским надзором. Перед смертью он приказал сыновьям жить в союзе и мире; но они, став хозяевами после кончины отца, поссорились из-за престола, и разгорелась междоусобная война.

Эта смута среди мадьяр привела к разрушениям и расколу внутри этой некогда свободной и могущественной нации, от которой, - со вздохом прибавил рассказчик, - у нас сохранились лишь воспоминания о ее былом величии, воспоминания, которые мы храним среди этих скал, превращенных нами в убежище нашей независимости, единственного наследия наших отцов, ради которых мы и наши дети всегда готовы отдать жизнь» - так закончил этот интересный старик свой рассказ, сопровождавшийся исключительно уместной жестикуляцией.

Хотя я едва понимал его слова, но с особым интересом слушал его рассказ, постепенно переводимый на турецкий язык. Мурза-Кул вел рассказ с легкостью и живостью, очаровавшей слушателей. Что касается меня, то я затруднился бы передать те ощущения, которые породил во мне рассказ князя, ставшего с того момента объектом моего пристального внимания. Этот приятный старик не покидал нас до самого Эльбруса.

Карачаевцы во главе со своим «вали» Исламом Керим-Шовхали также сопровождали экспедицию. Все эти люди были чисто одеты на черкесский манер, в костюмы, которые были переняты не только всеми жителями Кавказа, но также и казачьими офицерами на Линии. Они превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать, не только лихо, но и с изяществом; они очень ловкие и прекрасные стрелки.

Эти люди отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью стана. Я заметил, что в этом отношении никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дугуры, которых я встречал позже в Нальчике... У них татарский язык и магометанская религия, которую они исповедуют, кому, как нравится, за исключением молодежи, скрупулезно соблюдающей все обряды. Я думаю, сделать из них новообращенных не составило бы большого труда.

Многоженство дозволено, но у них редко бывает больше одной жены. Они имеют репутацию хороших мужей и хороших отцов. К тому же их не следует рассматривать как полуварваров: они выказывают достаточно много ума, легко воспринимают привнесенные извне искусства и их, кажется, трудно чем-либо поразить. Я заметил, что у мужчин ноги маленькие и правильной формы, что должно быть отнесено за счет легкой обуви без каблуков и их привычки мало ходить пешком и почти всегда быть верхом на лошади.

Земля в их краю - одна из самых хороших и плодородных, она дает пшеницу, ячмень и особенно просо; травы вырастают там до высоты почти в два фута и их более чем достаточно для корма скота. В этой стране прекрасные и обширные леса, где водится много животных; в их числе можно отметить куницу и дикую кошку, мех которых высоко ценится. Склоны и долины орошаются тысячью различных источников, освежающих зелень и умеряющих летнюю жару.

Карачаевцы разводят лошадей прекрасной породы; среди них есть такие, которые в Европе стоили бы до двух тысяч франков. В большом количестве там водятся волы и овцы. Как правило, жители питаются бараниной; они также выделывают весьма хорошего качества масло и сыр.

Туземный князь в русском лагере

С тех пор, как в крепости Нальчик устроили школу для туземных детей, многие старшины ближайших к форту народов стали посылать сюда своих детей для обучения чтению. Письму и разговорному русскому. Среди этих детей более выделялись карачаевские и дудурские чада, особенно первые, ибо, верно говоря, карачаевцы, вероятно, из всех областей Кавказа наиболее восприимчивы к цивилизации, потому что они менее расположены к грабежу, чем их соседи черкесы и абазины. К тому же у них богатая территория, как говорит Клапрот, и они никогда не выходят за пределы своих гор. Если бы кто-нибудь поднялся, как я, по притокам Кубани к ее истоку, то увидел бы и восхитился прекрасными лесистыми холмами, обширными плато, покрытыми растительностью с длительной вегетацией, долинами, орошаемыми реками и бесчисленными ручьями. 16-го числа утром, собрав кибитки, лагерь снялся. Любопытно было наблюдать, как калмыки ловко собирали кибитки и устраивали их на спинах верблюдов, которые опускались на колени и терпеливо ждали, когда взгромоздят тяжелую поклажу. Верблюдов было шесть.

Вскоре мы отправились в путь, и дошли до подножия горы Бермамыд, высотой 8 тысяч футов. Спустя три часа мы дошли до плато Жидашту на высоте 6 или 7 тысяч футов. Ущелье, которое ведет к плато и то, что ведет в Хасаут, можно защищать небольшими силами против превосходящих сил противника. На время всего пути генерал выбрал квартирмейстера; в его обязанность входило искать травянистое плато для стоянок, с водой и лесом для обогрева.

Едва мы установили кибитку, как выпал сильный град, захвативший нас врасплох, и повлек за собой сильный ливень, который привел наше пристанище и амуницию в ужасное состояние, и нам пришлось ночевать на мокрой траве. Мы испытывали неудобства, так как не было матрасов и одеял. Следует заметить, что мои спутники начали испытывать офтальмию (воспаление глаз) на пятом переходе. Губы у них набухли, а кожа на лице заиндевела и покрылась пятнами. На следующий день погода улучшилась и идти стало легче. Наши голодные лошади набрасывались на траву, которая здесь уже имела после дождя вязкий, как в благоухающем саду, запах.

Во время нашего перехода приехал татаро-ногайский князь Атакай Мансуров со своей свитой. Он льстил генералу комплиментами, скорее всего, с целью выведать цель экспедиции.

После 20-верстного перехода мы разбили лагерь на плато под названием Харбаз. Мы незаметно приблизились к Эльбрусу, который в тот момент был скрыт густыми облаками. Какое-то время шел дождь и помешал нам совершить экскурсию в окрестности нашего лагеря. Тем не менее, генерал вызвал офицеров-минералогов для исследования соседних гор, и спустя некоторое время они принесли свинец и каменный уголь, который прекрасно горел сильным пламенем.

18-го числа наш лагерь продвинулся еще на 18 верст вперед. Палатки установили близ небольшого леса. Здесь мы обнаружили прекрасную траву. В долине был источник свежей воды хорошего вкуса. Господа натуралисты беглым взглядом осмотрели окрестности, собрали большую коллекцию редких бабочек, цветов и растений разных видов.

Русский лагерь у подножия Эльбруса

Мы еще находились в лагере, как кто-то пришел известить генерала о находке в четырех разных местах ископаемого угля. В то же время кабардинец принес треножник, найденный им, по его словам, в Приэльбрусье, в горах, покрытых снегом. Этот треножник весил примерно 10 ливров (ливр - 400 граммов), а высота его была примерно 15 футов (33 см), и в диаметре он имел такую же величину. Судя по тому, как железо было отполировано и нигде не поржавело, можно было предположить, что это был чугун; местные жители рассказывали, что они слышали от своих предков, как Ноев ковчег остановился сначала у вершины Эльбруса, а затем ветер отнес его к Арарату. Как бы там ни было, можно предположить, что туземцы, жившие по соседству с Эльбрусом, не преминули бы приблизиться к этой величественной горе, которую они всеми силами стараются, прежде всего, скрыть от иностранцев.

Господин Клапрот и многие другие путешественники просто думали, что горцам нравилось распространять басни по этому поводу. Чудеса вообще нравятся людям, вот почему мы видим и людей ученых, но энтузиастов, которые любят относить истоки их понятий к сотворению мира.

Сильный дождь длился весь день и заставил нас продлить наше пребывание в лагере до следующего. В это время каждый предавался своим занятиям и изысканиям. Интересно было видеть одного из наших ученых, вооруженного тысячами булавок, накалывающего на картон мошку и бабочек, чтобы затем упрятать их в приготовленные для этого коробочки.

Другой ученый, имея громадную стопу бумаг около себя, укладывал между двумя листами редкие цветы и растения, собранные в пути. Третий - приводил в необходимый порядок математические инструменты и телескоп, который он вскоре должен был навести на устрашающий Эльбрус. Что касается господина Купфера, человека весьма образованного, мягкого характера и приятной внешности, то он делал записи и готовил доклады для Санкт-Петербургской академии наук. Надо отдать должное прилежанию, деятельности и уму этих господ. Академия сделала отличный выбор, доверив им эту прекрасную миссию, которую они, вероятно, выполнят к удовольствию правительства и этого блестящего общества. Ученый мир скоро сможет поздравить себя с тем, что результаты их исследований увидят свет.

24-го числа лагерь снялся, и все пошли к этой громадной горе. Мы были отделены от нее последним укреплением, которое нужно было пройти, чтобы добраться, наконец, до подножия Эльбруса. Нам предстояло подняться до 800 футов над уровнем моря. Из всех возвышенностей, на которые мы до сих пор взбирались, она была наиболее обрывиста, вследствие чего нам было очень трудно подниматься на вершину. К тому же, во время восхождения густой туман объял нас, заставил остановиться и переждать более двух часов, пока не прояснилось.

Мы шли по тропинке между пропастью, примерно 500 футов глубиной, и скалами, которые поднимались вертикально, оставляя нам уступ шириной в аршин. Артиллерия, багаж, фургоны и верблюды были оставлены в лагере, который мы только что покинули. Мы шли медленно, у каждого была палка с железным наконечником. Мурза-Кул возглавлял колонну, генерал следовал за ним, а я, опираясь на свою саблю, шел следом за ним. После каждых десяти шагов нам приходилось останавливаться и переводить дыхание. Чтобы воодушевить нас, Мурза-Кул, этот добрый старик, порой, покрикивал: «Хайда, мадьяр! Хайда! - что означает: «Вперед, мадьяр, смелей!» - и выпренно добавлял: - Брат мой, вспомните, что мадьяры никогда не оставались позади».

Спуск был не менее трудным, чем восхождение. Наконец мы пришли к Железным воротам. Так можно назвать эти вторые Фермопилы. Здесь скалы, образуя вход, сближаются с двух сторон, оставляя лишь очень узкий проход, сквозь который можно выйти на плато напротив Эльбруса. Отсюда его уже больше ничто не скрывало от основания до вершины.

Урочище, где мы остановились, было окружено со всех сторон высокими горами; некоторые из них являются вулканическими. Малка течет здесь очень быстро. Осмотревшись, чувствуешь унылое одиночество. Острые скалы, кажется, достигают облаков; черные горы, окружающие снежные вершины, составляют основание Эльбруса.

Они представляют величественную картину и будто распространяют вокруг вас темный свет, вызывающий крайнее удивление. Когда созерцаешь Эльбрус, природа здесь представляется величественной. Лишь это чувство овладевает вами и принуждает пасть ниц у подножия трона Создателя. О, вы, несчастные атеисты, и вы, обездоленные крепкие умы, придите сюда, чтобы созерцать мощь вашего Создателя Вселенной! Положите руку на сердце, возведите глаза к небу, переведите их затем на это чудо природы и признайте, что ваше сердце говорит вам: «Да, Бог есмь един».

Местные горцы, наполовину варвары, лишенные света настоящей религии, смотрели на Эльбрус в спонтанном порыве, как на священную гору, покрытую тайнами, от которых они по сию пору старались отдалить профанов. И они обожают, словно символ чуда Всевышнего, первопричину всего сущего.

Эльбрус, вероятно, очень удивился, увидев первый раз людей, одолевших преграды, являющиеся стражами сих почитаемых мест, до сих пор считавшихся недосыгаемыми. Но он должен быть еще более удивлен необыкновенным мужеством человека, поправшего его чело. В памяти человечества никто еще не имел такой отваги. Генерал от кавалерии Емануель первым дерзнул задумать такое покорение. Это он, преодолев все препятствия, и выйдя победителем, пришел разбить свой лагерь у подножия этого вечного памятника природы. Действительно, нужно было получить от Бога характер такой твердый и решительный, как тот, что имел генерал, который смог одолеть все опасности и сделать возможным то, что все путешественники и все жители Кавказа не осмелились сделать прежде. Эльбрус не может иметь очертания более величественные, чем те, которые он выказывает в настоящее время в его удивительном величии, с какой бы стороны на него не смотрели.

Восхождение на Эльбрус

Генерал пожелал убедиться, не возникнут ли такие препятствия, как болота, не встанут ли пропасти на пути при попытке достичь вершины Эльбруса - самой высокой после нашего лагеря. Я его сопровождал, пройдя с ним некоторое расстояние. Подъем был довольно крутой, но ничто не могло остановить генерала, чтобы достичь цели. Убежденный, что отныне ничто не помешает его предприятию, генерал приказал все подготовить. После завтрака генерал призвал к себе тех, кто должен был войти в состав небольшого каравана, и обещал тому, кто первым взойдет на вершину, - 100 рублей серебром, 50 - второму и 35 - третьему.

Выбрали двадцать казаков-добровольцев, чтобы сопровождать господ натуралистов, к коим присоединился господин архитектор Бернардацци, и им выдали провизию на этот и следующий день. Перейдя Малку, кавалькада дефилировала перед нашим взором цепочкой людей и, направляясь зигзагами, стремилась преодолеть Черные горы.

Среди всех гор, которые я видел в трех частях света, ни одна не имеет такого разнообразия форм, как те горы, которые были перед нами. Эта прекрасная картина достойна кисти очень опытного художника. Что добавляло к красоте этой перспективы, так это удовольствие видеть небольшую экспедицию, поднимающуюся на лошадях на гребень ближайших, довольно крутых гор; восходители шли один за другим на некотором расстоянии и виделись лишь маленькими черными точками, почти незаметными; это было восхитительное зрелище.

Общество восходителей провело ночь на Черных горах. На следующий день, 22-го числа, в три часа утра экспедиция начала подъем на горы, покрытые снегом. Солнце сияло. Ни одна туча (хотя на этой высоте горы почти всегда покрыты тучами) не показалась близ горы, вершина которой терялась в пространстве. Можно было подумать, что само небо благоволило первому проникновению человека в эти священные места.

Экспедиция, предпринятая накануне, исчезла из наших взоров. Только к полудню следующего дня при помощи телескопа мы ясно видели, как показались четыре человека, которые пытались достичь вершины Эльбруса. Мы также очень отчетливо видели, как трое из этих людей не могли больше противостоять разреженности воздуха и легли а снег, и лишь один единственный человек продолжал идти твердым шагом, поворачиваясь то налево, то направо, ища, куда с большей уверенностью поставить ноги, которые, естественно, проваливались в рыхлый от солнца поверхностный слой снега. Генерал постоянно находился перед телескопом и с удовольствием следил за тем, кто показался так близко к вершине и мог получить самую большую награду.

Я сидел рядом с генералом и писал письмо, которое начинается такими строками: «На коленях у подножия Эльбруса я пишу это письмо и т. д.». Пока я писал, очарованный происходящим, я прерывал свое письмо, желая полюбоваться мужественным человеком, который пробивался сквозь льды и снега и шел вперед, тогда как трое из этих самых мужественных восходителей лежали на снегу и не могли больше следовать за ним. Генерал все время ждал у телескопа, когда этот человек, единственный остававшийся на ногах на этом обледенелом склоне, достигнет вершины горы. Наконец, мы увидели, как этот человек, превозмогший множество трудностей, которые казались непреодолимыми, остановился на вершине. Генерал тотчас приказал троекратно отсалютовать из ружей завоеванию Эльбруса.

Мы увидели господ академиков во время их возвращения в лагерь, и нужно признать, что караван, исчезнувший накануне, поистине был караваном мужественных людей. Они были измучены усталостью и мокры от таявшего снега. У них были распухшие веки и покрыты пятнами лица. Надо воздать должное господам академикам: они, со своей стороны, сделали все, что в человеческих силах. Нам стоило также полюбоваться скромностью этого простого человека, живущего в Вольном ауле на реке Нальчик в Большой Кабарде. Его зовут Килар. Этот человек, единственный из всех, кто пытался взойти на вершину Эльбруса, имел счастье ее достичь. Таким образом, память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями. Этот человек принес с вершины кусок базальта, который генерал приказал

расколоть на две одинаковые части, из коих одна была отправлена в Санкт-Петербург, а вторая была отдана мне, чтобы стать экспонатом в Национальном музее Пешта.

К вечеру того дня, когда господа академики вернулись в наш лагерь, мы их поздравили с их блестящим успехом и счастливым возвращением. У Килара открылась болезнь глаз и, кроме того, он был таким уставшим, что в этот день не смог предстать перед генералом, чтобы получить свою награду. Церемония вручения была перенесена на другой день.

Водопад. Банкет, данный туземным князьям. Надпись у подножия Эльбруса

Хотя мы мало были удалены от гор, покрытых снегом, жара все-таки ощущалась, небо было ясным, атмосфера чистой; все покоилось в чудесной тишине. Эльбрус блестел мерцающим сиянием, излучая с высоты его трона искры, которые казались бриллиантовыми мириадами вспышек. Как бы для того, чтобы оказать честь тем, кто пришел его завоевать в первый раз своей смелостью и стойкостью. Пока малая экспедиция отсутствовала, генерал, два штабных офицера и я пошли осматривать водопад на Малке, в двух верстах от нашего лагеря. Мы дошли до края пропасти между нами и горой, откуда извергалась Малка, образуя очень красивый водопад. С удовольствием мы созерцали падение реки, которая, срываясь с высоты около 100 футов, представляла собой низвергавшийся пласт воды шириной около 20 футов.

23-го числа, чтобы отметить удачную экспедицию, генерал дал обед старшинам Кабарды, Карачая, Орусипия и Черкесии. Выпили за здоровье императора Николая под троекратный залп из всех орудий. Эльбрус ничуть не был забыт, и с воодушевлением, заслуженным по праву, выпили за здоровье достойного шефа, который должен быть прославлен этой замечательной экспедицией, организованной по приказу и при содействии великодушного императора Николая.

По окончании обеда, вызвали удальцов, которые сопровождали эту экспедицию, достаточно опасную, чтобы присудить торжественно должное вознаграждение смельчаку Килару, уже восстановившему свои силы после замечательного восхождения. Выпили также и за его здоровье: таким образом несколько бутылок шампанского было опустошено; туземные старшины весело предавались возлиянию, считая, что по этому, из ряда вон выходящему случаю Магомет закроет глаза, чтобы на них не смотреть.

Генерал воспользовался случаем, чтобы уравнивать биев и узденей, которые нас сопровождали. Кучук Жанхот - предводитель Большой Кабарды - получил золотые часы, а уздени - по куску сукна для черкесок.

Чтобы увековечить память этой экспедиции, единственной в летописи кавказских народов, генерал приказал выбить на скале надпись на русском языке при входе в лагерь. Генерал захотел, чтобы там были имена академиков и офицеров, которые участвовали в экспедиции, и по той же причине мое имя было туда также добавлено. Это отличие должно мне польстить, так как память о моей стране будет навечно начертана в этой части света, где когда-то наши предки господствовали и где еще существует небольшое количество мадьяр, поднявшихся высоко в горы, чтобы жить в независимости, которая составляет их высшее счастье.

Если когда-либо какой-нибудь венгр, влекомый любовью к родине, доберется после меня к подножию Эльбруса, когда меня уже не будет, и если он прочтет эту надпись, пусть не забудет, что один из его соотечественников, движимый несокрушимой любовью к родине, был первым из мадьярских сынов, кто прикоснулся к колыбели его отцов! Признание моей родины - вознаграждение за мгновения горечи, которые я пережил со времени моего патриотического путешествия. Я могу ждать этого вознаграждения только от последующих поколений, озаренных более чистым светом, которые воздадут по справедливости моей незапятнанной памяти.

Переход к истоку Кубани

Чтобы воспользоваться хорошей погодой, мы снялись с лагеря, ибо хотели пройти Железные ворота и оставить позади крутую и опасную гору, пока не разразится дождь и не затруднит еще больше наше восхождение. К тому же, нам не терпелось пройти это ужасное ущелье, несмотря на то, что нам было жаль покидать Эльбрус, на который мы смотрели, как на нашу победу и которым мы постоянно любовались.

Мы вернулись в наш прежний лагерь, где Малка образует второй водопад, менее значительный, чем прежний. Мы обнаружили весь наш багаж там, где его оставили. Нам уже не приходилось тащить с собой дрова, чтобы согреться: мы приближались к съестному провианту и уже начинали вдыхать приятный запах, который луга источали вокруг наших палаток.

24-го числа, когда мы собирались сняться с лагеря, горизонт исчез в густом тумане, который скрывал от нас все вокруг. Но это продолжалось недолго, и мы продолжали путь, чтобы занять свой прежний лагерь на берегу Харбаза. Жара ощущалась даже ночью, и нам больше не приходилось разводить огонь в кибитке. Вновь появились жаворонки и перепелки, и от лугов долин исходил тот запах, который свойствен горам Кавказа. Недалеко от лагеря мы заметили другой водопад, называемый Турлук-Шапа, который украшал долину с рощицей теснящихся деревьев.

25-го числа, на восходе солнца, сиявшего всем своим блеском, мы покинули лагерь, чтобы продолжить в западном направлении наш переход, который должен был увести нас к Каменному мосту, недалеко от истока Кубани. Пойдя 25 верст, мы расположились лагерем на берегу речки Эшкакон; она сбегает по приятной лесистой долине. К югу от нас был Эльбрус, к северу горы: Бермамыд, Мевель-Куана, Пагун и Эльмурза. Кума берет начало между Эльмурзой и Пагуном, первая из этих гор соединяется горой Кушгаг, которая возвышается над всеми соседними горами. Эти три горы с плоскими, длинными, как стол, вершинами великолепно соединяются; их склоны покрыты лесом, и трава растет весьма буйно. Два часа спустя мы прибыли в лагерь. Очень густой туман окутал все окрестности; жара усиливалась, и оводы на сей раз кусали беспощадно.

Мурза-Кул, вождь орусипиев, постоянно нас сопровождавший, оказался в пределах досягаемости своей страны и здесь с нами расстался. Он сказал, что оставляет мне подарок как соотечественнику, и снял шнурок, на котором висела серебряная коробочка очень хорошей работы. Горцы постоянно носят такие коробочки - в них хранят жир, защищающий оружие от влаги и ржавчины. Даря ее мне он добавил, что эта работа его жены-княгини. Я ее принял как залог нашей дружбы и храню ее по сей день. Я очень сожалел по тому поводу, как и при встрече с мадьярами в Нальчике, что у меня не было с собой никаких сувениров из Венгрии, чтобы отдать их моим землякам в качестве подарков для их жен.

26-го числа мы продолжали наш путь, несмотря на туман, сопровождавший нас три часа. Мы обходили Пагун справа, чтобы пройти к горе Мевель-Куана, которая, казалось, открывалась в середине пейзажа очень узкой полоской. Мы обошли гору Эшкакон, которая также замечательна чудными долинами: мы насчитали их 30. Эти долины простираются значительно и весьма поросли лесом, изобилуют источниками, великолепными пастбищами и вообще исключительно плодородны. Там очень удобно организовать колонии, которые бы безусловно процветали.

Наш лагерь расположился у подножия горы Пагун, на плато, с которого можно спуститься по пологому склону в веселую, поросшую лесом долину, недалеко от истоков Кумы и на некотором расстоянии от истоков Подкумка. Как только мы устроились в нашем новом лагере, на нас свалился густой туман. По-видимому, туманы в этих горах случаются часто, но держатся недолго. Судя по благоприятному климату, плодородию почв, чудесным видам, можно не сомневаться, что прежде эти очаровательные места были заселены народами, память о которых утерялась во тьме веков.

На восходе солнца все пришло в движение в нашем лагере, и в мгновение ока мы были на лошадях. Мы двинулись вдоль Эльмурзы, и на этот раз пришлось передвигаться по скалам, подниматься и спускаться по крутым склонам. Трава, которая нам встречалась, доставляла много

неприятностей, она поднималась до стремени лошади и была пропитана росой, отчего мокли ноги. Здесь, как и в Сицилии, она питает зелень и освежает воздух.

Мы ненадолго остановились среди скал, чтобы позавтракать и дать отдых лошадям, которым предстоял еще долгий путь. Справа от нас была страна, богатая всеми дарами природы; она была покрыта пленительной зеленью; на холмах росли деревья всех видов, луга усеяны множеством разных цветов, и что еще приятно - это горки с симметрично расположенными террасами, и к тому же - чистое безоблачно небо и эта торжественная тишина, которую не прерывало даже щебетанье птиц. Все способствовало пробуждению во мне сладкого ощущения, которое редко меня посещает и утешает.

Черкесская лошадь, на которой я ехал, была очень живой. Замечтавшись и опустив поводья, я скоро оказался далеко от нашей компании. Генерал послал сказать, чтобы я ехал медленнее. Он боялся, как бы на меня не напали разбойники, которые бродили в окрестностях. Я тотчас остановился, чтобы подождать всю компанию. После 6 часов пути мы достигли прекрасной долины, орошаемой Хумарой - небольшим ручьем с прекрасной и свежей водой, которой мы утолили жажду после долгого перехода. Поскольку наши палатки и провизия еще не прибыли, у нас было время развлечься: мы стали собирать малину и фундук. В это же время генералу принесли превосходную форель, выловленную в Кубани, недалеко от нашего лагеря. Когда мы ехали по этой прекрасной долине, казаки убили медведя и отрезали четыре лапы, которые у гурманов считаются лакомством. Несколько раз стреляли в косулю, но тщетно.

Чем больше мы изучали расположение нашего лагеря и окружающие леса, плодородие почв и обширные луга, орошаемые водами Хумары, тем больше мы убеждались в том, что этот район, так щедро одаренный природой, должен был быть населен христианами. Это предположение подтверждается все еще стоячими могильными камнями с высеченными крестами, которые встречались по пути то тут, то там. По-видимому, изгнанные отсюда татарами, чьи могилы все еще встречаются, христиане покинули эту страну и ушли в Крым, откуда затем они были вынуждены уйти, уступив место другим ордам татар.

К вечеру приехал один из узденей абазин, чтобы приветствовать генерала: несмотря на жуткую скорость Кубани, он переплыл реку и вышел из воды нагишом, но туземцы из нашей свиты тут же накрыли его буркой и посадили на лошадь. Чтобы дальше наслаждаться расположением нашего лагеря, мы оставались в нем до восьми утра.

В версте оттуда мы наткнулись на плоский камень, примерно шесть футов высотой, повернутый к югу и без всякой надписи. Несколько шагов далее был другой камень, такой же формы и развернутый к востоку. На первом мы с удивлением обнаружили крест, высеченный умелой рукой. Этот монумент свидетельствовал о том, что греки или, скорее, генуэзцы имели мощные колонии в этой прекрасной части Кавказа. В этом же месте один из казаков предложил мне купить у него саблю, которую, по его словам, он нашел в земле на берегу Кубани. На лезвии у сабли с двух сторон просматривалось слово «Генуя»; буквы были грубо отлиты, что должно было свидетельствовать о древности сабли. Но поскольку казак просил за нее сто рублей, я его поблагодарил, предоставив какому-либо другому богатому страннику сделать это приобретение.

Наше путешествие из-за сильной жары далеко не было Приятным. Мы устроили лагерь на правом берегу Кубани, которая от самого истока и до середины ее течения перед впадением в Черное море несет свои воды с невероятной быстротой, увлекает огромные массы камней и производит сильный шум. Примерно в двадцати верстах от нашего лагеря находилась огромная гора, называемая здесь Локач-Гебе: она простирается с востока на запад. Картина, открывающаяся перед нами, была поистине восхитительная, особенно там, где сливались три реки: Мара - на востоке, Кубань, текущая с юго-запада, и Теберда, расположенная на западе. Последняя при слиянии с Кубанью образует очаровательный полуостров, который зеленью и деревьями, чьи ветви склоняются к земле, покрывая ее своей тенью. Этот полуостров замечателен также с военной точки зрения, отчего я не мог не привлечь внимание генерала. Командующий на Линии нашел нужным построить там форт, чтобы сдерживать народ Малой Абазии, абадзехов, бесленевцев и карачаевцев. В этой крепости можно было устраивать ярмарки в определенные

дни, выстроить там склады с товарами для кавказских горцев, которых можно было, таким образом, понемногу приучить к европейским нравам. Это всегда успешно дает блага цивилизации и позволяет покончить с разбойничеством туземцев, которые отличаются храбростью и умом, но очень дорожат своей независимостью и боятся русских, которые, однако, добиваются от них только дружбы, чтобы помешать делать набеги на свою территорию.

Абазины. Каменный мост. Магометанские надгробия

Впервые я увидел абазин: я заметил, что эти люди несхожи с черкесами, в отличие от их соседей, рядом с которыми они живут. У абазин нос дугообразный и их черты лица не такие правильные, как у их соседей; они живут на северо-западе Кавказа, где обладают значительной территорией. Их костюмы и манеры такие же, как и у их соседей. Они выращивают овощи, домашнюю птицу, выводят большое количество лошадей, занимаются пчеловодством - мед белый и с прекрасным вкусом. Проявив желание отведать мед, так расхваливаемый, я решил, но мои спутники нашли его таким вкусным, что он исчез в мгновение ока.

Абазины поставляют коммерсантам в Крыму шкуры лис и куниц, а также манто из овчины, называемое по-русски «бурка». В обмен они получают от русских кожу, ткани из хлопа и шелка, соль и другие предметы, привозимые татарами и армянами. 20 лет назад чума пронеслась по Малой и Большой Абазии: половина населения вымерла и не сохранилась, как карачаевцы.

Абазины не имеют постоянного старшину, у них много узденей, или князей, которые имеют хороших лошадей и домашний скот. Среди абазин есть и другие люди, которых называют «башильбаевцы». Этот народ живет в лесах и горах. Они также занимаются агрокультурами и выращивают овец, лошадей и хороших пчел. Другие, называемые «бесленеевцы», живут на Лабее, у ее истоков; они такого же происхождения, как и черкесы; их горы все еще малодоступны; они имеют большие стада овец. Трудно будет убедить этих людей отказаться от разбоя, к которому они пристрастились, как и их соседи, а между набегами выращивают крупный рогатый скот, как и все люди.

В связи с наступлением ночи мы установили палатки на берегу Кубани, затем оседлали лошадей, чтобы посмотреть Каменный мост в семи лье от нашего лагеря. Мы поехали торной тропой вдоль правого берега Кубани. Проход, в основном, очень опасен, ибо вынужденно едешь между отвесными скалами и правобережьем Кубани, где множество ручьев промыло овраги, и тропа столь узка, что два человека едва разъедутся.

Эта сила природы действительно восхитительна, и любопытно смотреть, как с грохотом крутятся каменные массы в ложе потока, не утратив силы, срываются с отвеса и разносятся по равнинам во всю ширь потока. Река несет свои воды, обтирает камни в русле, создает круглый галечник и покидает высокие горы Кавказа. Некоторое время мы отдыхали, довольствуясь прекрасным зрелищем, но близость к грохочущему потоку была далее невозможна.

Костюм черкесов

Поскольку черкесы представляют собой многочисленный, храбрый, сдержанный, отважный, но мало известный в Европе народ, я думаю, что не лишено смысла добавить здесь несколько слов к тому описанию этого народа, которое я намерен предложить в главе 53-й. Мои предшественники, писатели и путешественники, утверждали, что слово «черкес» происходит из татарского языка и составлено из «tcher» - до рога и «kesmek» - перерезать; но им не приходило в голову придать этому слову более естественный и более подходящий к характеру этой народы смысл. Нужно заметить, что «tcher» в персидском языке означает «воитель», «мужественный». А «kes» означает «личность», «инди. видуум», «один из», «строгонравный». Из этого можно заключить, что именно персы дали название, которое сейчас носит этот народ. Я льщу себя надеждой, что этнографы найдут подобную этимологию справедливой и не противоречащей их взглядам.

Одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов. Они носят рубашку из белого полотна или тафты белого, желтого или красного цвета, застегивающуюся на пуговицы на груди; они называют ее «джана». Поверх рубашки они носят куртку из высшего шелка любого цвета, называемую «каптал», а поверх нее - сюртук, длиной чуть выше коленей; у них он называется «цей», у татар - «чекмень», «чимек» или «бешмет»; этот сюртук затягивается поясом с металлическими застежками высокого качества. У сюртука на груди с обеих сторон имеется по восемь нашитых карманчиков, или, вернее, по одному карману с восьмью отделениями для патронов. Я позволю себе заметить, что этот сюртук имеет много сходства с венгерским сюртуком, который называется «одежда а ля Аттила». Панталоны у них очень удобные, они опускаются до пят поверх обуви; по швам они украшены серебряными или золотыми галунами, чем также похожи на венгерские. Эти панталоны абсолютно той же формы, что сейчас носят в Европе, и не такие широкие, как у казаков. Обувь, называемая «шырык», шьется из кожи или сафьяна черного, желтого или красного цвета; чаще всего они с большим вкусом украшены вышивкой, которую, как и другие вышивные работы, обычно делают женщины. Их колпак, «борк», напоминает по форме половинку дыни; женщины шьют его из сукна, а затем обшивают по краям бараньим мехом, шерсть которого мягка, как шелк.

Когда черкесы надевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую «афе», маленький шлем - «кипха»: их мантия, «бурка», делается из мохнатой овчины; черкесы называют его «джако», а татары - «ямаче»; простолюдины носят кусок козьего меха, чтобы укрываться от дождя; в плохую погоду они носят на голове своеобразный капюшон, именуемый «башлык». Свои ружья они носят на ремне и укрывают в кусок козьей или барсучьей шкуры, не пропускающей воду и влагу. К поясу, «каес», они прикрепляют единственный пистолет, спереди на поясе висит длинный кинжал. А на боку - шашка. Подобное черкесское вооружение перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии.

Вот уже несколько лет при дворе императора Николая находится черкесский эскадрон, исполняющий функции императорской стражи; его численность достигает, должно быть, человек пятисот. Уверяют, что их военная форма великолепна и привлекает взоры всех в столице. Действительно, у черкесов воинственный вид, особенно хороши они в седле, так как с детства носят оружие и садятся на горячих скакунов, причем иногда проводят в седле день; они никогда не выходят из дома без оружия, как минимум, без сабли, которую они называют «фоч», и кинжала на поясе. Как правило, их оружие превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны.

Во время моего пребывания в Константиногорске я имел возможность беседовать с двумя черкесами, недавно возвратившимися из Санкт-Петербурга; они служили в императорской гвардии в течение года, то есть в течение оговоренного срока, после которого они возвращаются на родину и заменяются другими. Я спросил у этих двух людей, понравилось ли им пребывание в Санкт-Петербурге; они отвечали, что тысячу раз предпочли бы великолепие столицы свои родные

Отсканировано для сайтов Джэгуак1уэ: история адыгов и Джилы-Су: Северное Приэльбрусье

очаги; не то чтобы они были недовольны обращением с ними в столице, но, как они повторяли, для них в тысячу раз дороже их родина и независимое существование.

Замечательный банкет

Третьего августа генерал давал большой обед, чтобы отпраздновать один из дворцовых праздников, которые так часто случаются в течение года, и одновременно чтобы отпраздновать именины своей супруги. Помимо генералов на службе в Константиногорске и гостей Его Превосходительства во время экспедиции на Эльбрус, на этом банкете, весьма примечательном разнообразием костюмов и языков, присутствовали следующие князья и уздени:

- Султан Мингли-Гирей, потомок крымских султанов, в настоящее время генерал-майор русской службы
- Кучук Жанхот, старшина Большой Кабарды и почетный полковник, о есть не находящийся на действительной службе, но получающий оклад полковника
- Миссост Атажука, кабардинский князь
- Беслен Хутедленов, то же
- Темрюка, то же
- Мохамед Дохшукин, то же
- Мохамед Айтука, то же
- Темрюко Ашло, князь Малой Кабарды
- Беслен Ашло, его брат
- Мурза-Кул, старшина урусбиев, из племени мадьяр
- Алакай Мансуров, султан татар-ногайцев
- Ислам Керим-Шовхали, «вали» племени карачаевцев
- Арслан-Бек Кайтука, местный князь
- Керим-Гирей Лоо, абазинский уздень
- Абулов, сын одного из черкесских князей
- майор Сардан (Шарданов?), черкес по происхождению, секретарь суда в Кабарде, кавалер персидского ордена Солнца

Это было редкое зрелище такого разнообразного смешения мундиров русских офицеров с французскими фраками. Здешние князья, упомянутые мною, не казались в этом многочисленном собрании не к месту. Я восхищался их хорошими манерами и проворством, с коим они управлялись вилкой и ножом, повторяя движения сидящего рядом европейца, отчего можно было догадаться, что они уже не первый раз на таких празднествах.

Обед прошел очень весело. Музыка звучала в течение всей трапезы. Неоднократно предлагались тосты за императора Николая I, сопровождаемые артиллерийскими залпами. С восторгом выпили за здоровье достойного командира Линии и его супруги. Его Превосходительство соизволил выпить за здоровье тех, кто сопровождал его в памятной экспедиции на Эльбрус.

Вечером были иллюминация, фейерверк и танцы. На следующий день я поднимался на вершину, которая возвышается над городом. Я посетил источники горячей воды и Емануелевский сад, названный так по имени генерала, который был его создателем. Этот сад находится над минеральными источниками. Публика прогуливалась среди прекрасных цветов, и здесь я любовался прекраснейшей панорамой, которую я когда-либо видел прежде.

В тот день жара была несносная, и мне показалось, что я под небом Неаполя. Термометр показывал 29 °R. Гора Машук, прикрывающая город с северной стороны, не дает свежему ветру проникнуть сюда. Спускаясь с этой горы, до вершины которой я не мог добраться из-за палящего солнца, я увидел Эльбрус с чистыми вечными снегами сверкающими ледниками

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЗА КУБАНЬЮ¹

Отрывок из партикулярного письма²

Прибыв 14 октября в новую Кумаринскую крепость, я вручил коменданту письмо к горским князьям, которое немедленно и было к ним отослано. На другой же день я отправился к церкви, находящейся на горе Чуна. С удивлением осматривал я местность, на которой она возвышается; но более всего поразило меня самое ее построение по всем правилам искусства и прочность. Все арки сложены из превосходных кирпичей, а своды - из цельных камней. Грунт места, на котором церковь построена, состоит из порфира и камня, называемого по-итальянски моллера; он добывается на противоположащей горе и на берегах Кубани. Все мои старания об отыскании каких-либо надписей, изваяний и т. п. были тщетны. Действие воздуха, которому подвержены стены храма в продолжение, может быть, нескольких столетий, слегка повредило некоторые части оных; повреждение же прочих частей, как, например, при входах, должно приписать единственно злоумышленности прохожих.

На скате горы Чуна, к Кубани прилегающему, увидел я несколько небольших подземных гробниц из обыкновенного камня, которые, как должно думать, заключают в себе останки тел христиан. В тот самый день я снял на бумагу все подписи на гробницах черкесских, мною найденные. На дороге к крепости, при подошве означенной горы, открыл я слой превосходного каменного угля.

Шестнадцатого числа прибыл я к Каменному мосту, и в продолжение сего дня занимался съемкой различных черкесских надписей, которые находятся у самого моста. При самом впадении Теберды в Кубань примешана небольшая древняя гробница, отличающаяся от прочих изяществом отделки; на правой же стороне Кубани я открыл соляной источник. По возвращении вечером в крепость я имел свидание у коменданта с четырьмя горскими князьями, узнавшими о прибытии моем сюда. Я изложил им цель моего путешествия, прося при том о пособии с их стороны в моих разысканиях. Но на сие, так и на другие мои вопросы, они отвечали мне со свойственной им недоверчивостью, стараясь всячески отклонить меня от моих намерений. Несмотря на все представляемые ими затруднения, я твердо решил исполнить данное мне поручение и на следующий же день положил отправиться к другой церкви, на Теберде лежащей.

Утром 17-го числа я отправился к означенной реке в сопровождении двух князей, офицера Краснова, 50 конных казаков и такого же числа пехоты. Князья, служившие мне проводниками, в намерении заставить меня воротиться, избрали дорогу, самую тягостную и даже опасную, заставляя меня переправляться с одного берега на другой. Наконец, мы прибыли к подошве Святой горы, откуда увидел я церковь, возвышающуюся почти на 150 сажень над поверхностью реки. Крутизна горы заставила нас оставить лошадей и пойти пешком. Достигнув вершины, мы вззошли на площадку, на которой построен храм. Внутренность его покрыта разными изображениями (al fresco) из земной жизни Спасителя. Сия живопись, подверженная действию воздуха в продолжение многих веков, еще довольно хорошо сохранила живость своих красок. В алтаре, над тремя окнами, видно большое изображение Божьей Матери, а над оным Тайная Вечеря. Стены сложены из таких же камней, как и церковь на горе Чуна. Своды во всей церкви, равно как и купол, весьма хорошо сохранились. Кирпичи, утребленные в некоторых частях строения, величиной в 8 квадратных вершков и в вершок толщиной, выжжены из превосходной глины.

¹ Однако банкетом на Горячих Водах работа экспедиции не закончилась. Осенью 1829 года генерал Емануэль обратился к Джузеппе Бернардацци с просьбой совершить поездку за Кубань, чтобы исследовать Шаонинский храм, видимый ими в июле с правобережья Кубани, и пытаться добраться до храма в ущелье реки Теберды. Сведения о христианских ценностях за Кубанью предвещали интересные открытия из прошлого обитателей Кавказа. Материалы об этой поездке швейцарца на русской службе представлены архивными материалами.

² Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1830. кн. 4. ч. 3. с. 186-191

Возле самой церкви находятся две гробницы, из коих одна со сводами, хорошей архитектуры; другая же, покрытая огромными камнями, частью обрушилась. В недалеком от сего места расстоянии заметны фундаменты двух небольших домиков; между развалинами одного из оных возвышается огромный дуб; церковь также окружена деревьями сего рода. На куполе храма, старыми черепицами выложенном, выросло дерево, род ели: ствол его имеет от 5 до 6 вершков в диаметре. Замечательно, что подобные растения находятся только на вершинах горных возвышенных, и то в весьма малом количестве. Пол в церкви совершенно разрушен, вероятно, черкесами, которые думали найти под ним зарытые сокровища. При наступлении ночи, окончив свои занятия я располагался дожидаться дня в церкви; но по настоянию моих спутников должен был вечером же оставить сие место.

На свесе горы заметны две гробницы, частью под землей, построенные из тесаных камней, как и большой крест, между ними стоящий. Переправившись на правый берег, поросший густым лесом, на котором находятся несколько оставленных аулов, мы ехали по дороге довольно гладкой, но как уже смеркалось, то я остановился. На другой день, 18-го числа, я прибыл к Кубани по правому берегу Теберды, по дороге, называемой Арбенной; это доказало мне всю злонамеренность князей, которые накануне вели меня по совсем другой дороге.

Как бы то ни было, но я был рад, что достиг своей цели, тем более что, по уверению князей, я первый из европейцев посетил означенную церковь и долину. Прибыв в крепость, я намеревался еще посетить карачаев, где, как меня уверяли, находится другая церковь и развалины древних зданий, но погода мне не благоприятствовала: я довольствовался осмотром окрестностей крепости и срисовкой предметов, достойных внимания.

В долине Кумаринской, влево от дороги, в 8 верстах от крепости, на вершине одной горы увидел я развалины башни, построенной на весьма крутой скале. Между сими развалинами находятся несколько гробниц, иссеченных в самой скале; в них заметны кости погребенных тел. Это доказывает, что страна сия некогда была населена разными народами различных вероисповеданий.

Наступление осени принуждало меня оставить сии места: надлежало еще посетить Малый Зеленчук, чтобы осмотреть развалины одного древнего строения, именуемого Акбилек.

Прибыв 22-го числа к крепости Жигути, я принял меры для пред-принятия поездки на другой день к означенным развалинам; но выпавший ночью снег, продолжавшийся в течение всего дня, заставил меня отложить сию поездку и возвратиться в Горячеводск.

Вот вкратце плоды моего путешествия. По всем догадкам, находятся внутри здешних гор многие древности, достойные описания. Надеюсь совершить сие со временем.

**6 декабря 1829 года,
Горячеводск**

И. Бернардацци

Письмо генералу Емануэлю

6 декабря 1829 года

Горячие Воды

Ваше Высокопревосходительство!

Здесьняя газета меня почти уверила, что Ваше Высокопревосходительство изволите посетить Минеральные Воды. Желая лично представить Вашему Высокопревосходительству подробнейшие результаты путешествия моего на Кубань, остановился я представлением письменного описания оногo; но письмо Вашего Высокопревосходительства, коим вы изволите изъявлять желание видеть рисунки двух церквей, разрушило надежду мою, и потому я немедленно занялся приготовлением чистых рисунков, которые при сем честь имею представить, равным образом и рисунок креста, виденного мною за Кубанью, напротив казацкой почты Утчкур; изваяния на оном, подробно мною с натуры сняты и, по моему мнению, весьма любопытны. В сем же месте, где находится упомянутый крест, приметны останки древнего огромного жилища, можно надеяться, что дальнейшие изыскания откроют следы, что на сем месте некогда находилось.

Прибыв 14 октября в новую крепость Кумара, вручил я г-ну Майеру пригласительное письмо (*lettre d'invitation*) Вашего Высокопревосходительства князьям сих диких народов (*princes sauvages*), которое немедленно и было к ним отослано. На другой день утром рано отправился я к церкви при горе Чуна и с изумлением смотрел на чудное помещение ее, но еще более меня удивила прочная постройка оной по всем правилам искусства. Своды сделаны из плит, а арки из превосходного кирпича. Скала, на которой церковь сия построена, порфиновая, а каменная работа (*batire*) произведена из камня, называемого итальянцами *Mollera*, находящегося на другой горе, лежащей против Уны, а равно и на Кубане. Все старания отыскать какие-либо подписи или ваяния, были тщетны. Небольшие разрушения, оказавшиеся у сей церквт, должно приписать времени, а некоторую часть, например, при двух входах, варварству народа. На отлогости горы Чуна нашел я небольшие подземельные каменные могилы, которые, вероятно, сохраняют кости христиан. Сего же дня возвратился я в крепость. На возвратном пути открыл я при подошве упомянутой горы новый слой каменного угля и скопировал все встретившиеся на пути черкесские надгробные надписи.

Шестнадцатого числа доходил я до Каменного моста, срисовал разные черкесские надписи, находящиеся близ моста, древнюю красивую могилу на другой стороне Кубани; при устье Теберды, на правой стороне Кубани открыт мной источник соляной воды. Вечером, возвратясь в крепость, нашел я у г-на Майера четырех князей, которым объявил о поручении Вашего Высокопревосходительства, прося их сопровождать меня, уверяя их в признательности Вашего Высокопревосходительства; на разные вопросы, мною им сделанные, отвечали они со свойственной им недоверчивостью, уверяя, что ничего не знают, представляли мне всевозможные затруднения и даже старались вселить страх; на сие ответил я с твердостью, что желаю выполнить предписание Вашего Высокопревосходительства и решительно отправлюсь на следующее утро к церкви на Теберде. Вследствие сего, утром 17-го числа в сопровождении двух князей, Лова и Кетчева, офицера Краснова, 50 казаков верхами и такого же числа инфантерии, отправился я к Теберде. Князья, служившие нам проводниками, водили нас долгое время то по одной, то по другой стороне реки, утруждая нам и без того опасный путь, в том предположении, что мы решимся воротиться, в чем, однако, ошиблись, и мы, наконец, подошли к подошве Святой горы, откуда увидели церковь, находящуюся около 150 сажень выше поверхности реки.

Крутизна горы принудила оставить лошадей при подошве ее, и мы взбирались на оную, не видя никакого проложенного следа, наконец, достигли площадки, напротив которой находилась небольшая сия церковь; я тотчас вступил во внутренность оной, где увидел себя окруженным изображениями христианских святых и разными картинками, изображающими чудотворные деяния Спасителя. Все писано а *fresco* на стенах, и, к удивлению моему, большая часть живописи

по сие время, по прошествии нескольких столетий, еще сохранилась, быв подвержена влияниям воздуха, мороза и прочего. Вся внутренность церкви покрыта живописью, даже и купол. Над тремя окнами, в полукружии, где был алтарь, изображена в большом виде Богородица с распростертыми руками, а над нею трапеза апостолов. Живописная работа не может похвастаться посредственной. <...> Стены выведены из такого же камня, как и церковь на горе Чуна; камень сей есть один из составных частей Святой горы. Своды и купол построены из того же камня и весьма хорошо сохранились. Кирпич, употребленный в некоторых частях строения, величиной в 8 вершков, толщиной в один вершок, и сделан из превосходной глины. Близ церкви находятся две могилы, одна со сводом и хорошей архитектуры, а другая покрыта камнями и отчасти разрушена. В недалеком расстоянии от сего места приметны фундаменты двух небольших домиков; между остатками одного из них растет высокий дуб, которого вид свидетельствует о древности существования его; церковь окружена такими же деревьями. Растение, которое Ваше Высокопревосходительство изволите приметить на куполе, есть род пихты (la pin); оно имеет в диаметре от 5 до 6 вершков, при означенной вышине по масштабу. Достоин примечания, что сии деревья растут в небольшом количестве на самых высоких горах и в большом расстоянии от церкви, крыша коей покрыта черепицами древней формы. Пол весь разрушен, вероятно, черкесами, которые полагали найти под оным сокровища.

По снятии подробной меры и собрании всего, примечания достойного, уже приближалась ночь, которую я намерен был здесь провести, но по просьбе сопровождавших меня должен был оставить намерение сие, и мы вечером отправились обратно. На покатоности горы находятся могилы, до половины в земле, построенные из плиты, и между ними большой каменный крест. Перейдя на правую сторону реки, где находится богатый лес и оставленные аулы, мы шли несколько верст по довольно хорошей дороге; но темнота заставила нас остановиться здесь на ночлег. Утром 18-го числа дошли мы до Кубани, держась всегда правой стороны Теберды, дорогой, называемой Арбенной; сие самое обнаружило злобные замыслы двух князей, которые столь худо показывали нам путь прошедшего дня. Но цель моя была достигнута, и я был доволен уверением сих князей, что я первый из европейцев, посетивший сии дебри и церковь.

Прибыв в главную квартиру, я предполагал исполнить еще некоторые проекты, как то: дойти до Карачая и пр., где, как мне объявили, находятся еще другие церкви и развалины древних зданий, но неблагоприятная погода мне в том препятствовала, и я довольствовался рассматриванием крепости и снятием того, что мне казалось быть достопримечательным. В долине Кумара, по левую сторону дороги, которую Ваше Высокопревосходительство изволили проезжать со свитой от Эльбруса во время лета, в 8 верстах от крепости нашел я на вершине горы развалины башни, построенной на большой крутой скале, равно как и в других скалах приметил я разные высеченные могилы, и в некоторых из них человеческие кости. Кажется, что сия страна была обитаема народами различного вероисповедания.

Время года заставило меня возвратиться, и мне остается перенестись на Малый Зеленчук для посещения развалин одного древнего здания, называемого Акбилек. 22-го числа прибыл я в крепость Жигути (Gigouty). где сделал распоряжение для посещения в следующее утро упомянутых развалин; но непрерывный снег мне в том препятствовал, и я отправился к Горячим Водам.

Вот извлечения из путешествия моего, подробности коего надеюсь лично сообщить Вашему Высокопревосходительству и объявить замечания мои, что в лучшее время года и при свободном времени я надеюсь еще много сделать открытий во внутренности гористых мест. Позвольте мне благодарить Ваше Высокопревосходительство за предписания относительно моей безопасности во время пути и рекомендовать Вам честного офицера Краснова, который мне с большой пользой повсюду сопутствовал. Сожалею, что по краткости времени не мог препроводить к Вам все рисунки, начисто сделанные; но я не замедлю сие исполнить.

Я есм и проч.

Иосиф Бернардацци

РГИА, спБ., Ф. 1285. ОП. 8, Д. 3120, ЛЛ. 4-7 И ОБ. / Пер. С фр.

ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ

По отношению господина начальника Кавказской области о двух древних церквях и кресте, открытых в горах за Кубанью

МВД
Департамент Государственного
хозяйства и публичных зданий.
Отд. 2, стол 2,
господину министру внутренних дел

30 декабря 1829, года Ставрополь, № 3701

По возвращении моем в минувшем лете из-под горы Эльбрус имел я намерение лично обозреть существующие в горах за Кубанью две древние церкви, в местах, новоприобретенных Россией, от Порты Оттоманской по трактату 2 сентября 1829 года; в особенности ту из них, которая находится при реке Теберде и не была доселе никем из русских осмотрена, но таковому намерению моему препятствовало бывшее половодье рек Кубани и Теберды; почему я поручил совершить сие осенью, когда обмелеют оные реки, архитектору при Кавказских Минеральных Водах 12-го класса Иосифу Бернардацци.

Сей чиновник, преодолев все предстоявшие ему затруднения, с отличной ревностью исполнил возложенное на него поручение, снял с упомянутых двух церквей и с найденного креста, высеченного на камне, планы и фасады, которые и представил мне вместе с описанием сих древних зданий.

Находя оные достойными внимания высшего правительства, я имею честь представить Вашему Высокопревосходительству на усмотрение ни планы с фасадами и описанием г-на Бернардацци в оригинале на французском языке.

Означенные древние церкви промыслом Божиим через несколько протекших столетий сохранены так, что для приведения их в прежний вид даже не требуется больших издержек. Почему мнением полагаю бы за полезное восстановить на первый случай хоть одну из них, находящуюся на левой стороне Кубани, в расстоянии от областного города Ставрополя в 160 верстах, где местоположение и самые окрестности довольно красивые, а грунт земли способствует к разведению фруктовых садов. Сему предположению предстоят следующие уважительные причины.

Во-первых, что по военному отношению в том месте при впадении в Кубань рек Марии и Теберды должно иметь укрепление, а близ него предполагается по проекту, сочиняемому Екатериноградской карантинной конторой, вследствие отношения Вашего Высокопревосходительства ко мне от 28 января сего года № 156, учредить Карантин и Меновый двор ради ближайшего сообщения и мены с покорившимися России карачаевцами и абазинами; к чему легко могут быть привлечены и другие народы, в отдаленных горах за ними обитающие.

Во-вторых, что все военные и гражданские чины, в тех новых заведениях пребывающие, могли бы находить богослужение по христианскому образу; с восстановлением же такового в сих древних храмах можно надеяться, что абазинцы, вблизи оных обитающие, народ прежде христианский, а ныне исповедующий веру магометанскую, могут со временем обратиться в недра нашей православной церкви, а за ними впоследствии времени и прочие горские народы при тщательном распространении христианского учения.

Почему, если благоугодно будет правительству принять таковое мое мнение, то весьма бы полезно было обратить означенную церковь на Кубани в монастырь, устроив там для монахов коли и для посетителей станноприемный дом с монастырской оградой.

Начальник Кавказской области
генерал от кавалерии Г. Емануель

РГИА, спБ., Ф. 1285. ОП. 8, Д. 3120, 13 января-7 февраля 1830, ЛЛ. 1-3

Авгит-андезит Эльбруса

Экспедиция генерала Емануеля для исследования Эльбруса в 1829 году; на этикетке значится «с самой вершины Эльбруса». Это довольно интересно, так как первое восхождение на Эльбрус совершено 10 июля 1829 года академиками Купфером, Ленцем, Менетрие и Мейером при отряде Емануеля. Из этой экспедиции только кабардинец Хилар достиг вершины Эльбруса. Коллекция Горного института доставлена горным инженером Вансовичем (тоже прикомандированным к экспедиции). Порода эта, несколько смоляного блеска, представляется невооруженному глазу черной с белыми порфиристыми выделениями зерен полевого шпата, распределенными довольно равномерно и не особенно редко; она удачно названа порфиристым смоляным камнем.

Микроскопия показывает, что среди пепельно-серой основной массы выделились (по количеству) кристаллы плагиоклаза, биотита, авгита и магнитный железняк.

В основной массе: плагиоклаз первой генерации имеет иногда цонарную структуру и также полисинтетическое срастание. Возможно, что есть кристаллики санидина. В больших кристаллах плагиоклаза встречаются местами очень часто неправильно удлиненные включения темно-серого и также светло-серого стекла, иногда с пузырьками газа. В одном таком светло-сером включении находится пузырек (с толстыми краями), а в последнем во всю его величину сидит кубик хлористого натрия. Углы погашения плагиоклазов весьма малы, но доходят и до 20° . Биотит имеет густой бурый цвет; опацитовые края наблюдаются в некоторых его табличках; иной раз он образует группу зерен. Август образует весьма мелкие зерна при угле погашения до 35° к спайности.

В основной массе преобладают двойники плагиоклазов очень малых углов погашения. Зернышки магнитного железняка рассеяны равномерно по всему фону препарата. Базис бесцветен и расстеклован палочкообразными выделениями. Местами основная масса является бурыми включениями среди пепельно-серой и, по-видимому, ничем не различается с последней, кроме окраски и большого числа непрозрачных чернышек магнитного железняка. Некоторые августы ее погашают понятиям и похожи на бронзит (принимаемый Беке для кавказских пород, судя по его препаратам). Порода эта требует увеличения в 1000 раз, и основная масса ее содержит гораздо более кристаллических выделений, чем предыдущая. В слюде есть росток шестиугольника апатита.

Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. СПб., 1891. Сер. 2. Ч. 28. С. 206-207.

ДОКЛАД, СДЕЛАННЫЙ В АКАДЕМИИ НАУК О ПУТЕШЕСТВИИ В ОКРЕСТНОСТИ ГОРЫ ЭЛЬБРУС НА КАВКАЗЕ, ПРЕДПРИНЯТОМ ПО ПРИКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСПОДИНОМ КУПФЕРОМ

Проведено: 29 декабря 1829 года.

Доклад о путешествии в окрестности горы Эльбрус

Генерал Емануель, главнокомандующий Кавказской области, отличался как храбростью и характером, так и покровительством, которое он оказывал наукам. После того как генерал покорил карачаевцев, народ окрестностей Эльбруса, и устранил там самое большое препятствие на подступах к центральному хребту, он сформировал план военной разведки этой значимой местности. Его победы привели его уже к подножию Эльбруса, который прежде считался неприступным. Он убедился, что гора вовсе не была окружена болотами, как считали горцы, а страхи, витавшие окрест, - результат воображения этих народов - были не чем иным, как результатом их суеверия. Целью этой экспедиции было собрать точные сведения о ландшафте, высотах гор, простирающихся здесь, о направлении и глубине долин, о лесах, пастбищах, минералах и других природных богатствах, а также найти подходящую дислокацию для Кордонной линии, которая навсегда сделала бы жизнь на равнине безопасной от набегов горцев. Генерал хотел в то же время встретиться с этими народами, которые любили войну и которым смелостью можно было внушить не только уважение, но и то, что их скалы, узкие ущелья, их потоки и снега вовсе не являются непреодолимыми препятствиями для русских солдат. умеющих, как и они, претерпевать все тяготы.

Уже давно правительство почувствовало всю важность полного покорения черкесов. Эти народы, у которых разбой считается самым почетным ремеслом, вызывают страх в русских поселениях, расположенных в окрестностях высоких гор Кавказа, на плодородных равнинах, где возделывание было востребовано зарождающейся промышленностью. Черкесы защищались от продвижения России на юг и могли по своей воле закрывать или открывать этот путь народам Азии. Внутренние разногласия, вызванные русской политикой помешали им объединиться под одним вождем. Но нельзя забывать и о том что, согласно преданиям, которые они ревностно хранят, их господство распространялось до Черного моря. Они считают, что могущественный народ, произошедший от их предков, - существование его доказывают руины Маджар у подножия Кавказа - однажды уже заполонил прекрасные равнины в устье Дуная и достиг Паноннии . Добавьте к этому рассуждению их превосходство в оружии, их замечательных всадников, хорошо вооруженных, закаленных постоянными разбоями, предпринимаемыми против своих соседей, храбрость и пренебрежение преимуществами нашей цивилизации. Страшно представить, какие последствия могло бы принести их объединение под одним началом для Юга России; здесь противостоит их опустошительным набегам только Кордонная линия, слишком растянутая, чтобы быть достаточно сильной.

Очевидно, что экспедиция генерала Емануеля была осуществлена благодаря его мудрой прозорливости: эмиссары Оттоманской Порты возбуждали смелость врагов России и привлекали на свою сторону черкесские народы, которые уже присягнули на верность России. Гроза разразилась бы скоро, если бы не решительный приход генерала на их территорию, что заставило стихнуть возгласы недоброжелателей. Они бы провоцировали новые бедствия наших войск в Турции, однако новость о взятии Эрзрума и Силистрии - начало успехов русских войск -настигла нас на берегу Кубани, когда мы уже возвращались из нашего путешествия.

С этой точки зрения экспедиция уже заслуживала достаточное внимание со стороны правительства. Но генерал хотел также привлечь внимание Европы, обратившись к академии, чтобы использовать случай с пользой для науки, который представился впервые и в будущем представится не так скоро. С тех пор как более гуманная политика сделала войны менее изнурительными для людей, стало привычным видеть ученых, следующих за войсками, чтобы

проникнуть в малоизвестные страны, которые открыла для них война. Самый опытный наблюдатель, что бы мог он сделать в стране, опустошенной и разграбленной непримиримыми шайками, которые делали каждого жителя врагом, доведенным до отчаяния? Но сейчас, когда уважают право собственности, религию, обычаи побежденных народов, когда соседство с лагерем ощущается не только по притоку иностранных денег, можно спокойно предаваться исследованиям. Академия поспешила ответить на желание генерала. Тотчас же на нас, господина Паррота, Триниуса и меня, была возложена обязанность составить план путешествия, который был подписан Его Величеством императором. Академия оказала мне честь, поставив во главе экспедиции; господа Ленц, Мейер, Менетрие были моими ассистентами: первый - по физическим наблюдениям, второй - по ботанике, третий - по зоологии. После того как была завершена самая важная часть нашего путешествия, я покинул своих спутников, чтобы вернуться в Санкт-Петербург, где меня ждали другие обязанности; и эта первая часть, по которой я имею честь отчитаться на сегодняшнем заседании.

Я разделю мой доклад на 6 частей: 1. Исторический рассказ 2. Геология 3. Барометрическая нивелировка 4. Магнетизм 5. Температура почвы 6. Астрономические наблюдения. Ботаника и зоология будут рассмотрены в ближайшем докладе; господа Мейер и Менетрие все же работали независимо от меня и пока еще не обсуждали со мной результаты своих изысканий.

Исторический рассказ

Мы выехали из Санкт-Петербурга 19 июня 1829 года и направились в Ставрополь, где нас ждал генерал Емануель. Дорога от Санкт-Петербурга до Москвы не представляла ничего, что было бы для нас неизвестным; к тому же, мы спешили прибыть в Ставрополь. Генерал назначил свой отъезд на 1 июля, из-за чего, у нас было совсем мало времени для исследований. Несколько наблюдений по температуре источников и силе земного притяжения, несколько заметок о строении местности, почве и последовательности климатических поясов были единственным результатом преодоления более 2 тысяч верст с севера на юг, что является расстоянием между Петербургом и Ставрополем. По приезде в этот город нам сообщили, что генерал уже уехал на юг от Ставрополя к минеральным водам у подножия Кавказского хребта, и именно оттуда предстоит экспедиции отправиться. Из этого населенного пункта я начну рассказ о нашем путешествии, потому что только отъезд оттуда представляет заметный интерес.

Однообразная степь простирается на север от Кавказской гряды и на 40 верст на юг от Георгиевска. Она прерывается несколькими горами схожей формы и особенным расположением. Это отдельные возвышенности, которые быстро поднимались то в виде конуса, то в виде длинного пласта. Далее мы увидим, что порода, которая их составляет, отличается от всех близлежащих пород - это белый трахит, в то время как равнина сложена известняком и песчаником. Одна из этих гор, Бештау (пять гор), - массив из пяти вершин, самая высокая из которых поднимается на высоту 4 тысячи футов над уровнем моря; это почти высота купола горы в Оверне. Шотландская колония расположилась у подножия этой горы. Почва здесь очень плодородная и с избытком обеспечивает потребности тех, кто ее обрабатывает; здесь мы видели тутовые деревья и виноград. Маленький ручей с чистой и свежей водой течет по селению. Мир, царящий в его лоне, причудливо контрастирует с окрестным военным укреплением: разбой черкесов принуждают к такой необходимости. Удивительно, что здесь, в центре пустыни, находишь признаки передовой цивилизации, сады с фруктовыми деревьями и аллеи, поддерживаемые в порядке, земледельцев и рабочих, старающихся приобщиться к чтению.

Волнообразная равнина, которая отделяет Бештау от Кавказского хребта, поднимается на 1200 футов над уровнем океана; с востока на запад здесь течет Подкумок - маленькая река, впадающая в Куму. Здесь встречается много холмов высотой от 1000 до 1500 футов; самый примечательный - Машука, находящийся на северном берегу Подкумка и в четырех верстах от маленькой Константиногорской крепости. Именно у его основания бьют горячие источники Кавказа, изрядно известные своим целебным действием, которое они оказывают на многие недуги. Известковые отложения, покрывающие склон Машуки, где эти самые источники сосредоточены, образуют длинную и узкую лощину; горячие воды пробиваются по ее краям и выходят несколькими источниками большей или меньшей температуры и со сходным составом; сероводород, углекислота и большое количество извести дает о себе знать обонянию и вкусу при первом же приближении к ним. По дну лощины протянулась аллея, от нее по крутым склонам поднимается зигзагом множество тропинок, ведущих к источникам.

Просторные и очень чистые купальни находятся рядом с главными источниками; наиболее обильный, который в то же время является и наиболее горячим, стекает по желобу до основания скалы, где он разливается во множество ванн, сделанных из камня, и подается на первый этаж великолепных терм; самые известные курорты за границей, подобные Карлсбаду, не представляют столько удобств больным.

До того как разразилась война между Россией и Турцией, Кавказские минеральные воды весьма посещались; но во время моего пребывания, там было около 50 семей: страх быть атакованными черкесами, хотя и малообоснованный, сдерживал многих людей. Мы прибыли вечером, и это селение из сорока дворов предстало в виде оживленного города; тысячи персидских фонариков мерцали на большой площади. В центре располагалась ресторация, которая в то же время была местопребыванием генерала; блестящее общество было собрано в прекрасном зале, чтобы отпраздновать балом годовщину именин императора; это было 7 июля (25 июня по старому

стилю). На возвышенной над городком Машуке пламенел вензель императора, что делало зрелище поистине впечатляющим; но приготовленный фейерверк не состоялся из-за грозы, что разразилась на пороге ночи.

Съезд приезжих в Горячеводск (Горячие Воды - так называется этот городок) ограничен маем, июнем и июлем; зимой здесь живет только несколько служащих и владельцев домов, которые в сезон зарабатывают то, на что можно жить оставшуюся часть года. Тем не менее известен проект строительства города на равнине, где течет Подкумок, и дома, которые уже существуют, составят его самую красивую часть. Правда, что плодородие почвы, мягкость климата и разнообразие ландшафтов делают этот край одним из самых красивых и приятных в России. Хорошо орошаемые луга дают богатые пастбища; виноград прекрасно растет на солнечных склонах; встречаются тутовые деревья. клещевина, в глухих местах - азалия понтийская, в лесах - бук. С одной стороны взгляд простирается до горизонта, отдаленной горной цепи, где над черными крутыми скалами в снежном хребте возвышаются две вершины Эльбруса ослепительной белизны. С другой стороны видны Машука, Бештау, Змейка (гора змей), стесняющие долину в самой низкой ее части, где течет Подкумок. Несомненно, во всей остальной России нет места более подходящего для расселения, и где природа была бы более способна при экономических выгодах и сильных разнообразных впечатлениях сглаживать воспоминания о родной стране.

На следующий день нашего прибытия в Горячеводск, то есть 8 июля, мы предстали перед генералом, который нам сказал, что он уезжает сегодня в горы, что один пехотный отряд отправился на Малкинский мост, чтобы там нас ждать. Мы собрались наспех, хотя еще были утомлены тяжелым путешествием. В действительности, мы выехали в 4 часа...

...

Эти трахиты формируют Центральный хребет, и Эльбрус тоже состоит из них. В дальнейшем можно будет увидеть, что трахитовые порфиры явно вулканического происхождения; я обнаружил, что они имеют свойства настоящей лавы. Эти скалы почти полностью лишены растительности; с трудом несколько альпийских растений пускают ростки то тут, то там между обломков скал - результата общего разрушения. Даже в долинах, где иногда встречается дерн да несколько корявых деревьев, что является следствием заметной эволюции этой местности, суровость климата, такова, что в середине июля, когда мы туда прибыли, по состоянию растительности, едва начавшей пробиваться, можно было отметить, что снег сошел не так давно.

Центральный хребет Кавказа, каким я его только что описал, представляет почти непреодолимые трудности для перевозки продовольствия и другого необходимого снаряжения для обеспечения многочисленного конвоя, без которого нельзя путешествовать в этих краях. Узкие тропки, впервые протоптанные нашими лошадьми, часто вели нас множеством поворотов на половине склона, почти перпендикулярного горе; вершина ее была окутана туманом, а подножие омывалось стремительным потоком. Понятно, что такие дороги - не проезжие для повозок; мы были вынуждены оставить позади себя большую часть наших запасов и оружия; даже верблюды, которые везли наши кибитки, не могли больше нас сопровождать. Недостаток корма, а порой даже и дров, не были наименьшими из неудобств; нужно было все везти издалека и порой тропами еще более опасными, чем те, которыми мы шли.

Дороги по плоскогорьям Передового хребта Кавказа приносят меньше трудностей, тем не менее они проходимы только для местных повозок на двух колесах и запряженных волами. На высотах встречаются огромные равнины и, следовательно, достаточно хорошие дороги, но часто приходится вдруг останавливаться перед глубокой долиной, в которую нужно спуститься, чтобы снова выйти с противоположной стороны. Мы были вынуждены пойти по дороге шириной всего лишь несколько футов, с одной стороны окаймленной скалами, а с другой - пропастью, и которая спускалась со множеством поворотов. В этих случаях волы не могли больше удерживать повозки. Нашим пехотинцам приходилось объединять свои усилия, чтобы не дать повозкам сорваться в пропасть; перевозка оружия встречала почти непреодолимые препятствия особенно часто. Нужно было иметь много смелости и несокрушимой стойкости, чтобы все это превозмочь. Именно здесь

множество раз мне предоставлялся случай наблюдать и восхищаться субординацией и порядком, царившим и в наших войсках; неустрашимость воодушевляет наших солдат. Несмотря на опасности на каждом шагу, на всякого рода лишения, которым мы подвергались, их причины не вызывали ни малейшего интереса у большинства людей, из которых состоял наш конвой, - ни один не роптал; все время та же деятельность во время перехода и то же веселье в лагере.

Наш караван обычно разделялся на несколько отрядов. Сотня линейных казаков формировала авангард, но свита генерала, он сам и его сын шли впереди. Процессия представляла собой то запутанный клубок, то тонкую ниточку, в зависимости от ширины тропинки, и состояла из нескольких офицеров и других приближенных генерала, черкесских князей, толмача и нас. Затем на надлежащем расстоянии следовал арьергард из 250 линейных казаков, который включал пехотный из 600 человек отряд, предназначенный для охраны оружия и багажа. Можно себе представить, что, последовав за таким значительным караваном, мы не преодолевали большого пути за день.

К полудню, после 20-30 верст пути мы останавливались в какой-нибудь долине, где можно было заготовить водой, дровами и травой; генерал выбирал подходящее место, чтобы установить наши калмыцкие кибитки, которых было три: одна для генерала, другая - для его свиты и третья - для нас. Мы разжигали огонь, резали барана, готовили обед, который обычно приходился на 5 часов вечера. В ожидании некоторые отдыхали, другие исполняли поручения в окрестностях, однако, не уходя слишком далеко от лагеря, чтобы не быть захваченными черкесами, окружавшими нас повсюду. Черкесы долго наблюдали за нашим походом с едва скрываемым недоверием, которое вызывали наши движения. Обед всегда накрывался в кибитке генерала, более просторной и более теплой, чем наши. Мы садились на землю; длинная скатерть, расстеленная на дерне и тарелки на коленях. Калмыцкие кибитки имеют форму вытянутого цилиндра с усеченным конусом; сверху вырезано круглое отверстие, чтобы выходил дым, когда внутри разжигают огонь; это отверстие во время дождя и ночью закрывалось своего рода крышкой.

С большим мастерством и точностью каркас кибитки был построен из легких деревянных прутьев: все было покрыто большим куском белого плотного войлока: ни дождь, ни ветер туда не проникали. Шесть верблюдов были предназначены для их перевозки. Несколько калмыков, владельцев этих верблюдов, с помощью казаков устанавливали палатки за короткое время. К вечеру наш лагерь представлял собой очень оживленную картину, новую для нас и для черкесов, учитывая то, что до нас еще ни одна армия не доходила до этих долин. Пушки, охраняемые пехотинцами, а повозки - казаками, прибыли все, до последней. Кибитки офицеров из белого полотна были уже установлены, было только несколько солдат, которые работали на строительстве своих шалашей, если можно так назвать травяные кучи, в которых они делали ямы, чтобы там спать, или несколько бурок, развешанных на деревянных прутьях, вбитых в землю. Багаж сосредоточили в одном месте. Лошади и верблюды разбежались по долине в поисках корма. Часовых располагали на пунктах, возвышающихся над лагерем и в окрестностях.

Наконец, мы собрались на вечернюю молитву. Ударили в барабаны, выстрел из пушки повторился эхом. Это был сигнал ко сну. Моя бурка, расстеленная на траве, служила мне подстилкой. Укрывался я другой буркой, которую взял из предосторожности. Дневное утомление нас скоро погрузило в глубокий сон, который изредка прерывался криками часовых, окружавшими нас. На рассвете вновь прогремел барабан; нужно было второпях вставать, одеваться, потому что четверть часа спустя кибитки разбирали, и ленивые рисковали быть застигнутыми в своих постелях под взглядами всего лагеря, они будут одеваться, предоставленные утренней свежести, а порой и под дождем. Авангард сразу пустился в путь, а мы следовали за ним в порядке, который я уже описывал.

Теперь я возвращаюсь к нити моего рассказа, который мы вели от берегов Золки. Есть несколько маленьких рек, которые носят это название, и которые объединяются до того, как впадают в Куму. Черкесское название Золки - Дзельукха, ее можно легко перейти вброд; однако иногда она вспучивается дождями и затопляет соседние луга, и придает им свежий вид, который мы бесполезно искали в это время года где бы то ни было, за исключением гор. На следующий

день, приближаясь к какой-то вершине, мы увидели Центральный хребет, потому что тучи, которые его окружали накануне, полностью рассеялись. К югу, почти на горизонте, открылись горы, покрытые снегом, правая гряда которых на юго-востоке возвышалась Эльбрусом; слева они заканчивались Казбеком, очертания которого с трудом различались, ибо он терялся в тумане горизонта. Но там же, на юге, взгляд простирался до вершин покрытых снегом; мы различали горы, на которых живут хуламцы.

Повернувшись направо, к северу, нам одна за другой открывались на западе Темир-Копчек, на северо-западе - гора, породившая Psikhaghogha1, на севере - Бештау и, наконец, Oskhadacha2 - в восточном направлении.

Именно здесь мы принимали впервые черкесского князя, который пришел к нам на встречу. Это был Арслан-бек, известный князь рода Джембулатовых из Кабарды, окруженный несколькими своими вассалами, общее число которых достигало четырех сотен. Он был наряжен в короткую черкеску из голубого сукна с серебряными галунами. Сабля, пистолет, очень широкий нож, который черкесы называют «кинжал», составляли его доспехи. Затвор его ружья был богато украшен, но в данный момент ружье было спрятано в чехле и находилось в руках у кого-то из его свиты. Его лошадь была маленькой, но крепкой и хорошо сложенной, ее узда и седло были покрыты серебряными пластинками, искусно обработанными. Засвидетельствовав свое почтение генералу, он пустился в путь вместе с нами, и сопровождал нас в течение нескольких дней, после чего вернулся к себе.

После того как мы прошли несколько верст по плато, мы пришли к цепи холмов, которые окаймляли левый берег Малки. Мы направились к горе, которая издали отличалась обрывистостью с одной стороны; она значилась в путешествии местом, которое нужно было пройти, чтобы попасть в долину Малки. Наконец, мы спустились в эту долину, пошли по берегу реки и поднялись по ней.

Долина Малки достаточно широка и обрамлена с двух сторон крутыми скалами из известняка и песчаника. Это одна из самых протяженных долин на Кавказе, и, несмотря на то что она несравнима с долиной Кубани, она представляет множество живописных мест с плодородной почвой, когда-то она, должно быть, была плотно заселена, потому что тут и там еще встречаются груды камней, собранные явно руками человека. Это - могилы, о которых говорят черкесы. Немного выше слияния Малки и Кичмалки (Малая Малка) долина зажата между двумя скалами таким образом, что достаточно туда бросить несколько брусьев и покрыть их пластом из густого кустарника и земли, чтобы сделать там мост. Поэтому это место и называют «Каменный мост Малки». Мы там построили редут, который удостоили чести называться крепостью, и он составлял часть Кордонной линии; форт был небольшой, но достаточный для того, чтобы оборонять переправу в ущелье, образованном соединением двух рек, а гарнизон достаточно умело разместился в лачугах, построенных из земли.

Генерал заставил разбить лагерь недалеко от этого редута. Немного отдохнув, он велел привести к нему черкесских князей и вождей, которые собрались, чтобы засвидетельствовать свое почтение генералу и справиться о причине, приведшей его сюда. Слухи, что мы собираемся войти на территорию карачаевцев и подойти к Эльбрусу, распространились. Пока мы еще находились на территории кабардинцев, которые уже давно присягнули на верность Его Величеству императору России и привыкли видеть у себя русские войска. Карачаевцы, разбитые русскими в прошлогоднем сражении, только что присягнули на верность и не могли спокойно смотреть на столь значительную силу, приближающуюся к их границам. Несколько недоброжелателей, несколько абазинских посланцев, пока еще независимое племя, находящееся под влиянием Оттоманской Порты, воспользовались моментом брожения, чтобы подстрекать карачаевцев на восстание, и внушали им, что русские придут только для того, чтобы их уничтожить и отомстить за потери, которые они им причинили в прошлом году. Карачаевцы действительно попросили помощи у соседей. Они усилили свои селения, закрыли ущелья, принесли камни на горы, чтобы их скатывать на нас, когда мы будем проходить. Однако до начала военных действий они решили

послать некоторых из своих вождей навстречу генералу, чтобы постараться выявить его истинные намерения.

Генерал пригласил их в свою кибитку, говорил с ними с большой доброжелательностью и вскоре рассеял их страхи. Он им сказал, что теперь, когда они дали клятву верности, их рассматривают как русских подданных и что он сам не рискнул бы вызвать недовольство государя, если бы хотел им причинить хоть немного зла. Хорошим управлением и покорностью в прошедшем году, они приобрели неоспоримые права на дружбу с русскими. Его и нескольких ученых, занимающихся только сбором растений, камней и животных, привело сюда всего лишь желание узнать их замечательную страну. Он хотел воспользоваться пониманием между русскими и карачаевцами, чтобы приблизиться к Эльбрусу, к которому еще никто не подходил. Он им пообещал, к тому же, что не будет проходить через их селения, и, сделав несколько подарков, проводил их.

На следующий день мы опять принимали нескольких кабардинцев: их привело в наш лагерь любопытство. Самым видным из них был Кучук Жанхот, один из самых богатых князей Кабарды; он себя называл родственником императора России, потому что Иван Васильевич вошел в его семью, женившись на княжне Марии, дочери Темрюка; именно после этой женитьбы русский царь стал называться князем Кабарды.

Князь Жанхот, 90-летний старик, но, несмотря на свой преклонный возраст, он еще очень крепкий, хороший всадник и великий охотник. Он возвращался с охоты, где убил одного медведя и двух оленей; но «мои силы начинают убывать, я нехорошо себя чувствую, и я намереваюсь пойти к минеральным водам, чтобы подлечиться», - говорил он. Он был окружен своими вассалами, которые выказывали ему большое уважение. Хоть черкесская знать и независима, она все же обычно располагается в определенном порядке вокруг какого-нибудь богатого и влиятельного князя, сопровождая его на охоте, следуя за ним на поле битвы. Этот обычай придает величественный вид князьям, которые, впрочем, не очень отличаются от узденей ни в своем одеянии, ни в образе жизни. Обычай дает большую власть древним родам - Джембулатовым, Бекмурзиным, Мисостовым и Атажукиным - и покровительствует особенно их склонности к бродячей жизни и разбою, ибо князь везде находит отважных узденей, готовых разделить с ним опасность и доходы от их поприща. Они объезжали окрестности большими отрядами, захватывали людей, которые удалялись от военных постов без охраны, похищали стада скота и лошадей и даже нападали несколько раз на русские поселения, проскользнув через кордон по самым трудным тропам под покровом ночи. Они никогда не берут с собой провиант: если охота, столь обильная в этих местах, не даст им достаточной пищи, они имеют право взять барана из каждого стада, которое встретят, а в случае необходимости они умеют обходиться без пищи в течение одного или двух дней. Ночью они находят убежище под какой-нибудь скалой; их широкие бурки служат им одновременно и подстилкой, и одеялом; их лошади, не знающие другого корма, кроме луговой травы, находят здесь ее повсюду в изобилии; их стреножат специальными ремешками, чтобы они не могли далеко уйти от хозяев.

Если приближается враг, они сначала вскакивают на лошадей, затем рассматривают его издали, чтобы сравнить его силы со своими; если он более силен, они находят спасение в бегстве, вынимая на ходу ружья из чехлов. Им практически всегда удается ускользнуть потому, что их лошади более ловкие, чем лошади их врагов, и потому, что они лучше знают тайные тропы. Но если враг оказывается намного слабее, они совещаются и окружают его: если он сдастся без сопротивления, они не причиняют ему зла, они его только грабят, связывают ему руки и ноги и увозят как пленника. Если он из низшего класса, они его продают туркам как раба, но если это кто-нибудь, за кого они могут надеяться получить хороший выкуп, они ему надевают железное кольцо на шею, привязывают к ножке кровати в своей хижине, чтобы держать его на виду, до того как он будет выкуплен.

В тот же день, то есть 10 июля, генерал решил сделать экскурсию на Кинжал, который был частью Передового хребта гор Кавказа. Взяли только две кибитки и провиант на три дня. Конный отряд и несколько пехотинцев составили нашу охрану. Один из князей, самых верных русской

короне, из рода Атажукиных, сообщил о своих прогулках в окрестностях Кинжала. Причиной к более точным исследованиям послужил кусок свинцовой руды, который выглядел весьма насыщенным. Мы перешли Малку по мосту, о котором я говорил выше, и продвигались в маленькой долине по ручью, впадавшему в эту реку. Повернув налево, мы направились к высотам, от них долина Малки оставалась с юга. Постоянно поднимаясь, мы прошли несколько плоскогорий с пышной зеленью.

Пройдя несколько часов, мы удалились от нашего лагеря на Малке в юго-восточном направлении, к заметной вершине, выдающейся своей формой высокого мыса и белым цветом скал, из которых она сложена. За свой цвет скал она получила название Белый Яр (Белая гора). Мы остановились недалеко на возвышенности, которая называлась холмом Магомедов (Магомедов курган), откуда открывается Кинжал и Центральный хребет Кавказа.

Передовой хребет Кавказа, чьи вершины почти полностью состоят из песчаника, имеет форму очень вытянутого плато и удостаивается внимания географов и историков. Песчаник дает родниковым водам сток, легкий и свободный, лучше задерживает дождевую воду, чем известковые скалы и трахит. Несомненно, по этой причине трава, покрывающая эту гору, имеет прекрасную свежесть. Черкесы с давних пор используют эти великолепные пастбища: когда из-за жары и насекомых пребывание в долине становится невыносимым для отар, они пасут их в горах, где трава еще нежная, а воздух свежий. Они разделили эти луга на несколько владений. Каждая видная семья имеет гору, которая принадлежит преимущественно ей, хотя их право собственности не исключительно. Таким образом, каждая гора первого хребта получила отдельное название, в то время как среди вершин, покрытых вечными снегами, которые составляют Центральный хребет, различают только самые высокие - Эльбрус и Казбек.

Продвигаясь вперед с востока на запад по Передовому хребту Кавказа, где он наиболее приближен к центральному хребту, образующему вереницу пропастей, обращенных к югу, прежде всего можно встретить Инал, который назван по благородной фамилии черкесского князя. К востоку от Инала глубокой расщелиной отделяется остроконечная вершина, покрытая пиками, необычной формы, которые дали вершине черкесское название Науджица, или по-русски - Бабий Зуб, что означает «зуб старой женщины». Инал простирается на запад до горы Кинжал, затем идет Бермамыт, Mavoahaiina, Пагун, Эльмурза, Kacheghogha, Очкор, последний простирается до правого берега Кубани. К концу нашей экспедиции мы прошли вдоль всю гряду гор. В продолжение этого доклада, я его опишу более детально, а теперь вернемся к нашему походу на Кинжал.

Мы подошли к краю пропасти, внизу которой Урда несла свои пенные волны. Эта река берет свое начало между Кинжалом и Иналом, идет вдоль последнего, направляясь на восток, и увеличивается за счет притока нескольких ручейков, среди которых выделяется Псыпса. Она мчится из расщелины между Науджицей и Иналом и впадает, наконец, в Баксан, получив название Кенделен. С места, где мы остановились, можно увидеть долину Баксана, но устье Кенделена скрыто горой. Взору открываются... Инал, Кинжал и в глубине картины Центральный хребет, покрытый снегом. Это все создавало очень живописный ансамбль. Пока мы ждали прибытия наших кибиток, которое задерживалось по случайности, генерал решил спуститься на берег Урды и подняться вверх по реке как можно дальше.

Спуск был тяжелым: долина Урды узкая, и с двух сторон к ней прилегают крутые горы. Мы шли очень близко к реке, которую нам приходилось несколько раз переходить вброд, когда обвалы мешали нам идти по одному берегу. Вскоре с правой стороны мы заметили пещеру, которую осмотрели. Она была просторной, достаточно глубокой и разделена на несколько камер; струйки воды устремлялись вниз с высоты скал. Мы обнаружили следы копоти на сводах. Нам сказали, что горцы иногда здесь живут, когда пасут своих овец в долине Урды. На небольшом расстоянии от этой пещеры река настолько сужается между скалами, что продолжать наш путь стало невозможно. На берегах Псыпсы, что впадает в Урду в этом месте, мы немного отдохнули в тени скалы, которая нависала над нашими головами. Затем мы вернулись в лагерь на Магомедовом холме той же дорогой, что и пришли.

На следующий день, 11 июля, в четыре часа утра мы снова покинули наш лагерь, чтобы осмотреть, верховья Урды, куда мы не смогли добраться накануне. Генералу доложили, что там находили графит. Мы шли несколько часов в направлении, параллельном хребту, Иналу и Кинжалу, по очень неровной местности и спустились в долину, образованную слиянием двух маленьких рек. Мой барометр показывал высоту 5 тысяч футов над уровнем моря. В десять часов утра для ясной и спокойной погоды было достаточно свежо, температура близлежащих родников была лишь 4 °R.

После скромного завтрака мы снова пустились в путь. Трудными тропами мы прошли несколько крутых гор и, наконец, оказались на берегу глубокой и узкой долины, куда нужно было спуститься. Эта была все еще долина Урды, но мы были ближе к ее верховьям, чем в первый раз. Тропинка, по которой нужно идти, совершая множество поворотов, в некоторых местах настолько крута, что мы вынуждены были слезть с лошадей и вести их под уздцы. Я уже говорил, что Центральный хребет Кавказа, вулканического происхождения, имеет совершенно другой вид, нежели Передовой хребет. Здесь находишься на границе двух формаций: уже видно несколько слоев пористой и черной лавы, прорвавшейся на поверхность через трещины в известняковой скале. Урда несет свои стремительные воды в глубину огромной бездны.

Мы впервые побывали в тесно сжатой пропасти. Песчаники, покрывающие возвышенности, часто имели вертикальные трещины; огромные пласты отрывались и катились в пропасть или останавливались на каком-то расстоянии от места падения. Скалы, от которых они оторвались, долго представляют собой выступающие углы от недавнего излома, остроконечные горы, шпили и множество других причудливых форм. Когда мы пришли на берег Урды, черкесы, наши проводники, показали нам несколько кусков глинистого сланца, усыпанного слюдой, которую они принимали за графит. «Но немного дальше есть другие», - говорили они. Генерал решил следовать за ними дальше. Нам еще предстояла длинная дорога, и не было возможности вернуться в лагерь на Магомедовом холме до наступления ночи. Генерал послал нарочного привезти наши кибитки в долину, где мы завтракали сегодня. Очень быстро мы поднялись по склону, покрытому березами. Чтобы выйти из долины Урды, самым отважным всадникам пришлось спешиться: очень трудно было заставить лошадей подняться с нами. После трех дней пути мы снова спустились, чтобы добраться до берегов достаточно широкой реки, которая называется Кинжал, по названию горы, где она берет свое начало, и именно здесь черкесы нам сказали, что графиты еще в шести верстах и дорога, которая ведет туда, следуя вдоль берега Кинжала, сейчас непроходима, так как река, наполненная дождевыми и талыми водами, в нескольких местах вышла из берегов. Впрочем, уже было три часа дня, и мы были изнуренными от усталости, поэтому генерал решил возвращаться в лагерь.

Ужас этого перехода еще живет в моем воображении. Мы поспешили скорым шагом вдоль невероятной пропасти; узкая тропа то шла вдоль скалы, осколок которой создал неустойчивый наклон в центре ее склона, где наши лошади спотыкались на каждом шагу, то нужно было переходить крутую гору, покрытую скользким дерном, с которого только что сошел снег. Нам угрожало быть застигнутыми ночью. Солнце почти зашло, когда мы двинулись вдоль Кинжала со стороны, ведущей к центральному хребту, от которого она отделена глубокой и широкой долиной. Дорога была шириной в несколько футов, но настолько крутая, что лошади с трудом продвигались по скользкому гравия, который рассыпался под их ногами; по правой стороне у нас была стена из скал, а по левой - пропасть. К счастью, мы вышли на плато до наступления ночи и пришли в лагерь, залитый прекрасным лунным светом. Здесь мы провели ночь в холоде, всего на несколько градусов превышающем уровень замерзания воды. На следующий день мы вернулись в наш первый лагерь вблизи Каменного моста на Малке.

13 июля мы продолжили наш поход, снова поднявшись в долину Кичмалки. В этот день мы прошли всего лишь 20 верст. 14-го числа, после того как преодолели несколько гор, мы вошли в глубокую долину Хасаут. Отсюда у нас была еще одна прогулка. Я опишу лишь ее самые примечательные пункты об исследовании графитов, которые черкесы использовали уже давно. Мы взяли сведения, более основанные на опыте, и в этот раз надежда что-либо найти, была лучше

обоснована. Я не буду говорить о трудностях, которые нам пришлось преодолеть, они были того же рода, что и те, картину которых я уже нарисовал, те, что испытывает путешественник, когда переходит долины Кавказа, вместо того чтобы следовать их направлению. После того как мы поднялись на очень крутой склон, мы перешли несколько плоскогорий, высота которых над уровнем моря составляла 6-7 тысяч футов. На Кавказе средняя температура, которая соответствует этой высоте, благоприятна для берез; они покрывают то там то здесь наименее отвесные склоны; плоскогорья обычно имеют степной характер: ни одно дерево не мешает взору, направленному на юг, на Центральный хребет, и на север. на равнину, в которой плоскогорья Кавказа теряются незаметно.

Наконец, на склоне очень крутой горы мы ли несколько беспорядочных раскопок, давших куски сернистого свинца, который нам приносили раньше. Шахта небогатая, но, поискав лучше, вероятно, можно найти более содержательные. В данный момент любая разработка в этих краях становится почти невозможной из-за трудности расположиться там.

Та же дорога, которой мы пришли, снова привела нас в наш лагерь на берегу Хасаута. Мы покинули его на следующий день. По мере того как мы преодолевали возвышенности, расположившиеся между Бермамытом и Центральным хребтом, мы все больше и больше приближались к Эльбрусу. Погода не была благоприятной: постоянные ливни делали дороги непроходимыми и переполняли реки, а нас порой окутывала мара, вызванная ливнями, и горы терялись из виду. Мы были почти постоянно окутаны туманами, вызывавшими недомогания. Генерал огорчился бы, если бы одна из главных целей экспедиции - восхождение на Эльбрус - не была достигнута, и решил ждать благоприятного момента, который вскоре наступил. 20 июля, оставив в долине реки Харбаз, что находится на границе песчаных и трахитных гор, повозки и оружие с маленьким отрядом для их охраны, мы прошли трудными тропами первый предел Центрального хребта, спустились в верхнюю долину Малки, которая берет свое начало у основания Эльбруса, и разбили лагерь у подножия этой же горы, на высоте 8 тысяч футов над уровнем океана.

На следующие утро, 21 июля, генерал поднялся на одну из возвышенностей, окружавших наш лагерь, чтобы осмотреть дорогу, по которой мы должны были направиться, если это возможно, до вершины Эльбруса. Тотчас же он собрал вокруг себя казаков и черкесов, которые должны были нас сопровождать, и пообещал значительные вознаграждения тем из них, кто первым достигнет вершины: первый должен был получить 400 рублей, второй - 200. Если даже не будет возможности дойти до самой верхушки, то и тот, кто преодолеет половину снежного конуса, будет вознагражден. Мы пустились в путь в 10 часов утра.

Перейдя Малку, мы были вынуждены отпустить лошадей, потому что предстояло преодолеть нагромождения скал и дальше идти только пешком, карабкаясь и прыгая с глыбы на глыбу. Пехотинцы и казаки из нашей охраны были нагружены багажом и небольшим количеством дров. После 6 часов пути, то есть в 4 часа после полудня, мы, наконец, пришли к границе снегов. Мы уже видели, что Центральный хребет бет Кавказа состоит из трахита. Представьте себе вытянутое плато на высоте от 8 до 10 тысяч футов, разорванное во всех направлениях узкими и глубокими долинами, пересеченное в середине. На фоне живописной картины тянется гребень крутых скал. Почти в середине этого гребня есть очень широкая и неглубокая впадина. Выдающиеся скалы гребня закрывают вид на конус с двумя вершинами, покрытыми вечными снегами, и они видны лишь небольшими пятнами.

Этот конус — Эльбрус, его высота превышает на 3-4 тысячи футов высоту окрестных вершин. Мы провели ночь у подножия этого конуса, в низине, укрытой огромными глыбами черного трахита. В ее центре образовалось небольшое скопление талой воды. Ни следа зелени, лишайники едва покрывают скалы. Это место было всего лишь сотней футов ниже границы вечных снегов. Мы спали на обломках скал, которые скопились в этой низине. Ночь была очень холодная, я просыпался несколько раз, чтобы наслаждаться прекрасным зрелищем, которое нам дарил в этот момент эта пустыня из скал и снега, освещенная луной. Эта картина величественной простоты, глубоко врезалась в мою душу. Она состояла только из трех оттенков: серебристого

снега, сверкающих звезд, синевы неба - и все это на фоне черных скал, смешанных с тенями ночи; но живописное соединение форм, мягкость контуров, последовательность оттенков и, наконец, царившее спокойствие, дивный отдых, которым наслаждалась моя душа, придавали невыразимую привлекательность этой картине, и никогда в моей жизни ничего более чарующего не представало перед моим взором. На следующий день, когда мы были на самой вершине, мои силы были исчерпаны, у моего воображения, пораженного опасностями, которые меня окружали, не было ни достаточно энергии, ни достаточно свежести, чтобы собирать разнообразные впечатления, которыми, так сказать, оно было завалено; мои глаза ослепленные сиянием снега, искали в тенях долины лишь немного отдыха, осознание моего месторасположения преобладало, чтобы я мог наслаждаться чем-либо новым, что я видел вокруг себя.

Сев под скалой, на которой мы накануне нарисовали пентаграмму (на пяти углах ее находились начальные буквы наших имен), я созерцал этот полностью покрытый снегом конус: к вершине он разделялся на два пика, угловатые пласты льда и спрессованного снега собирались во впадине, разделяющей их; возможно, пласты оторвались от вершины, откуда они скатились в низину. Снега покрывают пропасти; воды бьют ключом со склонов горы или собираются в полости углублений кал, тают и уносят нижние слои; остается только легкая корка, образующая своего рода мост над пропастью, его не видно, но воображение, превосходит истинную глубину. Активность постоянно беспокойной атмосферы, быстрые изменения температуры, последовательное замерзание и таяние воды, которая проникает в расселины скал, значительно ускоряют их разрушение: отрываются огромные глыбы, которые ска тываются в пропасти и разбивают все, что встречают на своем пути Стремительные ветры, снежные вихри, которые не только угрожают засыпать путешественника, но и скрывают из виду долину, к которой он держит путь, когда возвращается, в то же время стирают следы шагов, указывающих ему дорогу, по которой он должен идти; снежная поверхность очень покатаая и скользкая, ее возможно преодолеть, только используя трезубцы: единственный промах - и упадешь в пропасть - вот опасности, которые нас ожидали. С другой стороны, момент был благоприятен, случай уникальный, лунный свет предвещал прекрасное утро; для осуществления этой затеи была лишь одна возможность, потому что генерал не смог бы пойти на то, чтобы подвергать дольше свое маленькое войско такой опасности и таким лишениям. Дорога к Эльбрусу после нас снова закроется на длительное время; жертвы, требующие такого путешествия, слишком велики, чтобы можно было предпринимать его часто. Нас можно было бы упрекнуть, в том, что мы не воспользовались в полной мере случаем сколь блестящим, столь и преходящим. Знание о породах, из которых сложен Эльбрус, должно было мне дать ключ к геологическому явлению, которое я прежде наблюдал. Смещение слоев, при приближении к центральному хребту, лава, которую я уже встречал, форма гор, которые поднимались перед нами, - все способствовало тому, чтобы заставить меня поверить, что Эльбрус должен был состоять из вулканических пород. Эльбрус - самый грандиозный продукт извержения, которое подняло Кавказ, показывает весь Центральный хребет; можно было бы предположить, что геологический профиль, частью которого является также и Эльбрус, дал бы наиболее точное и наиболее полное представление о геологическом строении Кавказа. Оживленные желанием постичь решение стольких проблем, мы поднялись в три часа утра, вооружившись лопатой, несколькими подкованными железом трезубцами, веревкой и запасом провианта. Мы пустились в путь, после того как приказали нашим пехотинцам и большей части казаков ждать нас. Через четверть часа мы были уже на снегу; вначале склон не был крутым и мы продвигались с легкостью, помогая себе время от времени трезубцами, но вскоре подъем стал настолько трудным, что мы вынуждены были рубить ступени в снегу, который был еще достаточно твердым, чтобы нас выдержать. Хотя долина позади нас была еще окутана туманом, мы наслаждались хорошей погодой. Луна достигла небесного свода. светлый блеск ее диска составлял приятный контраст с синевой неба.

Несмотря на свежий ветер, дувший с горы, туман медленно поднимался за нами, расстилаясь у наших ног белой пеленой, он уже покрыл низину, где мы провели ночь и которую мы только что покинули. Туман грозил окутать нас самих. Но скоро лучи солнца, проникавшие

сквозь марево с возрастающей энергией, разорвали его в нескольких местах; скоро вся долина предстала перед нашими восхищенными взорами, очертания вершин Передового хребта Кавказа прояснились перед нами. Самые высокие вершины этого хребта Инал, Кинжал, Бермамыт - расположены на почти полукруглой линии. По направлению к центру все увеличивалось хаотическое нагромождение вершин и пиков, покрытых вечными снегами. Их вид представляет часть огромного кратера, посреди которого возвышается в виде конуса громада вулканических масс, превосходящая высотой края кратера. Двигаясь вперед то зигзагом, то по прямой линии, несмотря на все трудности подъема, участники экспедиции невольно восхищались окружающей их волшебной картиной. Поспешность, с которой мы двигались, чтобы достичь вершины раньше, чем поверхность снега будет размягчена солнечными лучами, истощила наши силы, и мы, в конце концов, должны были останавливаться для отдыха почти на каждом шагу. Разреженность воздуха такова, что дыхание не в состоянии восстановить потерянные силы. Кровь сильно волнуется и вызывает воспалительные процессы в наиболее слабых частях тела. Мои губы горели, мои глаза страдали от ослепительного блеска солнца, хотя я по совету горцев зачернил порошком лицо около глаз. Все мои чувства были притуплены, голова кружилась, время от времени я чувствовал необъяснимое изнеможение, которое я не мог преодолеть.

Ближе к вершине Эльбрус представляет ряд голых скал, образующих нечто вроде лестницы, которая очень облегчает подъем. Однако Мейер, Менетрие и Бернардацци (молодой архитектор, живущий на Минеральных Водах и сопровождающий нас во всех наших поездках) и я чувствовали себя настолько утомленными, что решили отдохнуть час или два и с новыми силами отправиться в путь. Несколько казаков и черкесов, сопровождавших нас, последовали нашему примеру. Мы укрылись от ветра под огромной скалой черного трахита, который образует первый уровень скал. Здесь маленькое пространство было лишено снега; я оторвал несколько кусочков скалы для моей коллекции. Мы были на высоте 14 тысяч футов над уровнем моря, нужно было подняться еще на 1400 футов, чтобы достичь вершины Эльбруса. Я хотел заставить колебаться магнитный маятник, который я привез, но казак, который нес ящик с инструментами, еще не пришел. Солнце, бросающее лучи почти перпендикулярно на наклонную поверхность снега размягчило его до такой степени, что он не мог более нас выдерживать Медля с возвращением, мы рисковали провалиться в трещины запорошенные снегом. Не превзошел ли этот первый опыт наши надежды? Вступая в Кавказские горы, мы считали Эльбрус недоступным, через две недели мы находились уже у его вершины. Не достаточно ли принести с собой с вершины Эльбруса ту же породу, которая составляет Пичинчу Кордильер, наблюдать самые важные геологические связи Кавказа, подняться до высоты Монблана? Я мог надеяться, что господин Ленц, который нас обогнал, достиг бы вершины и измерил бы высоту барометром, который он нес с собой. Сопровождаемый двумя черкесами и одним казаком, он постоянно двигался вперед, взбираясь по лестнице скал, о которых я говорил выше. Достигнув последнего выступа ступеньки, он увидел, что его от вершины еще отделяет снежный наст, который надо было преодолеть, и снег оказался настолько мягким, что с каждым шагом мы проваливались по колено, рискуя совсем завязнуть в талом снегу. Его попутчики казались склонными больше не идти вперед, и это было большим риском, чем попытаться пойти совсем одному; впрочем, уже прошел час, и нужно было думать о возвращении, чтобы не быть застигнутыми ночью до прихода в лагерь. Наконец Ленц решил вернуться, не достигнув вершины, которая, однако, как мы увидели позже, возвышалась, пожалуй, футов на 600 над местом его последней остановки. Спуск был очень трудным и очень опасным. Снег, который несколько часов назад выдерживал нас, проваливался под нашими ногами, где образовывались ямы, позволявшие увидеть устрашающую глубину пропастей под нашими ногами. Казаки и черкесы, следовавшие за нами, связали себя попарно веревками, чтобы оказывать друг другу помощь. Я чувствовал себя столь слабым от усталости, что для быстроты движения опирался на двух человек, обхвативших меня руками, а когда спуск стал менее крутым, я растянулся на бурке, которую тасил какой-то черкес. Каждый думал только о себе и как скорее миновать грозившие нам опасности. Мы разделились на группы. Желание как можно быстрее

достичь лагеря заставило нас забыть, что мы находимся среди черкесов, в которых мы не были уверены, и, похитив нас, они приобрели бы прекрасную добычу.

Весь этот достопамятный день генерал сидел около своей кибитки, следя за нашим восхождением через превосходную трубу Доллана, которую я оставил в его распоряжение. Как только туман, застилавший утром долину, рассеялся, генерал увидел, как мы поднимались по покрытому снегом конусу, как добрались до первого уровня скал, которые простирались до самой вершины Эльбруса. Здесь мы разделились на две группы: одна продвигалась к вершине, в то время как другая стояла. Но вдруг он заметил единственного человека, который обогнал всех остальных и почти преодолел снежную поверхность, отделяющую от вершины последний уровень скал, о которых мы говорили. Он приблизился к крутой скале, образующей саму вершину, и, свернув, слился с чернотой скал, и затем исчез в тумане, вновь окутавшем долину и скрывшем Эльбрус из виду. Он взшел в одиннадцать часов утра. Генерал не мог больше сомневаться, что кто-то из нас не взшел на вершину. По цвету его одежды можно было хорошо рассмотреть, что это был черкес, но по его силуэту на таком расстоянии трудно было его узнать. Генерал приказал бить в барабаны и сделать несколько выстрелов из мушкетов, чтобы возвестить всему лагерю об этом знаменательном событии. Затем он терпеливо ждал нашего возвращения.

Килар, так звали черкеса, который достиг вершины Эльбруса, сумел лучше нас воспользоваться утренним холодом и значительно раньше нас миновал границу вечных снегов. Когда Ленц достиг места своей последней остановки, Килар уже возвращался с вершины. Снег начал размягчаться только с одиннадцати часов. Он же шел по твердому насту до самой вершины и, только спускаясь, встретил те же трудности, что и мы. Несмотря на то что он прежде никогда не пытался покорить вершину, он все же поднялся на значительную высоту. Он вернулся в лагерь на час раньше, чем мы, чтобы получить от генерала вознаграждение, полагающееся ему за мужество. Но генерал дождался возвращения всех, чтобы придать церемонии большую торжественность. После того как расположились за столом, на глазах у всего лагеря генерал выплатил ему вознаграждение, которое предназначалось тому, кто первым достигнет вершины, добавив к этому кусок сукна на кафтан, и мы выпили за его здоровье. Мы решили увековечить память этого дня надписью, начертанной на одной из скал в окрестностях нашего лагеря.

Следующий день был отведен для отдыха, в котором мы действительно нуждались. Наши глаза были воспалены, губы растрескались, кожа и ушах и на лице висела клочьями. Многие из нас настолько обессилили после восхождения, что смогли восстановить свои силы лишь позднее по возвращении на Минеральные Воды. Я тщетно пытался проверить походной триангуляцией высоту Эльбруса, которую мы вычислили барометрическим измерением. Испытанные мной тяготы не позволили мне действовать быстро, и прежде чем я закончил измерения, вершину заволкли густые облака, в которых она больше не появилась. Обеденное время снова собрало нас в кибитке генерала, окруженного черкесскими князьями и казачьими офицерами нашего эскорта. Несколько бутылок шампанского, которые наши мусульмане, чтобы не нарушать закон пророка, выпили как шербет, скоро оживили наши умы. Тост за Его Величество императора сопровождался мушкетным залпом. Поддержка государя, который терпимость и кротость считает своими наибольшими добродетелями, привела к тому, что люди разных сословий и верований, ненавидящие друг друга, объединились в одной кибитке в столь естественном для них желании расширить свои знания и способствовать достижению единой цели.

Здесь заканчивается первая и наиболее важная половина нашего путешествия. Мы приблизились к прекрасной долине Кубани. Возвращаясь тем же путем, что прежде прошли, мы достигли того места, где оставили пушки и большую часть багажа. По пути мы посетили водопад Тузлук-Шапа, образованный недалеко маленькой речкой, впадающей в Малку. Хотя в центральном хребте Кавказа часто встречаются скалы с крутыми склонами и пропасти с расщелинами по краям, тем не менее, все причуды природы оживают, благодаря движению ниспадающей каскадами воды, которая создает изысканные детали прекрасного пейзажа. Однако надо признать, что Кавказ представлен меньшим количеством живописных мест, чем Швейцарские Альпы и Тироль. Характерная для него сухость, однообразие, простота

геологических образований, его составляющих, исключают яркость красок и разнообразие очертаний и свежесть, которые придают невыразимую привлекательность ласкающим взор долинам Швейцарии. Взгляд путешественника напрасно ищет жилище или возделанное поле; он не видит ничего, кроме пустынных скал и степей. И даже этот вид скрыт от него почти постоянным туманом. 25 июля мы снова покинули долину Харбаз в сопровождении всех наших военных и всего багажа, чтобы вновь вый ти на дорогу, ведущую к Бермамыту, против которого мы разбили наш лагерь на просторном лугу.

После того как мы посетили Кизил-кол (Красная река), где обнаружили кисловатый железистый минеральный источник, мы навсегда удалились от центрального хребта Кавказа. Далее нас сопровождал хребет песчаных и известковых гор, частью которого является Кинжал. Хребет тянется до Кубани параллельно трахитовой гряде. Все время мы двигались на запад по дну длинной и широкой долины, расположенной у подножия группы крутых скал, часто принимающих самые странные очертания. Порой это была светло-охристая стена, возвышающаяся над равниной, поросшей зеленью; она состояла из горизонтальных слоев, где встречались башни и пики, которые грозили нам обрушением, - настолько они казались неустойчивыми в своем основании, покрытом ее же обломками. Мы шли по долине реки Эшкакон, все время держась этих высот. Именно здесь год назад генерал дал сражение карачаевцам. Вид самой долины терялся в тумане. Мы расположились на возвышенности, где генерал разбил лагерь. Там мы заметили могилы двух братьев князя Джерандука, сопровождавшего нас. Они сражались на стороне русских. К полудню мы остановились на прекрасном лугу, расположенном у подножия горы Пагун, где вода и дрова были в избытке. Недалеко от этого места находился исток Подкумка.

На следующий день, 27 июля, мы продолжили наш путь на северо-запад, двигаясь вдоль той гряды отвесных скал, о которой мы уже говорили; черкесы называют ее Эльмурза. Кума берет свое начало у основания этих скал. Весь этот край с хорошим лесом и имеет более приятный вид, нежели окрестности Эльбруса. Позавтракав у подножия Кошгуэгу1, к часу дня мы спустились в долину Хумары, речушки, впадающей в Кубань. Выбранное для лагеря место отличалось прекрасными видами со всех сторон. Мы все еще были зажаты крутыми горами, но голые скалы сменялись холмами, увенчанными лесом. Орошаемый чистыми водами Хумары дерн был весьма пышен. Туман, почти все время преследовавший нас, остался далеко на возвышенностях.

Лоо, князь Абазии, одолел Кубань вплавь, чтобы нанести визит генералу. После недавнего бунта черкесов, живших в этом краю, их вытеснили за Кубань и, чтобы учредить естественную преграду их набегам, им запретили селиться на правом берегу этой реки. Поэтому князь Лоо также жил на другом берегу Кубани. Он разделся, чтобы ее переплыть, а затем его облачили в казацкую одежду, чтобы он мог предстать перед генералом. Идя по течению Хумары, мы, наконец, пришли в долину Кубани, которая стала последним этапом нашего путешествия. Ее сток настолько пополнился талыми водами, что перейти ее вброд не представлялось возможным. Поднявшись несколько верст по Кубани, мы разбили лагерь у самого ее берега.

Развалины церквей и могил в этой прекрасной долине свидетельствуют о прежней здесь жизни. Часто встречались камни, то лежащие, то расположенные вертикально, на которых явно просматривались следы римского креста. На других камнях появлялись более поздние даты и надписи на арабском языке. На другой стороне Кубани, против нашего лагеря, возвышались развалины церкви, построенной на крутой скале. Говорят, немного дальше есть и другая. Ранее мы составили план посещения обеих, но, к сожалению, стремительный поток Кубани, который опасно было переходить, помешал. Лишь река отделяла нас от этой церкви, и мы были вынуждены довольствоваться наблюдением издали при помощи подзорных труб. Развалины хорошо сохранились. В плане - квадрат с округлыми апсидами; вход расположен с западной стороны, алтарная часть - с восточной. С этой стороны выделялись три апсиды, и они, несомненно, соответствовали трем внутренним нишам, предназначенным для стольких же престолов.

В этот же день мы совершили прогулку к Каменному мосту Кубани, расположенному десятью верстами выше упомянутых развалин. Долина Кубани достаточно широка и с хорошим лесом; здесь часто встречаются буки, порой лозы дикого винограда обвивают стволы вязов,

яблони растут то тут, то там без чьей-либо заботы. Скалы, то обрывистые, то вздымающиеся уступами, украшены зеленью и находятся на некотором расстоянии от течения реки. Буйная растительность все больше и больше расширяет свои владения, покрывает пропасти густым кустарником, оплетает глыбы скал гирляндами плюща. Несколькими верстами выше нашего лагеря долина Кубани сужается. Какое-то время мы шли по узкой тропе, проложенной между отвесной скалой и пропастью, в тальвеге которой пенятся волны Кубани. Но вскоре горы расступаются, чтобы пропустить две реки, Мару и Теберду, впадающие в Кубань. Первую мы преодолели вброд и вскоре оказались у подножия скал, сложенных из диоритов, подобных тем, из которых сложены склоны центрального хребта.

Дно долины резко поднимается совсем рядом. Огромные глыбы трахитовых скал - породы, из которой сложены окрестные горы, настолько сужают реку, что она пробивается, сильно шумя, и ниспадает каскадом с высоты нескольких футов. Это и есть то, что называют Каменным мостом Кубани. При помощи брусьев нам бы было легко перейти реку в этом месте даже без нашего эскорта. Нескольких досок вполне бы хватило, но, перейдя реку без оружия, мы рисковали оказаться в плену. Обследовав окрестности, мы стали возвращаться в лагерь, куда пришли к вечеру.

На следующий день мы ушли ранним утром. Полуденная жара усиливалась по мере того, как мы шли, и не позволяла нам работать весь день. 29 июля мы прошли по Кубани и посетили Очкор. С этой вершины мы увидели развалины какого-то редута. С этого места мы наслаждались великолепным видом Центрального хребта, над которым в этот момент клубились тучи. Сама возвышенность походила на горы Передового хребта. Поднявшись наверх, мы почувствовали, как перенеслись в широкую степь и оказались посреди плато, окаймленного с юга Центральным хребтом и пересеченного с юга на север широкой расщелиной, в глубине которой виднелась бегущая Кубань.

30 июля, свернув направо, мы покинули Кубань и направились к Кислым Водам (Кисловодск), которые находятся в 40 верстах от Горячих Вод (Горячеводск). В общем, мы следовали по направлению Кордонной линии. Всюду офицеры разных постов Линии шли нам навстречу. Генерал внимательно осмотрел все средства обороны, которые он ранее предоставил в их распоряжение. 31-го мы остановились на берегу Кумы, недалеко от редута Ахандукова. 1 августа, позавтракав около Бургустанского редута, на слиянии Эшкакона и Подкумка, мы направились к Кислым Водам, куда пришли к полудню того же дня.

Кисловодск зажат горами средней высоты, которые скрывают от жителей этой колонии вид Центрального хребта. Дома современной архитектуры для недужных, которые прибывают сюда в последние месяцы лета в большом количестве, расположены весьма упорядоченно вокруг водоема; в нем видно, как бурлит прозрачная вода, насыщенная углекислым газом. Температура этого источника не превышает 12 °R. Вода содержит углекислый газ в избытке: его самопроизвольное выделение вызывает бурление, что удивляет наблюдателей. С той возвышенности, где мы разбили лагерь, можно было любоваться приятным видом на Нарзан - как этот источник называют черкесы. Он находится на слиянии двух речек: Березовки и Ольховки; именно в первую источник выносит свои обильные воды. Колодезь окружали две крытые галереи и несколько домиков, где располагались купальни. Немного дальше - дом владельца ресторации и жилища больных, и, наконец, в глубине - хижины казаков, которые составляют гарнизон этого поста. Вокруг источника поднимаются террасы. Мы снова поднимаемся по Березовке, стремящейся от скалы к скале в узком проеме аллеи лип и кленов. Хотя здесь нигде не полюбуешься внушительным видом центрального хребта, однако холмы вокруг Нарзана не умаляют живописности местности. Углекислота слабо соединена с водой Нарзана и легко выделяется, отчего эту воду совершенно невозможно перевозить далеко; она продается только поблизости. Причина в том, что при распаде количество солей в воде незначительно. Вода, если можно так сказать, чиста и содержит лишь углекислоту. Известно, что чистая вода мало способна задерживать этот газ при невысокой температуре.

2 августа мы снова пустились в путь, чтобы добраться до Горячеводска, где наше путешествие должно было закончиться. Сообщение по берегам Подкумка между Горячими и Кислыми Водами сильно облегчала очень хорошая дорога. С некоторых пор, благодаря бдительности генерала Емануеля, здесь можно было путешествовать в полной безопасности и даже без охраны, по крайней мере днем. Нас сопровождало большое число князей. Среди них выделялись: упомянутый прежде старый Жанхот, претендующий на происхождение от последних султанов, правивших в Крыму, Крым-Гирей и другой - имя которого я забыл, награжденный древнеперсидским орденом Солнца. Толпа молодых людей, привлекаемая как любопытством, так и желанием показаться генералу, заискивала перед ним.

Предложили состязания, выполняемые с большой ловкостью и состоящие из следующего: один из соперников опережал нас на несколько шагов и бросал свою папаху на землю. Черкесские всадники позади нас по очереди устремлялись вперед, кто в карьер, кто галопом во весь опор, и мимоходом делали выстрел из ружья в папаху, продырявливая ее насквозь. В начале скачки всадник одной рукой вытаскивал ружье и! чехла, в котором оно находилось, а другой держал узду лошади. Приближаясь к папахе, черкес бросал поводья и прицеливался, держа ружье двумя руками. В тот момент, когда он проскакивал рядом, раздавался выстрел, и папаху взлетала в воздух.

В этих состязаниях у нас была возможность полюбоваться ловкостью черкесов, покорностью и проворностью их лошадей. Всадник и лошадь, казалось, воодушевлены одним желанием, ничто не сравнится с их стремительностью, когда они в едином пылу устремляются к какой-то цели.

В Горячеводск мы прибыли к трем часам после полудня. Именно здесь закончилась наша экспедиция в горы Кавказа. Мы решили остаться еще на две недели у Горячих Вод, чтобы отдохнуть и привести в порядок заметки с полезными сведениями, собранными во время путешествия. Приятное и образованное общество, которое время от времени генерал собирал у себя, давало нам частые и незначительные поводы отвлечься. Именно на одном из таких вечеров, на которые генерал приглашал иногда черкесских князей, я увидел, как они исполняли национальный танец. С чрезвычайной гибкостью они подпрыгивают на цыпочках, крутя ступней то внутрь, то наружу; они бы быстро потеряли равновесие, если бы постоянно не меняли положение. Различные движения ног сменялись с большой скоростью. Сопровождавшая их музыка была весьма ритмична. Пытаясь удержать равновесие, они сохраняли грациозную и гордую осанку.

Посетив Бештау и железистые воды, которые находятся недалеко, мы разделились: господа Мейер и Менетрие решили еще пополнить свои коллекции растений и животных у подножия гор и исследовать Казбек, а Ленц и я снова отправились в Ставрополь. Мы намеревались поехать в Крым, но опасение чумы, появившейся на западном берегу Черного моря, заставило повсюду учредить карантин, и все нам советовали не ездить туда в этом году. Мы направились в Пятигорск и Николаев, куда прибыли 26 августа. Ленц остался там на несколько недель, где он вместе с господином Кнорром, директором астрономической обсерватории, наблюдал посекундное раскачивание маятника. Я же продолжил свой путь в Санкт-Петербург, куда прибыл 19 сентября 1829 года.

Сборник актов публичных заседаний Императорской академии наук Санкт-Петербурга. СПб., 1830. С. 47-91.

Привести в подданство

Эммануэль - генералу Паскевичу, 30 декабря 1827 года.

От 30 декабря 1827 года

Обязанностью почитаю довести до сведения Вашего высочества переписку, произведенную мною с анапским пашой на счет карачаевского народа, который в прошлом, 1826 году неизвестно по каким причинам допущен к выдаче паше аманатов, тогда как лет за 15 перед сим карачаевцы до того признавали зависимость свою от нашего правительства, что управлялись нашими приставами. По прибытии же моем на Кавказскую линию я нашел их в связи уже с беглыми кабардинцами и в намерении склонить их кроткими мерами к покорности, объяснив им их проступки, независимость от паши анапского, выгоды, которыми теперь пользовались от нас и которые мог бы представить им введением их в торговлю с жителями Кавказской области, требовал от них присяги в верноподданстве государю императору и аманатов; но они и от того и от другого отказались, объясняя, что, будучи единоверцами туркам и по случаю выдачи им аманатов с присягой быть им верными, не могут исполнять моего требования.

Из представляемого при сем в копии ответа паши анапского на письмо мое Ваше высочество изволите усмотреть ложные извороты, которыми он прикрывает явное со своей стороны нарушение трактовать в отношении к пограничным народам здешнего края. Я же имею честь донести, что через карачаевские владения, простирающиеся к самой вершине Кубани, лежит единственная дорога, удобная для скрытого проезда закубанских народов в наши границы на хищничества, и что сие только сообщение беглых кабардинцев и закубанцев с карачаевцами дает возможность паше анапскому действовать из-под руки на горские народы, ибо как хищники, так равно и посылаемые от него для обольщения доверенные люди всегда находят у карачаевцев убежище, а оттуда, смотря по надобности, сопровождают ими в наши границы и к покорным нам горским народам, где производят и возмущения, и грабежи. Недавно перед сим карачаевцы препроводили через свои владения за Кубань, а потом в Анапу сына Нух-хана, находившегося в Чечне для возмущения против нас горских народов.

Все сие я представил благоусмотрению начальника Главного штаба Е. И. В. с донесением, что если не изменятся в скором времени местные обстоятельства здешнего края, то устройением в верху Кубани укрепления и нескольких постов можно будет навсегда прекратить вредные для нас сообщения и связи закубанцев с горскими народами и привести карачаевцев в подданство.

АКАК, т. 7, ч. 2, л. 845.

Рапорт Паскевича

От 18 ноября 1828 года

Генерал Емануель доносит, что для обеспечения спокойствия на Линии он счел нужным предпринять экспедицию против карачаевцев -народа, живущего на снежных высотах Кавказа, в вершинах Кубани, который в надежде на неприступность земель своих безбоязненно давал убежище и помощь всем закубанским хищникам, через его земли проходившим для произведения набегов в пространстве между Кубанью и Тереком.

20 октября у подошвы Эльбруса встретили карачаевцы отряд наш, под личным предводительством генерала Емануеля находившийся. 12 часов продолжалось сражение, и только в 7 часов вечера неприятель сбит был с последней занимаемой им высоты. Потеря его весьма значительна. С нашей стороны убито: обер-офицеров - 3, нижних чинов - 41; ранены: командующий Горским казачьим полком майор Верзилин, обер-офицеров - 3, нижних чинов - 116 человек.

На другой же день отряд уже без сопротивления достиг главного неприятельского аула Карт-юрта и встречен был депутатами, просившими о пощаде. 23 октября главный владелец Ислам Крым-Шовкалов и другие старшины от имени всего народа принесли присягу на верноподданство Е. И. В. и дали обещание все, ими в разное время с Линии похищенное, возвратить, впредь никаких хищничеств не производить, не пропускать через свои земли неприятельских партий и о сборах их в соседственных обществах извещать русское начальство, в удостоверение чего выдали они аманатов из четырех знатнейших фамилий, по назначению генерала Емануеля. С нашей стороны им предоставлено право с подданными российскими мухаммеданского верования разбираться по их обычаям шариатом и обещано учредить меновый двор на реке Куме, у крепости Хахандуковская, на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары.

АКАК, т. 7, ч. 2, л. 852.

Экспедиция к Эльборусу

(Отрывок из частного письма)

Экспедиция наша под личным начальством генерала от кавалерии Емануеля, выступила с Горячих Минеральных Вод к Эльборусу 26 июня. С нами отправились прибывшие из Санкт-Петербургской академии наук господа: ординарный профессор минералог Купфер, хранитель Академического музеума зоолог Менетрие, физик адъюнкт-профессор Ленц, доктор ботаники Мейер из Дерпта и горный чиновник Луганского завода обер-хютен-фервалтер Вансович. 8 июля, преодолев все трудности в пути, прибыли мы к подошве Эльборуса и расположились лагерем при речке Малке. Все тяжести оставлены были в вагенбурге за 15 верст до Эльборуса, а одно орудие довезено было на 8 верст от места, где поставлен был лагерь.

Крутизна спусков и подъемов и теснота тропинок, проложенных по быстрым покатолям гор, препятствовали пробираться далее иначе как пешком или верхами налегке; но по всей дороге мы не встречали, однако же, нигде тех непроходимых болот и вообще тех естественных препятствий, которые, по описаниям Клапрота и других путешественников, должны находиться в окрестностях Эльборуса. Погода нам не благоприятствовала: ежедневные туманы и дожди затрудняли путь наш. Прибыв к подошве Эльборуса, мы предполагали дожждаться хорошей погоды, но, к общему удовольствию нашему, на другой день с рассветом небо прояснилось, облака совершенно исчезли и двуглавый Эльборус открылся перед нами во всем своем блеске.

Господа академики решили воспользоваться столь благоприятным временем для исполнения своего предприятия. Мы поспешили снабдить их всем нужным к совершению столь трудного пути, то есть заготовили им шестов, кольев, веревок и пр. Для сопровождения их дано им несколько человек черкесов и охотников из казаков. В 9 часов утра сии господа выступили из лагеря и к вечеру достигли только до первого снега, где и расположились ночевать, поднявшись всего верст восемь.

На другой день (10-го числа), в 3 часа пополудни, пустились они далее. Утренний мороз много им способствовал, и они подвигались довольно успешно; но чем далее, тем шествие их становилось медленнее, ибо снег таял от солнца и обрушивался под ногами. Наконец стали они довольно часто останавливаться для отдыха и растянулись на небольшие отделения. Мы, оставшиеся в лагере, с крайним любопытством наблюдали медленное шествие сих странников.

К 9 часам утра, пройдя гораздо более половины горы, расположились они за скалами отдыхать и скрылись от нас совершенно. Спустя час времени явился из-за скалы один только человек и стал подвигаться довольно твердыми и мерными шагами к вершине Эльборуса. Тщетно ожидали мы последователей за сим предприимчивым путешественником: никто более не выказывался; напротив того, многие вскоре начали возвращаться обратно. Все взоры стали следить за тем, кто совершал столь смелый подвиг. Отдыхая на каждых пяти или шести шагах, он шел бодро вперед. Приблизившись к самой вершине, он исчез между скалами. Долго каждый из зрителей с нетерпеливым участием ждал его появления. Как вдруг около 11 часов увидели мы сего смельчака на самой вершине Эльборуса. Ружейная стрельба, гром музыки и хор песельников торжественно огласили воздух при радостных восклицаниях всего стана о столь необыкновенном событии.

До самого вечера мы недоумевали, кто был сей первый из смертных, взошедший на вершину высочайшей из гор Кавказского хребта, считающуюся донныне неприступной. По возвращении наших путешественников мы узнали, что удалец, решившийся один взобраться на самую высокую точку Эльборуса и тем доказавший возможность сие исполнить, был один из вольных кабардинцев, бывший прежде пастухом. За совершение сего подвига сей неуклюжий и хромой Килар получил предназначенный генералом Емануелем приз, из 400 рублей ассигнациями и 5 аршин сукна состоявший.

Один из господ академиков, господин Ленц, подымался на высоту 15 200 футов. Всего в Эльборусе, считая от поверхности Атлантического океана, полагается 16 800 футов, то есть около 5 верст перпендикуляра.

В окрестностях лагеря нашего, у подошвы Эльборуса, мы видели прекрасные водопады разных речек; но образуемый Малкой превосходит всех: река сия с невероятным шумом низвергается около двадцати сажений перпендикуляра. Току воды в сем месте не видно, но волны глыбами падают одна за другую. Пред сим водопадом, саженьях в пяти, лежит через реку естественный каменный мост, заросший травой, и тут находится конная дорога в Карачаев и за горы, к живущим там народам. Вообще виды в сих местах прелестны. Во время нашего странствования отысканы в горах свинец, каменное уголье во множестве и гибс (гипс); из камней: яшма, порфир, конгломерат и тому подобные, а из гранита состоит весь хребет Кавказа.

2 августа 1829 года,
Горячеводск

А. Щ-в

Тифлисские ведомости. 1829. № 34. 23 июля

Извлечение из письма господина адъютанта Ленца к господину академику Парроту

Июля 26-го дня 1829 года Горячеводск близ Константиногорска

Уже 5 июля мы прибыли к тому месту, откуда я писал к вам первое мое письмо, то есть к небольшой горе при реке Харбес, почерпающей воду свою из огромных снеохранилищ Эльборуса. Лагерь наш стоял уже более 7 тысяч парижских футов над поверхностью моря и в прямом расстоянии около 15 или 20 верст от Эльборуса. На сем возвышении, составляющем пригорок в сравнении с прочими горами, генерал Емануель положил переждать постоянные проливные дожди и при первом наступлении благоприятной погоды подвинуться ближе к горному колоссу, оставив за собой весь наш обоз.

Погода оставалась пасмурной до 8-го числа вечером, когда облака стали несколько разрежаться. Итак, генерал приказал бить в поход. Проехав с 4 версты верхами, мы достигли вершины возвышения, откуда дорога с другой стороны спускалась такой крутизной, что мы должны были оставить пушки и кухню на высоте 8 тысяч футов.

Мы продолжали путь верхом с несколькими верблюдами, на которых навьючены были наши кибитки; но вскоре, достигнув места, где дорога, шириной не более полуфута, пролегла мимо крутого горного спуска, должны были оставить и верблюдов своих, а подвижные наши жилища перевозить на казацких лошадях. В самых опасных местах мы более полагались на собственные наши ноги, нежели коней наших: предосторожность тем более необходимая, что мы видели пред нашими глазами одно из сих бедных животных, стремглав низвергшееся в бездну, глубиной на несколько сот футов; и при всем том лошадь осталась жива, но только не могла более шевелить ногами; теперь же, как говорят, совсем поправилась и по-прежнему служит своему хозяину.

9-го мы оставили отстоявший от Эльборуса в прямой линии около 6 верст лагерь наш и начали взбираться на горы, составляющие подножие его. Около 3 часов прибыли к небольшому озеру, образовавшемуся из снежной воды и отделяемому от снежного конуса невысоким холмом. На сем месте переночевали и на другой день, 10-го числа, и 3 часа пополудни начали свое странствие. Перебравшись через пригорок, вступили в область снегов. Мы стали взбираться на конус с с веро-восточной стороны, и я полагаю, что снежная граница начинается непосредственно позади помянутого холма. Из наблюдений, сделанных мною и г-ном Конради в сей же самый день и почти в тот же час в Горячеводске, явствует, что высота над сим местом составляет 1511,03 тоаза. Жилище г-на Конради я привел посредством особой нивелировки в сообщение с одним пунктом на реке Подкумке, на юг от Константино-горской крепости и нашел оное на 11,7 тоаза выше сего пункта. Пункт же сей на реке Подкумке есть тот самый, коего высота по нивелировке Вашего сына и г-на профессора Энгельгардта означает 2039 тоазов; из сего следует, что дом г-на Конради 219,6 тоаза, а снежная граница-1750.6 тоаза выше поверхности Черного моря.

Сын Ваш показал высоту Казбека в 1647,4, итак 83,2 тоаза ниже, каковое различие должно приписать особенным обстоятельствам. Что мы не достигли вершины, об этом я уже писал Вам; впрочем, сему не противопоставляется никаких непреодолимых препятствий; и при втором восхождении нужно будет только выбрать ночлег на другой высочайшей точке, чтобы достигнуть вершины прежде, нежели снега начнут таять, ибо иначе невозможно, утопая по колено в снегу и при столь разреженной атмосфере, взойти на последний крутой уступ.

Черкес Килар, о котором я писал Вам, что он достиг вершины, оставил ночлег ранее нас и прежде взошел на вершину, а я на то место, где должен был остановиться. Я полагаю, что пространство, измеренное мною, но высоту коего я издали мог довольно точно сравнить с пространством, действительно мною измеренным, составляет около 600 футов. Основываясь на сем показании, я, по сличении моих наблюдений с наблюдениями, сделанными в то же время г-ном Конради в Горячеводске, нахожу следующие высоты:

Отсканировано для сайтов Джэгуак1уэ: история адыгов и Джилы-Су: Северное Приэльбрусье

вышина вершины Эльборуса над Черным морем... 15 365 пар ф) тов, или 16 376 англ. футов; вышина достигнутого мною пункта.-14 765 пар. футов, или 16 736 англ. футов; вышина снежного предела... 10 384 пар. футов, или 11 067 англ. футов.

Санкт-Петербургские ведомости. 1829. 2 сент. № 118.

Исполин Кавказских гор¹

29 июня, в четыре часа пополудни, Эммануэль тронулся из Пятигорска в сопровождении академиков и с достаточным отрядом войск прямо к Эльбрусу. На втором ночлеге, 27-го числа, у Каменного Моста на Малке явились к нему старшины Карачаева с некоторыми другими черкесскими князьями под видом изъявления почтения, но, в самом деле с намерением узнать, зачем он идет к ним. Хотя они тщательно скрывали настоящую цель свою, однако Эммануэль узнал, что, по разнесшемуся слуху о следовании его в Карачаев и к Эльбрусу, карачаевцы, взирая с беспокойством на приближение его к их границам со значительными силами и быв подстрекаемы абадзехами, которые уверяли их, что русские идут разорять их жилища за потери, причиненные им в прошедшую войну, просили помощи у соседей, укрепили свои аулы и даже засели на высотах с оружием и камнями для встречи нашего отряда; однако, не приступая к неприязненным действиям, послали наперед к генералу Эммануэлю старшин под видом оказания почтения, но, в самом деле, чтоб узнать цель экспедиции. Генерал принял их ласково, рассеял основанные на ложных слухах опасения их и сказал им, что «когда они уже раз присягнули России, то он почитает их русскими подданными и что сам он будет строго отвечать пред государем императором, если б вздумал причинить им какой-либо вред; что, напротив, они добрым своим поведением и покорностью в продолжение всего этого времени приобрели полное право на дружбу и покровительство русских; приход же его и некоторых с ним ученых есть только одно желание узнать страну их, собрать растения, камни, животных, и что он, пользуясь добрым расположением карачаевцев, хочет только подойти к Эльбрусу, к которому никто еще не подступал, и что в жилища их он вовсе заходить не будет». Эти слова совершенно успокоили старшин, а сделанные некоторым из них подарки заставили их самих участвовать в экспедиции и быть проводниками нашими к Эльбрусу. Остановясь тут лагерем, Эммануэль 28-го числа в сопровождении академиков и небольшой части войск ходил для научных исследований к Кинжал-горе и ее окрестностям. 1 июля экспедиция отправилась из лагеря у Каменного Моста далее к Эльбрусу; 3-го числа она ночевала в долине Хассаут и дошла до высот между Бермашуком и Центральной цепью гор, но по причине сильных дождей и непрерывного тумана, отчего дороги сделались непроходимыми, отряд остановился, выжидая благоприятной погоды.

8 июля погода прояснилась, дороги исправились. Эммануэль, оставив орудия и тяжести в долине Харбас с достаточным прикрытием, перешел первую ступень Центральной цепи по чрезвычайно трудным тропинкам и экспедиция, спустившись в верхнюю долину Малки, у самого почти истока этой реки, вырывающейся из основания Эльбруса на высоте 8 тысяч футов выше уровня океана, расположилась лагерем у самой подошвы горы.

9 июля собраны были казаки и черкесы и объявлено им, что тот, кто первый достигнет вершины Эльбруса, получит 400 рублей, второму (если же это невозможно), достигшему самой высокой ступени, дано будет 200 рублей, а те, которые достигнут до половины конуса, покрытого снегом, получают также награду. В десять часов утра началось шествие. Академики, перешедши Малку, уже должны были оставить лошадей и следовать пешком. После шести часов пути, то есть в четыре часа пополудни, достигли они снегов, поднявшись от 8 до 10 тысяч футов. Высота конуса Эльбруса превышала все окрестные высоты тремя или четырьмя тысячами футов. У подошвы конуса академики должны были провести ночь. На другой день, 10 июля, в три часа утра они пустились опять в путь и через четверть часа были уже за пределами снегов; но оттепель и встречающиеся на каждом шагу скалы и пропасти, которые надобно было обходить, отблеск солнечных лучей, отражаемых снегом, - все это делало восхождение для академиков весьма затруднительным на возвышении 14 тысяч футов, и даже совершенно невозможным; оставалось им еще, по их расчету, 1400 футов до самой вершины. Тут они принуждены были остановиться и думать о возвращении, которое было едва ли не труднее самого восхождения. Однако господин Ленц, в сопровождении двух черкесов и одного казака, домогался еще достичь до самого верха и

¹ Голицин Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. М.: РИЦ «Собрание», 2004. с. 256-262

отправился было в путь, но, пройдя довольно большое пространство и не доходя до последней вершины, как полагает, на 600 футов, он должен был также отказаться от дальнейшего восхождения. Между тем как академики, пораженные такой неудачей, должны были возвращаться, один из черкесов, кабардинец, по прозвищу Киллар, отправясь отдельно от прочих, в одиннадцать часов утра очутился на самой вершине Эльбруса. Генерал Эммануэль, наблюдая из лагеря в зрительную трубу, первый усмотрел Киллара, стоявшего наверху Эльбруса, и все окружающие его поспешили удостовериться том своими глазами. Пушечные выстрелы возвестили о том всему лагерю. В то время как господин Ленц, не имея сил идти далее, отдыхал от усталости, Киллар уже успел возвратиться с верха горы и прибыл в лагерь целым часом прежде господ академиков. Генерал наградил его по назначению, дав еще сверх того тонкого сукна на черкеску, и за обедом первый бокал шампанского был выпит за его здоровье.

11-е число было посвящено отдохновению, а 12-го числа Эммануэль выступил из лагеря, взяв направление по Кубани. Посетив водопад Туслук-Шант и оставив потом долину Харбас, ученая экспедиция приняла направление по долине Бермашук, осматривала реку Кизель-Кол, где найдены минеральные кислые и железные источники; оттуда, через долину Ешкакон, от подошвы горы Пигун она продолжала путь к северо-западу, мимо цепи скал, называемых горцами Эльмурза. От горы Колегок экспедиция спустилась в долину Хумары, небольшой речки, впадающей в Кубань, которая и была пределом путешествия, потому что воды Кубани от тающих ледников увеличились до того, что невозможно было перейти вброд. Развалины церквей и гробниц, некоторые камни с римскими крестами, другие, не столь древние, с надписями арабскими, наполняющие эту долину, свидетельствуют, что некогда эти места были обитаемы. На противоположном берегу Кубани видны были развалины церкви, построенной на утесистой скале. Пройдя еще по течению Кубани вниз от Очкор-горы, отряд поворотил 18 июля по направлению к Кисловодску, следуя уже по Военной линии, где начальник области успел сделать ей надлежащее обозрение, а 21 июля экспедиция возвратилась благополучно в Пятигорск.

Говорить здесь об ученых результатах экспедиции было бы излишним; любителям отечественного просвещения они уже известны. Достаточно будет сказать, что академики успели воспользоваться вполне каждым случаем и обстоятельством для обогащения науки. В геогностических своих наблюдениях они собрали все, что Кавказ на равнинах своих от Новочеркасска до подошвы гор и в самых горах заключает замечательного и любопытного. Определив качество почвы Кавказа в различных его направлениях и высотах, они с надлежащей точностью разобрали состав и породы масс, составляющих горы Кавказские. Не исчисляя здесь найденных ими различных произведений царства ископаемых, упомянем только, что вблизи Эльбруса они нашли в большом количестве свинцовые руды отличного качества и каменный уголь, лежащий пластами на значительном расстоянии. Богатство флоры Кавказа, по разнородности и положению почвы, разнообразное и во многих отношениях примечательное изобилие предметов царства растительного и животного доставили господам Мейеру и Менетрие многие приобретения для ботаники и зоологии. Посредственность инструментов для произведения магнитных наблюдений заставила господ Купфера и Ленца оставить разыскания об определении наклона и уклонения магнитной стрелки и ограничиться определением только сущности (intensito - напряженность) магнитных сил земных. Труд их в этом ношении увенчан был таким успехом, что их исследованиями наука в этой части усовершенствовалась. В дополнение к сим разысканиям они собрали наблюдения о правильных и неправильных изменениях ис пытаваемых магнитной иглой в ее горизонтальном положении. Наконец, собрав наблюдения над температурой источников Кавказа, они также измерили многие высоты этого края и, между прочим, определили: 1) высоту восточной верхушки Эльбруса - 15 420 футов; 2) высоту стояния Ленца - 14 820; 3) высоту места, которого достиг Купфер - 13 572; 4) высоту пределов вечного снега - 10 362; 5) возвышение Кисловодска - 2235; 6) возвышение Горячих Вод - 1367; 7) возвышение Георгиевска - 1332; 8) города Ставрополя - 1788 футов.

Таким образом, совершилась эта достопамятная экспедиция, делающая честь тому, кто первый возымел эту мысль и умел проложить путь русским до вершины Эльбруса. Императорская

Академия наук в знак своего уважения и признательности избрала генерала Эммануэля в почетные свои члены. Диплом на это звание был к нему послан при следующем письме господина академика Купфера:

«Милостивый государь Георгий Арсеньевич!

Императорская академия наук, желая ознаменовать совершенную признательность свою Вашему Высокпревосходительству за покровительство, коим Вы удостоили членов ее, отряженных по предложению Вашему в экспедицию к окрестностям и на вершину горы Эльбрус, избрала Вас, милостивый государь, единогласно в число своих почетных членов. Первое точное измерение исполина Кавказских гор, исследование естественных произведений и вообще природы Кавказской оо-ласти, доселе неприступной для ученых, совершенное российскими академиками, будет сохранено в истории наук, и имя вождя, умеющего ценить науки и подавшего повод и пособия к сей ученой экспедиции, сохранится в памяти всех любящих просвещение. Позвольте, милостивый государь, поручить и впредь благосклонному покровительству Вашему двух естествоиспытателей, которые намерены и будущее лето еще провести в Кавказских горах для продолжения своих исследований. Препровождая у сего диплом на звание почетного члена, которь Вы не откажетесь принять в знак глубокого к Вам уважения отечес венного ученого сословия, честь имею и проч.»

№ 804.

С.-Петербург,

22 октября 1829 года.

Текст записи, сделанной на чугунных плитах по указанию Г. А. Емануеля¹

В царствование Всероссийского императора Николая I стоял здесь лагерем с 8 по 11 июня 1829 года командующий Кавказской линии генерал от кавалерии ГЕОРГИЙ ЕМАНУЕЛЬ. При нем находились: сын его, Георгий, 14 лет, посланные Российским правительством академики: Купфер, Ленд, Менетрие и Мейер, также чиновник Горного корпуса Вансович, Минеральных Вод архитектор Иосиф Бернардацци и венгерский путешественник Ив. Бессе. Академики и Бернардацци, оставив лагерь, расположенный в 8000 футах (т. е. 1143 саженьях) выше морской поверхности, всходили 10 числа на Эльбрус до 15 700 футов (2243 саженьей). Вершины же оного 16 330 футов (2333 саженьей) достиг только кабардинец Хилар. Пусть сей скромный камень передаст потомству имена тех, кои первые проложили путь к достижению поныне почитавшегося неприступным Эльбруса! Отлита в Луганском заводе в 1829 году.

¹ Запись, сделанная директором музея «Домик Лермонтова», из бывшего архива Управления Кавказских Минеральных Вод, утраченного во время оккупации Пятигорска с августа 1942 по январь 1943 года. Запись скопирована с чугунной плиты, хранящейся в Пятигорском музее краеведения.

Источники рассказывают¹

Обратимся к ряду источников, которые могут разрешить загадку истории появления мемориальных плит в память о первом восхождении на Эльбрус.

По распоряжению командующего войсками Кавказской линии Черномории генерала Г. А. Емануеля сразу после экспедиции на Эльбрус в 1829 году на Луганском заводе были отлиты две мемориальные чугунные плиты с текстом на русском и арабском языках. Теперь труд, но судить, собирался ли Емануель сразу же установить их на месте, где стоял его лагерь с 8-го по 11 июля 1829 года (в пользу этого свидетельствует сам текст надписи) или намеревался сделать позже, при более удобных обстоятельствах. Но Емануель был тяжело ранен в одном из сражений и вынужден в 1831 году уйти в отставку. С тех пор плиты на целых 80 лет застряли в Пятигорске.

По разным литературным источникам мы можем проследить их блуждающий по городу путь. Авторы встречали их в разные годы в коридоре Николаевских (ныне Лермонтовских) ванн, в Елизаветинской (ныне Академической) галерее. С 1860 года, как утверждают известные курортологи Ф. А. Баталин и С. А. Смирнов, обе плиты помещались рядом с гротом Дианы. В 1909 году они «взяты» в Тифлис начальником военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа генералом В. А. Потто и хранятся в Военно-историческом кавказском музее (Храм Славы). Взамен их отлиты копии в литейной мастерской «Подкумок» в Пятигорске (Верховец Я. Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавминвод. Пятигорск, 1911).

Что касается копии, то они хотя и совершили, как и подлинники, сложный путь по городу, побывав с 1909 года у грота Дианы, у Михайловской галереи, где в 20-х годах был открыт Курортный музей, все же в конце концов «прописались» в новом помещении Краеведческого музея на улице Бернардацци. Там их и можно увидеть. Как складывалась судьба подлинных чугунных плит после ликвидации Военно-исторического кавказского музея в Тбилиси, установить теперь невозможно. Известно только, что работники Кабардино-Балкарии, обнаружив одну из подлинных плит на русском языке в запасниках Государственного музея Грузии, нашли ей достойное применение. Эта плита стоит на улице Пушкина в городе Нальчике у входа в здание Кабардино-Балкарского НИИ. Что касается плиты с текстом на арабском языке, то судьба ее неизвестна.

¹ Кавказская здравница. 1981. 22 авг.

В поисках памятных плит¹

...Московская группа альпинистов, открывшая отметку академической экспедиции 1829 года на Эльбрусе: Константин Толстов, Александр Констанцев, Иван Евсеев, Сергей Репин.

...Утро дарит еще одно подтверждение: вытаявшая в это жаркое лето плита гранита, на камне контуры Георгиевского креста, дата «1829».

Давненько в старом путеводителе по Кавказскому военно-историческому музею я прочитал: «№ 183, 184. Чугунная доска с надписью о восхождении ученой экспедиции на гору Эльбрус. Каменная доска с надписью о восхождении ученой экспедиции на гору Эльбрус. Каменная доска с той же надписью на арабском языке». «№ 181. Генерал от кавалерии Георгий Арсеньевич Емануель».

Отлитые в 1829 году на Луганском заводе, они должны были храниться в Пятигорске; с 1910 года - в упомянутом музее Тбилиси, ныне рассассированном. Так где же вы, хранители памяти о «первом восходе на Эльбрус»?.. Выручил милейший, обязательнейший преподаватель Пятигорского пединститута... Яков Иванович Фролов: «Пошукали бы, голубчик, в районе заброшенной Академической галереи. Помнится, встречал их именно там. Не сдали бы только за бесхозностью Вторчермету. Такое бывает».

Шагаю по заросшим, обвалившимся ступеням, продираюсь сквозь колючий кустарник. Из ухоженного, парадного города-курорта в этакую давно заброшенную кладовку; на всем печать плюшкинского запустения. Хожу, ничего не обнаруживаю, но чую, должно же что-то наклонуться.

Кажется, пройдены все горизонты. Дальше широкая лестница к обнесенному кованой оградой бельведеру, под ним каптаж давно иссякшего источника. И - они! Те самые, ниспосланные мне богом искателей. Темнеют глядящие сквозь заросли чугунные доски в рост человека. Раздвигаю ветки. То, что искал. Выпуклые буквы русского и арабского алфавита под густым слоем паутины, поначалу и слов-то не разобрать, разве что отдельные буквы, но вот уже постепенно выстраиваются они в полный, бесспорный текст.

¹ Симонов Е.Д. Слово об Эльбрусе. М.: Физкультура и спорт, 1983. – с. 55, 69

Свидетели Эльбрусской экспедиции

Во время военно-научной экспедиции генерала Г. А. Емануеля «для обозрения ближайших окрестностей Эльбруса» летом 1829 года было произведено первое официально зарегистрированное восхождение на вершину Эльбруса. Его совершил 10 июля проводник экспедиции - кабардинец Хилар Хаширов. В честь этого события Емануель в конце июля 1829 года распорядился отлить две чугунные плиты в рост человека (165 X 90 см), которые надлежало установить на месте базового Эльбрусского лагеря (урочище Ирахик-Сырт), где на скале уже была сделана первая надпись. Кстати, указанная на плите высота Эльбруса в 16 330 футов (4976 м) была определена на основе барометрических измерений в 1829 году неверно; высшая точка Эльбруса, по исследованиям в начале XX века, составляла 18 470 футов (5628 м).

Заказывались плиты на Луганском литейном заводе, ближайшем литейном производстве к Горячим Водам. Этот завод имел прочные связи с Северным Кавказом, ибо отливал новые пушки для Кавказской линии. Кроме того, в Эльбрусской экспедиции участвовал заведующий Луганским литейным заводом, обер-гиттенфервалтер 8-го класса Глеб Григорьевич Вансович, который занимался поисками железных руд. Он и принял заказ генерала Емануеля на изготовление чугунных памятных плит.

Предполагалось эти плиты установить на месте базового лагеря, но трудности, связанные с доставкой плит, снаряжением нового военного отряда, и удаленность этого места от поселений подсказали идею установить эти плиты на Горячих Водах, соорудив нечто, связанное с Эльбрусом. Так родилась идея проекта искусственного грота с немецким торжественно-величавым именем «Эльборус» (Elbogus). Искусственный триумфальный грот в форме горы Эльбрус по проекту зодчего Джузеппе Бернардацци был сложен из рваного машукского камня к лету 1831 года. Внутри его, по обеим сторонам от входа, поместили две чугунные памятные плиты, доставленные с Луганского завода в 1830 году. Над гротом собирались сделать из белого камня двуглавую вершину Эльбруса и высечь на ней имена главных участников экспедиции. Однако это сделать не удалось, и генерал Емануель приказал именовать незавершенное сооружение гротом Дианы. Согласно древним мифам, богиня Диана предпочитала в жаркие дни после купания отдыхать в тенистых гротах. Столь романтическое название подсказало близкое соседство с дамской половиной Николаевских (ныне - Лермонтовских) ванн. Перед гротом разбили большую полукруглую площадку со скамейками, акациями и кустами роз. По указанию Емануеля в 1830 году были также сделаны две большие каменные (мраморные) плиты, на которых был вырезан вышеуказанный текст на русском и арабском языках, окрашенный бронзовой краской. Вероятно, что текст на каменных плитах вырезал Джованни Бернардацци, как и текст арабского автографа персидского принца Хосрова-Мирзы на его машукском монументе (1829). Видимо, генерал Емануель все же планировал установить в скором времени один комплект плит на месте базового лагеря. Однако тяжело раненный в сражении у крепости Внезапная Емануель осенью 1831 года был вынужден навсегда оставить Кавказ. Каменные плиты по указанию нового командующего на Кавказской линии генерала А. А. Вельяминова были выставлены в залах ожидания новых Николаевских ванн.

Воспитанник Виленского дворянского института Э. Прозор, посетивший КМВ около 1837 года, написал: «В одном из коридоров Николаевских ванн находится мраморная плита, на которой бронзовыми буквами означены имена лиц, участвовавших в экспедиции на Эльбрус». А посетитель Вод Аркадий Андреевский, описывая грот Дианы в июле 1841 года, указывал, что находящаяся там «скромная доска, отлитая на Луганском заводе, передает память о восхождении на Эльбрус, почитавшийся неприступным».

Известный антрополог-археолог Николай Керцелли в июле 1877 года писал: «При входе в грот Дианы по обеим сторонам стоят чугунные доски с надписями об экспедиции на Эльбрус». А на старинной фотографии, сделанной И. Ланге в конце XIX века, видно, что у наружных стен грота Дианы стоят две доски: слева - чугунная, с русским текстом, а справа - каменная, с арабским текстом. Вероятно, они оказались там после ремонта и перестройки ванн и грота.

В июне 1905 года на КМВ лечился начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, генерал-майор Василий Александрович Потто (1836-1911), который одновременно по поручению заместителя Кавказа собирал сведения обо всех исторических памятниках на КМВ. В их число Потто внес и памятные плиты при гроте Дианы. Эта регистрация памятников производилась с целью их дальнейшего поддержания, на что из казны собирались отпустить необходимые средства. А в июле 1909 года генерал-майор В. А. Потто, будучи снова на КМВ, обратился с настоятельной просьбой к директору КМВ С. В. Тиличеву отправить на «вечное хранение» в Военно-исторический музей («Храм славы») Тифлиса две исторические доски (чугунную и каменную) с начертанным на них описанием похода Емануеля, которые находились при гроте Дианы. По решению Управления КМВ в местной литейной мастерской с чугунной доски с русским текстом была оперативно сделана бронзовая копия, которая и была оставлена в Пятигорске. Около 20 августа 1909 года две оговоренные старинные доски были отправлены в Тифлисский военно-исторический музей. В 5-м издании «Путеводителя по Кавказскому военно-историческому музею» (Тифлис, 1915) указывались два экспоната периода генерала Емануеля: чугунная доска с русской надписью о восхождении ученой экспедиции на гору Эльбрус и каменная доска с той же надписью на арабском языке. Как известно, с установлением советской власти на Кавказе Военно-исторический музей в Тифлисе был уничтожен, и многие его экспонаты пропали бесследно.

Мемориальные доски, повествующие о славном походе видного царского генерала Емануеля, были убраны в музейные подвалы и укромные места, подальше от пристального взгляда сталинских идеологов. Лишь в конце 1950-х годов, при комплексном исследовании эпиграфических памятников Кавказа на арабском языке, стало известно, что в павильоне Музея Грузии, в селении Армазисхеви, хранится большая каменная плита (165 X 90 см) с арабской надписью об Эль-брусской экспедиции. А другая подобная арабская надпись была обнаружена на чугунной плите, находящейся в фондах Краеведческого музея Пятигорска. В 1962 году были сняты эстампы с каменной плиты в Армазисхеви исследовательницей Н. Г. Волковой и с чугунной доски в Пятигорске ученым-арабистом Л. И. Лавровым. Оказалось, что обе арабские надписи обеих плит, повествующие об Эльбрусской экспедиции Емануеля в 1829 году, абсолютно совпадают. А в 1960-х годах журналист Е. Д. Симонов обнаружил бронзовую «эльбрусскую» плиту с русским текстом у старого каптажа источника за Академической галереей. Ныне Пятигорский краеведческий музей располагает двумя памятными досками об Эльбрусской экспедиции Емануеля - бронзовой (с русским текстом) и чугунной (с арабским текстом). А историческая чугунная плита с русской надписью, перевезенная из Пятигорска в Тифлисский музей, ныне находится в Нальчике и установлена у здания НИИ Кабардино-Балкарии. Каменная же «эльбрусская» плита с русским текстом, находившаяся в Пятигорске, ныне считается утраченной.

С. Боглачев

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРОВ

В последнее время в прессе ряда северокавказских республик поднимается вопрос о национальной принадлежности Киллара Хаширова. Чтобы не быть голословными, обратимся к документам. После возвращения из экспедиции генерал Емануель писал командующему на Кавказе генералу И. Ф. Паскевичу: «...9 июля все академики и другие, изъявившие желание охотники взойти на Эльбрус, отправились к самому снежному хребту сей горы. 10-го числа, в 3-м часу пополудни, пользуясь благоприятной погодой, выступили все к исполнению предложенной цели, но после величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад: один только Киллар успел достигнуть около 11 часов самой вершины сей горы, на которой водрузив палку, с ним имевшуюся, и обложив ее камнем, спустился обратно...

О том, что Киллар кабардинец, говорится в отчете академика А. Я. Купфера — руководителя научной части экспедиции генерала от кавалерии Г. А. Емануеля. Это же подтверждает и венгерский ученый, участник экспедиции, Янош Карой Беш в своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», вышедшей в Париже в 1838 году на французском языке. Из текста становится понятным и место проживания Киллара: «Невозможно не восхититься, - пишет Я. К. Беш, - этим простым человеком, жителем вольной деревушки возле Нальчика в Большой Кабарде, имя которого Киллар».

Действительно, Киллар - выходец из Вольного аула, близ крепости Нальчик, населенного переселенцами низшего сословия, желавшими обустроиться рядом с крепостью, в более безопасном от грабежей месте. Из книги Я. Беша известно, что Киллар просил генерала Емануеля помочь ему устроиться в русскую армию. Следы первовосходителя на Эльбрус теряются в Кавказском горском дивизионе, расквартированном в Варшаве.

3 сентября 1985 года в газете «Кабардино-Балкарская правда» в статье «Еще раз о Килларе и Ахии» кандидат исторических наук Х. Думанов писал, что в 1823 году в Вольном ауле проживало 30 семейств. Население Вольного аула быстро росло, а земля, выделенная первоначально на это количество семейств, уже не могла обеспечить всех. 22 июня 1863 года жители Вольного аула писали командующему войсками Терской области генерал-лейтенанту и кавалеру Лорис-Меликову: «Назад тому лет более 40... дана нам свобода, и мы переселились в Вольный аул. При переселении этом было нас более 30 дворов где мы пользовались землею, которой было для нас вволю, после этого населилось еще из разных мест, так что в настоящее время находится до 200 дворов, через что стеснены землею, а имеющийся у нас скот никаких средств не имеем содержать. А теперь по совету между нами желаем переселиться из Вольного аула».

После неоднократных просьб начальство разрешило 120 семействам переселиться в другие аулы. В аул Кучмазукино переселилось 8 семейств. Среди переселенцев были родственники Киллара. Всем переселенцам выдали удостоверения. В удостоверении Герандуки Килярова говорилось: «1863 года сентября 5-го дня я, нижеподписавшийся, даю сие удостоверение в том, что кабардинцев Вольного аула Кирандуко и Тепсаруко Хаширова (брат Киллара) принимаю в свой аул, состоящий на реке Баксане...».

Во время проведения земельной реформы в Кабарде и при наделении князей и уорков земельными участками сыновья Киллара написали заявление о выделении участка:

*«Начальнику Кабардинского округа
от жителей аула Кучмазукина
Герандуко и Хашибия Килларовых*

ПРОШЕНИЕ

Покойный наш отец Киллар во время стояния на Кавказе лагерем с 8-го по 11 июля 1829 года войск под командованием начальника Кавказской линии генерала от кавалерии Георгия

Емануеля 10 июля восходил на Эльбрус вместе с посланным русским правительством академиком Купфером, Ленцем и Мейером, чиновником Горного корпуса Вансовичем, архитектором Минеральных Вод Бернардацци и венгерским путешественником Иваном Бесс. Но из них вершины Эльбруса достиг только отец наш, Киллар. Имена как отца нашего Киллара, так и бывших с ним академиков отлиты на чугунной плите как первых, проложивших путь к достижению до этого времени почитавшегося неприступным Эльбруса, которая привезена в Пятигорск. За услугу отца нашего русскому правительству он награжден 100 рублями. Кроме того, по предложению начальства отец наш, Киллар, поступил на службу в Кавказский горский дивизион в Варшаве и прослужил в нем более 9 лет. А потому покорнейше просим ходатайствовать, Ваше Высокоблагородие, о наделении нас землею в частную собственность по усмотрению начальства не по происхождению нашему, а за услуги, оказанные покойным отцом нашим русскому правительству».

Подобное прошение было подано ими и на имя начальника Терской области. Начальство не удовлетворило этой просьбы. К сожалению, о дальнейшей судьбе Киллара ничего неизвестно.

ПЕРВОЕ ЗИМНЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭЛЬБРУС

ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА

В. Б. Корзун родился 1 мая 1913 года в станице Кисловодской. С юных лет его заветной мечтой было восхождение на Эльбрус. Гора завораживала сияющими снегами, сверкающими ледниками на заре и переливами световой гаммы неимоверной красоты. В кисловодской школе, где учился станичный слеток, начались занятия по подготовке проводников и экскурсоводов для экскурсионного бюро общества «Советский турист».

«Слова лектора, - вспоминал горвосходитель, - возвращали мне мечты детства - побывать на Эльбрусе, первым вступить на его зимнюю вершину». С лета 1929 года молодой гид начал работать проводником на Кисловодской турбазе. За три года юный слушатель туристско-экскурсионных семинаров приобрел хороший опыт на горных маршрутах. Корзун водил туристов в теснины Малки и Эшкакона, к Алибекскому леднику в Домбае, на Клухорский перевал, взбирался на плато Скалистого хребта, поднимался на отвесные кручи Бермамыта, Канжала, Шат-Жатмаса. Об этом трехлетнем периоде своей начальной деятельности в туризме Корзун вспоминал весьма восторженно: «Я узнал, - признается он, - радость побед над снежными вершинами Софруджу, Белалы-Каи, Сунахета и многими другими. Бывал в лесах Абхазии, купался в водах Кодора, узнал холодные ветры высот Магуаширхи, лави южных склонов и снега северных. Зимой с ружьем за плечами я прокладывал первые лыжни в дебрях Худесских гор и на просторах Бичасына».

В зиму 1931/32 года Корзун работал инструктором при Кисловодском райсовете Общества пролетарского туризма и экскурсий. В начале тридцатых годов заметно развивался местный лыжный туризм, и 18-летний гид отважился на лыжное восхождение на Эльбрус. Зампредседателя райсовета ОПТЭ Б. Виноградов понимал важность первой попытки освоить зимний Эльбрус и сделал все возможное для лучшего снабжения первопроходцев необходимым питанием и снаряжением. Вячеслав Никитин и Анатолий Еремеев стали спутниками Виктора Корзуна в этом рискованном приключении.

Многие годы спустя Виктор Борисович вспоминал об этой затее не иначе как об авантюрной. Однако достичь вершины Эльбруса зимой, чего прежде не случалось, так и не удалось. Несмотря на то что восхождение не осуществилось, лыжный траверс оказался знаменательным. 25 февраля 1932 года кисловодские путешественники вошли в урочище Ирахик-Сырт.

«Влево в ущелье Малки спускались отвесные скалы и на другой стороне гигантским восьмидесятиметровым ледяным столбом стоял замерзший водопад Кокорсук. Мы взошли на перевал и вступили в урочище Ирахик-Сырт. От подножия Эльбруса нас отделяло несколько сот метров речной террасы, - рассказывает Корзун об этом походе в своей книге «Три года на Эльбрусе», - чтобы посмотреть на его вершину, приходилось запрокидывать голову. Отсюда Эльбрус можно было наблюдать целиком от подножия до вершины. От лавовых скал, валами поднимавшихся к ледникам, нас отделяла теперь широкая ровная долина, пересекаемая сетью рукавов реки Ирахик-Су. Спустились к замерзшей реке.

По дороге я случайно заметил на скале заросшую лишайниками выбитую надпись. Заинтересовавшись ею, мы расчистили это место и с волнением прочитали:

1829 года с 8 по 11 июля Лагерь под командой генерала от кавалерии Емануеля

Эта надпись была вырублена при первой попытке восхождении Эльбрус.

Списав текст, наткнулись на развалины домика геологоразведочной партии, с которого свирепствующие здесь ветры давно сорвали крышу. Перебравшись через замерзшие рукава, мы вступили на массив Эльбруса. Снег здесь был сметен сильными западными ветрами. С радостным трепетом я лазил по лавовым скалам. Ведь я ходил склону Эльбруса!... Отсюда травянистые склоны с выступами скал непрерывно поднимающиеся вверх до моренных осыпей; дальше и покрывают вечные снега... И так - до самой вершины.

Я посмотрел вверх. Нам не страшно. Идти и идти, пока хватит сил заночевать и опять идти. Но я вспомнил наше положение. Нам нужно было отступить. Там, сзади, лежит больной товарищ, которому нужна помощь. Я махнул рукой отошедшему в сторону Славцу, что нужно возвращаться. При спуске я невольно замедлял шаг. Больно было уходить, так близко подойдя к цели. Началось отступление, для того чтобы обязательно вернуться. Когда - неизвестно, но вернуться».

Таково было непреодолимое желание 19-летнего горвосходителя достичь вершины главной горы Кавказа.

В июле 1932 года Корзун заведовал турбазой «Кругозор» на южном склоне Эльбруса на высоте 3200 м над уровнем моря. Здесь он познакомился с директором Кавказского горного бюро погоды Константином Константиновичем Туроверовым. Именитому земляку нужны были люди для организации высокогорной метеорологической станции.

В 1898 году Русское географическое общество намеревалось открыть на Эльбрусе первую в России высокогорную метеорологическую станцию. Однако инициатива общества не получила поддержки со стороны правительства. В 1906 году метеостанцию на Эльбрусе решило строить Кавказское горное общество. Предложенный проект остался лишь в публикации «Ежегодника» общества. Финансовой поддержки от государства так и не последовало. Куда важнее было затеять войну для удовлетворения собственных амбиций и развалить империю. Теперь уже новое поколение, зачарованное горами, стремилось к познанию природы заоблачных вершин.

Мысль о строительстве зимней базы на Эльбрусе пришла В. Корзуну и его ближайшему другу В. Никитину по душе. Это позволяло приблизиться к давней мечте, пройти нужную акклиматизацию и выбрать благоприятные погодные условия для зимнего восхождения.

Итак, предложение было принято. Новоявленные метеонаблюдатели закупили оборудование в Ростове, Москве, Армавире. В Пятигорске им пришлось учиться на наблюдателей-метеорологов, чтобы уметь снимать и обрабатывать данные установленных приборов. 3 декабря 1932 года три грузовика вечером выехали из Пятигорска. После ночевки в селении Заюково отправились дальше, но при въезде в ущелье у автокара лопнула рессора, и груз пришлось перевозить двумя машинами.

Описание въезда в Баксанское ущелье сделано В. Корзуном блестяще: «Высоко вздымаются, сверкая на солнце ледяными панцирями, вершины Главного Кавказского хребта. Морозами скованы занесенные глубокими снегами ущелья. Там, где летом гремели потоки горных рек, рассыпаясь бисером кристальных брызг, стоит мертвая тишина. Ледяные водопады зелено-голубого льда висят, застывшие на обледенелых скалах. Чист и прозрачен морозный горный воздух. В оцепенении застыли старые курчавые сосны, покрывшись шапками пушистого снега. Фиолетовые тени ложатся на синь волнистых сугробов. Только изредка на соседних склонах слышится отдаленный грохот снежных лавин, плавно и неудержимо летящих вниз, захватывая камни, ломая деревья и сокрушая все на своем пути.

Разлетается снежная пыль, и снова спит лес, спят горы, оживляясь только ревом ветров в дни непогоды. Когда гаснут солнечные лучи на вершинах гор, небо затягивается пеленой снежных облаков и разрывы серых туч обнимают темнеющие снега. В тот день ярко сверкало солнце, освещая только одну сторону ущелья; другая оставалась в тени. Внизу снега было немного, он слегка припудрил сухую траву на склонах гор и каменистое дно ущелья, но выше его становилось все больше и больше.

Я лежал в кузове автомобиля и с тревогой смотрел в глубь ущелья. Оно медленно разворачивалось бесчисленными изгибами, склоны становились круче и скалистее, сжимая горло реки. Тонкий ледок, нарастая с обоих берегов, в некоторых местах уже перекрыл реку. Густые холодные струи воды лениво обтекали обмерзшие камни. В стороне показалось несколько балкарских аулов. Мирно дымились сакли. 1 ус-юй сизый дым лениво поднимался тонкими струями к небу, бесследно растворяясь в морозном воздухе.

Из-за очередного излома ущелья вынырнула даль. В синей дымке за срезами скал появились очертания знакомых вершин в окрестностях Эльбруса. Одного взгляда было

достаточно, чтобы определить количество павшего снега: все скалы были закрыты. Стало ясно, - на подъеме к зимовке нас ждали глубокие, неслежавшиеся снега.

По мере приближения к Главному хребту опускалась линия выпавшего снега. Холодало. Колеса автомобилей оставляли все более глубокий след. Клонило к вечеру. Зубчатая тень, незаметно двигаясь по склонам подбиралась к вершинам, которые зажглись яркими красками заката. Раскрылось ущелье Адыл-Су, и совсем близко встали, врезавшись в синеву неба, острые, скалистые пики Бжедуха и Башкары. Вершины заснеженных сосен обрамляли снизу эти грандиозные, но странно легкие снежные громады.

Медленно разносилась в воздухе пыль от больших хлопьев снега сброшенных с тяжелых темных ветвей неосторожным крылом ищущей ночлега птицы. Дрожь в морозном воздухе, в небе зажглись яркие крупные звезды. Мы с трудом пробирались по лесным дорогам. Пробивая глубокий снег, завывали от напряжения моторы. В радиаторах кипела вода. И когда в просветы корявых стволов редящего леса волчьими глазами замелькали огоньки маленького кошевого селения Терскол, мы остановили машины и дали им остыть.

Из бокового ущелья, над крутыми изломами ледопада Терскольского ледника, спадающего вниз могучими сбросами, выделялся своими легкими очертаниями на вечернем небе Эльбрус. С этой громадой нам предстояла борьба. Этому великана мы должны были победить в самое суровое время года. Победить во что бы то ни стало. Через полчаса автомобили въехали в селение. Навстречу шли балкарцы. Некоторые, узнав меня, радостно здоровались и спрашивали о причинах приезда. Я вкратце сообщил, что мы хотим идти на «Кругозор» и зимовать там. В ответ слышалось протяжное:

- О-о-о! Честное слово, это очень трудно... О-о-о!...

Они нам говорили, что там даже волки зимой не ходят и ветер таком сильный, что сбивает человека с ног. Говорили, что зимой туда никто не поднимался, и приводили еще десятки всевозможных доводов. Но, уговаривая не подниматься, они все же помогали разгружать автомобили. После разгрузки мы сидели в доме Леона Маргияни, обалкарившегося свана, и, греясь у пылавшего костра, договаривались о подъеме грузов на зимовку. Под ногами взрослых, не боясь мороза сновали полуголые, закаленные ребятишки, стреляя любопытными глазенками.

Пожинав, мы уснули. Ночью машины ушли за оставшимся грузом. На следующий день в 10 часов вечера в морозной тишине мы услышали выхлопы и побежали встречать... 7 декабря утром пошли на «Кругозор» проверить состояние снега и возможность подъема. Я и Славец двигались на лыжах, а Туроверов и врач - пешком.

По долине раскинулся густой сосновый лес. Сквозь густые ветви проглядывали запорошенные зимним снегом неприступные стены Донгуз-Оруна с ледяной шапкой на вершине. Изредка срывались небольшие лавины, клубясь, без звука неслись вниз и, не долетев до ледника, растворялись в воздухе тающим белым облачком. Чуть слышно под лыжами шуршал снег. Огибая сосны и засыпанные ветвистые стволы, мы двигались по зимнему лесу, оставляя позади синюющую лыжню. Через час вышли на поляну Азау. Лес кончился. Вверх, на километр по вертикали, поднимались крутые засыпанные снегом склоны. На самой вершине стоял чуть заметный горный приют «Кругозор» — место нашей зимовки.

Пятитонный груз начали перевозить 11 декабря. Местные балкарцы навьючили своих ишаков и помогли справиться со столь нелегкой работой.

«Вереницы нагруженных ишаков целый день тянулись с поляны Азау на «Кругозор» по крутой снежной тропе, - рассказывает В. Корзун о первой зимовке на Эльбрусе. - Местами они по уши уходили в траншеи, а местами карабкались по обвешанным, обмерзшим склонам. Только «горный мотоциклет», как мы в шутку называли ишаков, мог проделать такую работу».

К вечеру из-за Главного хребта, с юго-запада, потянулись перистые облака. Туроверов предупредил, что надвигается циклон, а это чревато буранами, сквозь которые к «Кругозору» не пробьешься. Транспортировка грузов продолжалась ночью. К трем часам ночи поднялись последние десять вьюков. Опоздание на один день было чревато переносом зимовки на следующий год.

Их осталось трое в безмолвных снегах Эльбруса: В. Корзун - начальник станции, В. Никитин - помощник и наблюдатель, С. Лысенко - радист. В эту зиму Эльбрус стал впервые обитаем.

Ветхий домик, пронизанный щелями, едва ли внушал доверие зимовщикам, однако выбирать было не из чего. Снежные бураны засыпали комнаты снегом, температура внутри опускалась порой до -14°C . Тем не менее приборы для метеонаблюдений постепенно устанавливались.хлопоты с налаживанием подачи электричества от ветровика принесли желаемые результаты, хотя отсутствие саморегулирующего механизма не допускало равномерной работы ветродвигателя. В буран перенакал грозил сжечь лампочки и обмотки, в затишье пропеллер не крутился. Радиосвязь никак не удавалось наладить.

Впервые люди встречали Новый год на склоне Эльбруса! 1 января 1933 года погода выдалась ясная, и давние приятели решили при первой же возможности осуществить свой замысел - первовосхождение в зимних условиях. 3 января утром пошли на вершину, оставив Сергея Лысенко на станции. «На леднике лежал глубокий снег с непрочной коркой наста, - рассказывает В. Корзун о второй попытке восхождения на Эльбрус зимой - Мы шли медленно, глубоко проваливаясь в снег. Достигли области трещин и надели лыжи, но без специальной мази они по насту разъезжались и скользили назад. Это нас не пугало, и хотя выбились из сил, но зону трещин прошли благополучно. Мы уже миновали ледник и приблизились к удобной дороге на морене. Увлечшись прокладыванием лыжни, мы не смотрели на небо, а когда взглянули на него, у нас пропала всякая охота двигаться дальше. Из-за хребта Хотю-Тау, с запада, выползли длинные перистые облака с загнутыми краями».

Надвигался циклон, барометр падал, дальнейшее продвижение сулило плохие последствия. Альпинистам-зимовщикам ничего не оставалось как вспомнить предыдущую неудачную попытку восхождения и посетовать на нынешнюю. В январе зимовка попала в полосу буранов. Затем февральский фен принес тепло и вызвал лавины. «Весь день от лавин, летающих по всем склонам, дрожала земля, - рассказывает В. Корзун. - Грохот обвалов доносился с отвесных стен далекого Донгуз-Оруна. Горы ожили и тяжело вздыхали, освобождаясь от тяжести пластов зимнего снега».

Наступила весна, и мартовские пейзажи изменили склоны Эльбруса.

«Весь мир очистился и обновился, - записал В. Корзун в своем дневнике от 8-го числа. - Везде незапятнанная чистота. Вверху - си нева, а внизу - белизна свежего снега. Ходишь по сугробам и не чувствуешь сопротивления снега, будто под ногами густая серебристая паутина. Наблюдаем падение больших пылевых лавин. Кажется, что видишь немой фильм. Лавины летят без звука. Шорох заглушает расстояние. До подножия горы обычно ничего не долетает, весь снег разлетается. Сегодня загорали даже без всякой одежды и в таком же виде на лыжах катались. Я вывел заключение, что если бы люди катались на лыжах без одежды, то даже начинающие лыжники никогда бы не падали. 9 марта. Сегодня катались на пластовых лавинах. Снег такой мокрый и тяжелый, что на гладком склоне ехать на нем одно удовольствие. Движение медленное, и перед концом легко выскочить в сторону. Этот спорт, по-моему, никогда и нигде не развивался».

Первая метеостанция на Кругозоре стала удобным приютом для московских альпинистов, прибывших сюда 22 марта для восхождения на Эльбрус. В. Корзун оказался очевидцем и участником этого скорбного события. Обратимся к записям Виктора Борисовича. «На край площадки у ветродвигателя вышел коренастый молодой альпинист. За его спиной виднелся весьма объемистый зеленый рюкзак, в который без особых затруднений можно было бы поместить самого хозяина. Я приблизился к нему. На меня взглянули прямые голубоватые глаза. Не произнеся ни слова, мы крепко пожали друг другу руки. Я мог с уверенностью сказать, что это Алеша Гермогенов, председатель Московской горной секции, начальник пришедшей на Эльбрус горнолыжной экспедиции. Вместе с ним поднимались на Эльбрус известные альпинисты Абалаков и Гущин.

- Отель «Эльбрус»! - воскликнули они, прочитав вывеску над дверью, в шутку разрисованную Славцом.

- Не хотел бы я долго в этом отеле жить...

- Не долго, а жить придется, - сказал я, выходя из «Приюта».

Один за другим подходили лыжники в зеленых альпийских костюмах. Все здоровые, жизнерадостные, загоревшие. Среди них оказалась одна женщина - московская альпинистка Волгина. По очереди входили в дом и издавали возгласы удивления:

- Как здесь уютно!

- Да это и впрямь высокогорный отель!

В углу на рюкзаке сидел Андрей Малеинов и, завладев балалайкой, тренькал единственную знакомую ему вещь «Ах вы, сени, мои сени» и, заразительно смеясь, подпевал. На него шикали, кричали, а он, не в такт ударяя по струнам, опять наводил:

- Ах вы, сени, мои сени...

Неожиданный приход группы лыжников нас взбудоражил и опрокинул мирное течение жизни. Зимовка наполнилась смехом, шумом, говором девяти человек, и восемнадцать окованных шипами ботино загрохотали по гулкому, промерзшему полу. Явившись с гор Сванетии, они принесли с собой новости. Долг расспрашивали мы их, а они нас. Завтра они пойдут на вершину. Гермогенову я советовал:

- Устройте на «Кругозоре» дневку, отдохнете, акклиматизируетесь а на следующий день пойдем.

- Нет, - говорил он, - мы уже запоздали, нужно скорее в Москву Выступим завтра.

23 марта. Пропустить этот случай я, конечно, не мог и присоединился к экспедиции. В 7 часов утра при хорошей погоде на вершину выступило десять человек. Барометр стоял высоко. Давно уже синеву неба не закрывали тучи. На леднике надели лыжи, предварительно смазав их резиновой мазью от обратного скольжения при подъеме. По твердому насту до «Приюта одиннадцати» дошли незаметно. По дороге я производил метеорологические наблюдения. У всех была тренировка, и поэтому высота почти не сказалась.

На «Приюте одиннадцати» расположились с удобствами. Повара занялись приготовлением обеда. Фотографы защелкали затворами фотоаппаратов.

- Удержится ли погода? - с тревогой спрашивали меня участники. вглядываясь в бирюзовое небо.

- Как видите - приличная, но эти слои перистых облаков мне определенно не нравятся, - отвечал я, показывая на покрасневший в закате горизонт.

Солнце село за облака. Значит, они надвигались. Но над ними синее, чистое небо, и склоны Эльбруса выглядели легкими и доступными. Нас беспокоили темные пятна льда по пути восхождения. Меня удивляло, почему Гермогенов так много на них смотрит.

- В кошках мы эти места без труда пройдем, - замечаю я как-то.

- А разве у тебя есть кошки? - удивился он.

- А разве у группы нет? - в свою очередь спрашиваю я удивленно.

- Нет, мы ведь шли на Эльбрус в весенние месяцы и думали подняться на лыжах, а не на кошках. Кошки внизу.

- Как внизу?

- Да так, в Тегенекли.

Идти в горы и из-за тяжести не захватить кошек! В снежных горах без кошек, как без ног... Опросили, кто взял кошки. На десять человек оказалось три пары: у меня, у Гермогенова и еще у одного участника. Вспомнили, что на всю группу всего один ледоруб. Совсем плохо. Веревоч хватало на всех, и восхождение решили продолжать. Я думал, что группа посидит хоть денек на «Приюте одиннадцати», но спешка гнала их без остановок даже там, где необходима была остановка.

24 марта. Выступили в три часа ночи тремя связками. В первой веревке передний Гермогенов шел в кошках, затем следовали Волгина и Донской, во второй веревке шел я с кошками и двумя альпинистами, и в третьей - Е. Абалаков в кошках и остальные трое.

Абалаков, плотно одетый, обросший, был похож на медвежонка, без усталости ползущего в гору. На него, по-моему, не влияли ни усталость, ни высота, ни холод. Наткнувшись на лед,

Гермогенов стал рубить ступеньки. Подпрыгивая и звеня, на нас непрерывным каскадом летели осколки. Ступени он рубил через несколько шагов. Головной каждой веревки, поднявшись выше, укреплялся и подтягивал остальных. Часто падали, но всегда задерживались лыжными палками.

Время от времени под ногами слышался сухой треск разрывающегося льда, хруст снега под кошками и удары ледоруба. Рассветало. Из-за гряды облаков выплыло расплоснутое холодное солнце. Под ледяным дождем осколков к 9 часам утра дошли до скал «Приют Пастухова». 4681 метр. Лавров и Донской почувствовали себя плохо. Сказали, что дальше они идти не могут и возвращаются на «Приют одиннадцати». Гермогенов жалуется на головную боль.

Влияние высоты я не чувствовал, но очень сильно промерз. Из «Приюта» вышел в ботинках, и ноги моментально подмерзли, а на дороге переобулся в валенки, но пальцы ног уже больше не оттаяли. На «Приюте Пастухова» я замерз еще сильнее. Выше склон был пологий и снежный. На пути лежали два штабеля досок, завезенных прошлым летом для стройки на седловине Эльбруса нового приюта. Я окончательно продрог и, не ожидая других, пошел к седловине, чтобы в ходьбе разогреться.

Я уже поднялся метров на сто к первому штабелю, а группа еще только тронулась от скал Пастухова. Я чувствовал себя необыкновенно легко и хорошо. Поднимался совершенно свободно, как на «Кругозоре». И тут я подумал: «Не подняться ли в лоб на Восточную вершину? Врмя раннее, пока они дойдут до седловины, я уже спущусь туда с вершины».

Но потом я от этого плана отказался. Во-первых, не хотел тащить на вершину рюкзак со всеми вещами, а во-вторых, все равно на следую щий день после ночевки на седловине мы решили подняться на обе вершины Эльбруса. Я лег на доски и уснул. Разбудили пришедшие участники. Веревка Гермогенова почему-то двигалась очень медленно и далеко вниз. Группа часто садилась на снег и отдыхала.

Сильно промерзнув, я опять быстро пошел наверх. Опять мелькнула мысль пойти на Восточную вершину. Но солнце склонилось к закату, с запада подул резкий пронизывающий ветер. На уровне вершин плыли беспокойные кучевые облака. Они предвещали грозу, но небо по-прежнему было безмятежно синим. Желая согреться ходьбой, я прямо добежал к скалам седловины. Высота 5200 метров. Ветер усилился, по холодеющим склонам бежали волны поземки. Пока я завязывал соскочившую с левой ноги кошку, пальцы рук потеряли чувствительность.

Замерз окончательно. Тогда я сбросил рюкзак, вынул спальный мешок, залез туда, согрелся и опять уснул. Разбудили голоса проходившей мимо группы. Темнело. Я им крикнул:

- Идите на седловину и расставляйте палатки. Нагоню. Тихо идти не могу, мерзну.

Зашло солнце, снега Эльбруса оделись синим саваном ночных теней. Я вынул термометр, произвел отчет и даже испугался: -34 °С, а еще только вечер! Да, для этой температуры я одет более чем легко. Немного согревшись, я незаметно для себя уснул. Очнулся уже в темноте. Вначале испугался своего положения: «Где я?». Потом вспомнил и вылез из спального мешка. Словно ледяная вода меня обнял холод. Он сразу пронзил все тело. Упаковал спальный мешок, привязал кошки. Зубы выбивали частую дробь, руки потеряли чувствительность. От холода забыл, что нахожусь выше пяти тысяч метров, и бегом бросился к силуэту Западной вершины.

Послышались далекие крики, доносившиеся из ледяной темноты. Думая, что это зовут меня, я ответил долгим пронзительным криком и заспешил к седловине.

Сорвалась кошка. Проклиная и кошки и валенки, на которых они не держатся, я руками, потерявшими чувствительность, пытался ее привязать, но все усилия были напрасны. Скрипя зубами, схватил ее и, скользя, побежал дальше на одной кошке. Несколько раз упал. Крики ближе.

- О-о-о-э-э-э-й! - несется с черно-синих склонов.

- Го-го! - слышу я совсем рядом и различаю сбившихся в кучку людей.

- Я здесь!

- Сколько вас? - слышу из темной груды.

- Как сколько? Я один.

- А где же веревка Гермогенова?

- Я их не видел.

Повисло тревожное молчание.

- Нужно пойти навстречу, - говорит Е. Абалаков, и двое, отделившись от темного пятна, идут вниз.

Их голоса теряются в глубине. Поднимается ветер. Он пронизывает до костей. С двумя участниками, которых я не узнаю, прямо на снегу расстилаем палатку Здарского и, вынув спальные мешки, тесно забиваемся внутрь. Дрожа, мы забылись в тяжелом сне и не слышали, как пришел Гермогенов. Проснулся я от холода. Не слышно ни одного человеческого голоса. Тяжело бухает уставшее сердце. Приоткрываю палатку: лицо обдаёт ветер и легкий снег.

- Буря! - хочется мне крикнуть, чтобы все услышали, но губы вяло шепчут это слово. Меня охватывает апатия, и я опять забываюсь.

Сколько спал - не знаю. Будит собственная дрожь. Я хочу шевельнуть ногами и выпрямиться, но, к моему ужасу, их совсем не чувствую. «Отморозил», - лениво думаю о случившемся. Палатку треплют жестокие порывы ветра. Шуршит переметаемый по газгольдеру снег.словно отдаленный прибой, глухо ревет буря. Я нащупываю электрический фонарик и часы. Зажигаю. Свет режет глаза. Без четверти час...

Нужно снять наблюдения, но онемевшие пальцы не могут вынуть из чехла термометр. Громадным усилием воли я произвожу эту операцию и высовываю термометр из палатки.

Долго держу. Затем быстро зажигаю фонарик. Ищу ртуть и убеждаюсь, что на шкале столбика нет. Ртуть ушла в резервуар и замерзла. Температура воздуха ниже 40°. Я ошеломлен. Натягиваю мешок на плечи, но по-прежнему весь в нем не помещаюсь. Опять забываюсь....Все мучительно ожидали рассвета. Он пришел вместе с завываниями и порывами ветра. Меня будят товарищи по палатке.

Застонав, я пришел в себя и хочу шевельнуть ногами, но это н моих силах. По колено они бесчувственны...

- Я отморозил ноги, нужно растереть, - говорю впавшим в забыть товарищам и сидя разубаюсь. До изнеможения оттираю ноги снегом, но подмораживаю руки и увидев безрезультатность этой меры, обуваюсь.

Откуда-то из рева и серого полумрака долетают крики. Нужно подниматься и идти вниз. Мы, еле двигаясь, собираемся. Палатка трепещет под ударами ветра. Снег залетает внутрь и засыпает одежду. Мокро, холодно. Долго не решаемся покинуть спальную нашу палатку. Кто-то, набравшись храбрости, выходит наружу и кричит:

- Светло, поднимайтесь!

Проходит несколько минут, и я выбрасываюсь на снег. Хочу подняться из белой мягкой мути, но обмороженные ноги не держат. Не чувствуя летящего в лицо снега, разгибаю колени и, с трудом напряжив одеревеневшие мышцы, поднимаюсь во весь рост. Делаю несколько шагов. В стороне чернеют две палатки и фигуры людей. Сливаясь в полосы, густо несется снег. Вдруг слышу резкий вскрик:

- Умирает Алеша!.. Сюда! - в голосе слышится отчаяние погибающего человека.

В груди что-то хлестнуло, рванулось. Хочу побежать - ноги не слушаются, и я падаю в снег. Сметаю с лица как пух налипшие снежинки и подбираюсь к группе людей. Вблизи различаю: кто-то перегнул через колено Алешу Гермогенова и держит. Рядом стоят не знающие что делать товарищи.

Безвольное тело свесилось над снегом. Я различаю побелевшие кисти рук и склонившуюся голову. Озверелый ветер, словно насмехаясь, бросает в лицо горсти снега, но... Алеша даже не вздрагивает и н морщится. Лицо не меняет выражения. Он мертв.

Сердце мучительно сжалось, затем забило редкими ударами, от дающимися в висках. В скалах плачет и свистит ветер. Волной набегаёт снежный порыв, а мы, застывшие, стоим у тела погибшего товарища-альпиниста. Осевший на лице Алешы снег не тает.

- Что же делать? - слышу я отчаянный возглас.

- Завязать в спальный мешок... в палатку и вниз, скорее вниз!

Одетые в белые саваны фигуры оживают. Вблизи мелькает лицо Волгиной, на щеках замерзли полосы стекающих слез. Лихорадочно быстро скатываем палатки, связываемся... Тело Алеши закутываем в спальный мешок и, волоча по снегу, начинаем спуск. Идем медленно. Плач и вой бури заменяют оркестр и похоронный марш. Черный сверток, привязанный к альпийским канатам, зарывается в снег и показывается вновь.

С остановками двигаемся к выходу из седловины. Медленное движение меня убивает, я чувствую, как обморожение поднимается выше колен. Через час я перестану ощущать под собой ноги и упаду. Мне нужно согревающее движение, быстрый спуск. На остановке я обращаюсь к товарищам:

- Ребята! Можно, я пойду быстрее? Я отморозил ноги и рискую остаться без них. Я отмораживаю их выше и скоро, наверное, упаду. Мне нужен быстрый спуск. Я приготовлю все внизу и пошлю помощь.

- Это хорошо, но куда же ты пойдешь один? - изумленно спрашивает Гушин. - Посмотри...

Да, в нескольких шагах ничего, кроме снежной пустоты, не видно.

- Я дорогу найду.

- Иди, - говорит Гушин, - но я бы никогда не пошел. Вместе спокойнее.

Я боюсь, что сейчас упаду и больше не встану. Вторые сутки без еды и питья. «Куда же идти? Так легко влететь в трещину». Закрыв глаза, представляю себе карту Эльбруса. Вправо - Западная вершина, влево - Восточная, прямо - сбросы в котловину с трещинами в несколько десятков метров. «Ага! Левее...» Я с трудом тяжело трогаюсь и, автоматически переставляя бесчувственные ноги, утопаю в ревущей белизне. Я иду, как маньяк, как луатик. Ветер шатает, но упасть - значит замерзнуть. В несколько минут заметет без следа. Дальнейшее похоже на мучительный долгий сон, от которого никак не проснешься. Влево мелькнули скалы.

«Держаться на них», - думаю я, а сам иду прямо. Напряжением всех сил изменяю направление. Затем пошел крутой склон, я широко шагаю, от быстрого движения ноги оживают. С силой ставлю их и стараюсь на ходу шевелить пальцами, но это бесполезно. Ступни отморожены.

Я делаю очередной шаг... Короткий рывок - и тело висит в пустоте. Я даже не успел ничего подумать. Притуплённое сознание не может быстро реагировать, даже на угрозу смерти.

Болтаю ногами, висну над темной глубиной трещины, держась ками за края пробитого свода. Мне несколько не страшно. Все воспринимается как обычное и заурядное.

Отдыхаю и, напрягая все силы, выползаю на край. Меня спасла лыжная палка: она легла поперек трещины и не позволила провалиться глубже. Теперь мне кажется, что вокруг сплошной лабиринт скрытых трещин. Я еще забираю влево, затем вниз и неожиданно попадаю на камни «Приюта Пастухова». Меня заливает радость: «Отсюда я уж доберусь до цели!» За три часа до темноты я услышал из тумана крики и, направив туда неверные от усталости шаги, подошел к «Приюту одиннадцати». Меня заметили и подбежали Донской и Лавров:

- Что, все идут?

Я собираюсь с силами и огорошиваю их сообщением:

- Алеша Гермогенов умер...

Они не произносят ни слова, только Донской делает резкое движение руками, будто что-то хочет схватить.

- Остальные спускаются с телом Алеши ниже седловины. Я отморозил ноги и иду за помощью. Приготовьте все возможное, будут еще обмороженные...

Теперь они стали слабее меня и плетутся сзади к «Приюту». Меня напоили, накормили, целых полчаса оттирали ноги, но безуспешно: все пальцы и участки кожи на ступнях обморожены. По-прежнему бушевала непогода, смешивая космы белесого тумана с поднятыми в воздух сугробами снега. Я надеваю лыжи и, попрощавшись, еду вниз. При сильной усталости и отмороженных ногах это очень трудно. Я почти лишен возможности поворачивать и развиваю бешеную скорость, а затем падаю. Еду наугад, держа в голове карту местности.

За мной по пятам гонится ночь. Спотыкаясь, иду по моренам, но на леднике Малый Азау перестаю различать носки лыж от снега. Со всех сторон окружают неизвестно откуда взявшиеся трещины, и единственным выходом оказывается новый ночлег на снегу.

Мокрый от тающего снега и пота, выбившийся из сил, я лег в спальный мешок на лыжи и попытался уснуть.

Всю ночь где-то в соседней трещине завывал ветер, затихая только тогда, когда я забывался. Опять подморозил ноги. Утром в тумане нашел правильный путь и спустился на «Кругозор». Славец, веселый, вышел встречать, но при взгляде на мое лицо вся его веселость исчезла.

- На седловине умер Алеша Гермогенов, - говорю я устало. Эти несколько слов так тяжелы, что от их скрытой тяжести... Славец, присев на сугроб, растерянно спрашивает:

- А остальные?

- Спускаются. Беги вниз за помощью: я ноги отморозил.

Он срывается с места и, захватив лыжную палку, прыгает на снежный склон и съезжает на маленькой лавине в сторону поляны Азау. При входе на зимовку я проверил радиоаппаратуру. Передатчик работал, а приемник отказался действовать. «Могу ли я дать в эфир SOS? У нас катастрофа, один умер, остальные в неизвестности, обязательны серьезные обморожения. Да, могу». Я составляю короткую радиogramму, где сообщаю о случившемся, прошу принявшую станцию передать мое сообщение в Нальчик, чтобы срочно выслали автомобиль и помощь.

Сажусь за передатчик и начинаю выстукивать понятное всему миру, тревожное, волнующее и скрывающее за собой несчастье сочетание трех букв - SOS. Часто вспыхивает индикатор. Передаю текст и впервые с Эльбруса ввысь, в пургу, над снежными вершинами несется: «SOS... SOS...SOS». И опять текст радиogramмы: «Приемник не работает» - даю я после каждого повторения. Индикаторная лампочка вспыхивает все слабее и слабее. Рука деревенеет и наливается усталостью. Индикатор потух. Аккумуляторы истощились. Прекращаю работу.

С жадностью выпиваю несколько кружек воды, чем-то закусываю. Приходит срок часа дня. Спотыкаясь, на пухнувших ногах пробираюсь к будкам, снимаю наблюдения. До безумия уставший падаю на кровать и засыпаю глубоким, освежающим сном...

В два часа дня на зимовку пришла вся группа, и только один Алеша Гермогенов был привезен на доске. Он уже замерз и не сгибался. Тело положили в среднюю комнату. Участники ходили хмурые и убитые горем. Кое-кто отморозил ноги, кое-кто руки, а Кузнецов так сильно на спуске обморозил ноги, что ему впоследствии в Москве ампутировали чуть не все пальцы.

Рассказы участников дополнили всю картину неудачного восхождения.

Алеша плохо себя чувствовал еще на «Приюте Пастухова» и при подъеме к седловине его состояние все ухудшалось. На уговоры спуститься снизу он отвечал отказом. Он считал, что начальник должен быть всегда впереди, и, морально страдая, боролся со своей физической слабостью, и шел дальше. До седловины поднялся через силу. О дальнейшем рассказывала Волгина, находившаяся с ним в одной палатке:

- Ночь провел беспокойно, жаловался на недостаток воздуха. Утром попросил пить, воды не было, и я дала ему лимон. Он его пососал, потом бросил и сдавленно проговорил: «Воздуху, воздуху дайте». Он в судорогах задыхался. Я откинула полу палатки. Он хотел приподняться, захрипел и упал мертвым. Когда вы подбежали к палатке, он уже был мертв.

Причина смерти - надо думать, нарушение деятельности сердца Алеша не успел отдохнуть от летних походов и в зимнюю экспедицию поехал, едва перенеся стрептококковую ангину. В походе, не доверяя никому, везде сам прокладывал первую лыжню. Переутомление сердца, осложнение и на большой высоте - смерть.

Дальнейшие происшествия таковы. После моего ухода альпинисты медленно спускались вниз. На склоне разошлись и заблудились. Е. Абалаков и Гушин, спускавшие тело Гермогенова, влетели в трещину и остались там ночевать, причем Абалаков спал вместе с трупом, а Гушин присидел всю бурную ночь на краю трещины, охраняя Абалакова от дальнейшего падения.

Остальные четверо провели ночь на «Приюте Пастухова», где Кузнецов обморозил себе ноги. На следующий день добрались к «Приюту одиннадцати» и, захватив Донского и Лаврова, сошли на «Кругозор». Ночь прошла спокойно, хотя по-прежнему выл ветер и летел снег. Усыпленные усталостью и бессонными ночами, все спали как убитые.

28 марта. Из досок сколотили гроб и, положив туда закутанное тело Гермогенова, отнесли на верхнюю площадку «Кругозора» и поставили у могилки.

Все спускались в долину. Я решил лечиться домашними средствами, а именно картофелем и керосином. Я знал свои ноги: при обморожении они не гнили, а деревенели, высушивались. И действительно пальцы были бесчувственны семь месяцев, но все остались целы.

Славец проводил альпинистов до Терскола. Там уже ждал автомобиль. Славец вернулся вечером».

Памятником трагедии, случившейся в марте 1932 года, стала вершина в ущелье реки Адыл-Су, названная именем председателя Московской горной секции, всеобщего любимца, Алеши Гермогенова. В апреле радиста Лысенко сняли со станции за бездеятельность. Никитин и Корзун остались одни. Продукты заканчивались, и зимовщики охотились на уларов.

В летний отпуск В. Корзун ездил на Центральный Кавказ, где совершил несколько восхождений, включая пятитысячник Коштан-тау. В июле на Эльбрусе работала геодезическая экспедиция Московского геодезического управления под руководством инженера Кумани-на. Корзуну приходилось общаться и помогать многим научным экспедициям, работавшим в то время в Приэльбрусье. Не обошлось без него и в этот раз. На Восточной вершине Эльбруса им был установлен один из высочайших триангуляционных пунктов для съемки новой карты Кавказа.

Вячеслав Никитин также был занят важной работой. Кабардинское агентство «Интурист» обратилось к нему с просьбой организовать строительство высокогорного приюта из материалов, заброшенных к седловине еще в прошлом году. На оставленных досках Корзун спал, делая передышки, во время восхождения группы Гермогенова.

В лето 1933 года «Интурист» приступил к строительству на второй поляне «Старого Кругозора» (на 30 метров выше первой) большого комфортабельного здания высокогорной гостиницы. Кроме удобного отеля для альпинистов, на седловине Эльбруса, около скал восточного ребра Западной вершины, на высоте 5300 метров производилась сборка высокогорного приюта «Седловина». Несмотря на небольшие размеры приюта, его строительство было наиболее трудным объектом из всехстроек на Эльбрусе. «Зазимовавший» груз был, наконец, доставлен к месту стройки. Работы затруднялись большой высотой места строительства (по отношению к уровню моря). Трудно было дышать из-за недостатка кислорода, строители заболели горной болезнью, и их приходилось спускать вниз. Руководил строительством кисловодский альпинист В. Никитин, находившийся на месте постройки длительное время. Трудности, возникшие в процессе строительства, были преодолены, и здание приюта «Седловина» в 1933 году было полностью закончено.

Наши альпинисты получили еще один высокогорный приют «Седловина», которой является по местоположению высочайшей постройкой в мире.

Так рассказывает о летнем строительстве на Эльбрусе альпинист В. Кудинов в своей книге «Эльбрус в наши дни». К сожалению, автор умолчал о последствиях этой работы для руководителя стройки на седловине. Об этом становится известно из книги В. Корзуна «Три года на Эльбрусе», которую вскоре после публикации изъяли.

Условия высокогорья сказались на здоровье В. Никитина. Ближний и преданный друг уехал в связи с начавшейся одышкой.

«Славца уже не было, - с грустью рассказывает Виктор Корзун. Две недели назад он уехал в Пятигорск. Руководя постройкой приюта на седловине, он прожил там несколько дней. Уставшее от долгой жизни на зимовке сердце не выдержало, и он стал страдать одышкой. Дальнейшее его пребывание на зимовке было невозможным. Мне было искренне его жаль. Потерять близкого друга, с которым пройдены первые тяжелые шаги, на целый год, а может быть, и больше... Это

причиняло мне боль. К счастью, спустя несколько месяцев сердце вошло в норму, и Славец выздоровел совсем и без последствий».

Заниматься устройством новой станции В. Корзуну пришлось с другими зимовщиками.

На скалах, названных «Приют девяти», Кавказское бюро погоды решило строить деревянное здание высокогорной метеорологической станции. В отличие от существовавших в то время на Эльбрусе построек легкого типа, здание планировалось более фундаментальное, так как предполагалась круглогодичная работа станции, с постоянным нахождением на ней метеорологов. В сентябре в Терскол прибыли автомобили с разобранным новым домом станции и оборудованием. Новую метеорологическую станцию решено было строить выше прежней.

«Вслед за этим, - рассказывает В. Корзун, - потянулись вереницы груженых досками ишаков. Они сплошным потоком двигались к «Приюту девяти» и обратно. Новый дом по частям переносился на высоту 4250 метров над уровнем моря. Переброска продолжалась до 8 сентября».

8 сентября. Вечером на «Кругозор» поднялась группа рабочих-строителей станции и новый радист А. П. Горбачев. Ко мне подошел крепко сложенный человек в форме радиста гражданской авиации и, крепко пожав руку, сказал как старому знакомому

- А, Виктор! - и потом добавил: - Будем знакомы. Саша.

К этому простому сильному человеку, с русыми волосами, голубыми глазами, крепким подбородком боксера, я сразу почувствовал глупое расположение. «Этот не сдаст», - подумал я, глядя, как он сбрасывает с ишака тяжелые вьючные мешки».

Строительство здания метеорологической станции на «Приюте девяти» было завершено глубокой осенью 1933 года. Зданию была придана обтекаемая форма, стены тройные с шевелиновой (из древесной ваты) прокладкой. Домик был рассчитан на силу ветра в 70 м/сек. Снаружи здание было покрыто толем, впоследствии замененным железом. Здание располагало четырьмя небольшими комнатами-каютами, кают-компанией, двумя подсобными помещениями и тамбуром. Бюро погоды затягивало подвоз материалов и провианта, что послужило причиной временного отъезда Корзуна и Горбачева на Кавказские Минеральные Воды.

«В Пятигорске пробыли почти месяц - двадцать пять дней, - рассказывает Виктор Борисович. - Пользуясь независимостью от нас задержкой, я учился на опытной научно-исследовательской метеорологической станции: необходимо было повышать свою квалификацию. 25 октября. Я и Саша Горбачев с двумя автомобилями приехали в Терскол. Две тонны самого необходимого груза нужно было поднять на зимовку. По вине Бюро погоды задерживалась выдача продуктов, и теперь вся работа станции стояла под вопросом».

Как и прежде, на выручку пришли балкарцы. Двадцать пять вьюков решили поднимать спешно, так как погода портилась и сквозь глубокий снег даже ишаки не смогли бы поднять груз. Началась метель. Бедные животные, увязая в снегу, едва поднялись до 4 тысяч метров. Выбившихся из сил ишаков стали освобождать от груза и складировать вещи у скал, чтобы перенести все самим. Пурга свирепствовала так, что дальнейшее продвижение было невозможным.

«Подбирая уставших людей и животных, спускаемся вниз, - вспоминает Корзун. - За спиной ревет пурга. Там, на высоте, она буйствует неудержимо. Темнота застигает нас на «Кругозоре». 29 октября начали перетаскивать груз из временного «склада» на зимовку».

При переброске оборудования Александр Горбачев - новый радист, приехавший на зимовку, обморозил ноги и ему пришлось спуститься вниз. Корзун остался на время один. Буран не прекращался. Обмороженная щека постепенно отходила, и одинокий зимовщик занялся созданием уюта.

«Я выверял и налаживал метеорологические приборы, - рассказывает Корзун, - устраивал различные полки и мастерскую. Жил в тепле: установил печку. Две комнаты и кают-компанию оклеил светлыми обоями, они стали чистыми и веселыми. Появились столы, оборудована мастерская, радиорубка и еще много усовершенствований».

На двенадцатый день одиночества случилась беда. Корзун сильно ранил руку топором - разрубил верхний сустав большого пальца. Без врачебной помощи ему было не обойтись. Пришлось одеваться и идти вниз. Снег затягивал, как болото. Туман лишал видимости. Сбившись с гряды морены, Корзун рухнул в ледовую трещину. Из дневника Корзуна становятся известны подробности этого происшествия.

«Нужно, не теряя времени, спускаться вниз. Я тщательно и тепло одеваюсь... В рюкзак кладу трехдневный запас продовольствия, сухого спирта, беру ледоруб - и готов в путь. Зимовка скрывается уже через двадцать шагов. Я погружаюсь океан тумана, снега и воющей мглы.

Шесть километров по неизвестным местам. Вытаскивая одну ногу за другой, я переваливался с бока на бок. Снег засасывал, как болото. Мне казалось, этому напряженному движению не будет конца. Разболелась рука, будто в палец загоняют иголки. Я потерял счет времени. Мне жарко, но расстегиваться нельзя - сейчас же всюду набьется снег. Склон, кажется, идет правильно. Я делаю передышку и быстро двигаюсь большими шагами. Вдруг... взметнулась белесая мгла, я почувствовал, что лечу... Готовясь к удару, все тело сжалось, напряжилось. Я обо что-то с силой ударился боком. Перевернулся и мягко зарылся в снег. Бешено застучало сердце, забились медленными ударами.

«Упал в трещину, - оценил я положение, - нужно подумать, что делать».

Но тут, заглушая все, словно разгораясь, по руке разлилась острая боль от потревоженного пальца. Открыл глаза - темно. Лицо почувствовало холод, и стало трудно дышать. Я лежал на левом боку. Осторожно, чтобы не провалиться куда-нибудь глубже, я двинул правой рукой - не поддается. «Неужели сломана? - мелькнула мысль. - Почему нет боли?». И сразу вспомнил: держит ледоруб. Потянул сильнее - поддается. Тяну к себе с ледорубом. Около лица снег оттаял и образовалось пустое пространство. Теперь можно подумать...

«Значит, я провалился в трещину. В каком же леднике: в Гара-Баши или в Малом Азау? Как я не заметил гряды скал? Пройти не мог, следовательно, я в Гара-Баши... Где там первые трещины? Влево под плато поперечные. Почему же я туда попал?»

Руку опять свела боль. Я всем телом дернулся к ней. Теперь понимаю: желая дать покой ноющей руке, я все время наклонялся к ней в левую сторону; этим скосил шаги, изменил общее направление и ушел в левую сторону. Как я это не учел раньше...

Теперь я лежу в трещине ледника, может быть, на уступе, а может быть, на засыпанном дне. Страху никакого не чувствую. Нужно вылезать. Снег вокруг меня очень мягкий. Я освобождаю ледоруб и расковыриваю перед собой снег. Матовый снег становится ярче. Сажусь - и моя голова освобождена. Справа и слева гладкие темные ледяные стены трещины. Из тусклого зеленоватого света вырисовываются острые как сабли сосульки, спускающиеся с краев трещины и снежного свода, закрывающего ее сверху пластом. И только над самой головой этот светлый пласт пробит моим падением.

Через круглое отверстие в этот ледяной склеп падал сноп дневного света и сыпались снежинки. До отверстия было метров двенадцать. Прямо передо мной трещина скрывалась в темноте - дно слегка поднималось. Я осторожно встал на ноги, но еще глубже погрузился в рыхлый морозный снег, осевший на дно трещины. Мое положение походило на положение попавшего в болото: с каждым движением я проваливался все глубже.

«А что, если я стою только на пробке, а ниже идет опять пустое пространство и трещина склинивается?»

Я впервые почувствовал весь ужас своего положения. Оглянулся назад - нервы напряглись до предела. Дно трещины через несколько метров круто падало вниз, ледяные стены резко раздавались в стороны, чернела жуткая пустота. Привыкшие к темноте глаза различали на переднем плане острые изломы, уступы, и все дальнейшее терялось в ледяном мраке. Над головой нависали десятки тонн снега, щитом перекрывшего края трещины сверху. Свежий осенний снег еще не укрепился и может обвалиться.

«Я буду похоронен в ледяном склепе, и никто никогда не узнает, где и как я умудрился погибнуть... Нет, нужно вылезать!» Я осторожно укрепился и стал утаптывать под ногами снег, осыпая его с поверхности. У левой стены делаю площадку и вытряхиваю снег из складок платья.

Путь спасения лежит прямо вверх, по ледяным стенам, к этому отверстию, пробитому собственным телом. Придется вырубать ступеньки и выбираться, расширяя ногами в разные стороны, а вверху... Вот наверху - неизвестно, хватит ли моих ног или нет. Если бы была веревка и несколько ледяных клиньев, я бы не беспокоился и даже с больной рукой вылез бы здесь совершенно свободно.

Вырубаю правой рукой первые две ступеньки на разных сторона останавливаюсь в раздумье: вылезать или нет. Здесь так тихо, нет снега и ветра, в десяти метрах надо мной ревет буря. Уже поздно, скоро начнет темнеть... «Успею ли я засветло добраться до «Кругозора»? Буду ночевать здесь», - решаю бесповоротно.

Оцениваю положение: лучше всего вырубить нишу в ледяной стен и можно будет спокойно спать. Если даже обрушится свод, я вылез невредимым. Поднимаюсь на пару метров вверх и начинаю вырубай пещерку. Работать приходится ножом и только одной правой рукой. Перемерзший крепкий лед обламывается громадными кусками и со звоном ударяясь о порфиновые стены, падает в снег. Ниша растет. Работаю долго. Дно ниши делаю с наклоном внутрь, чтобы не вывалиться ночью. Сбрасываю рюкзак и с наслаждением присаживаюсь на край. Устроился как дома. Мне совсем не холодно, только чувствуется усталость и сильно хочется есть.

Посмотрел на оконце вверху - оно потускнело: темнеет. Ночь так ночь. Неразлучной финкой выравниваю дно - удобнее будет спать. Распаковываю рюкзак, вынимаю сухой спирт, мясные консервы, сухари, сахар. Через минуту, отражаясь на льду, порождая голубые и синие огоньки, большими языками пламени запылал спирт. Разогрел мясо, с удовольствием закусил, согрел чаю и стало даже весело. Осенняя ночь длинная, спать надоест. Я вспоминаю о случайно взятой книжке Аверченко «Юмор для дураков».

- Организуем культурный отдых, - говорю я громко. Вынимаю книжку, зажигаю электрический фонарик и устраиваю его на небольшом выступе.

Мое ледяное ложе, вся ниша вдруг осветилась чудесным переливающимся светом. Каждый кристалл льда по-своему преломлял лучи прямого и отраженного света. Весь лед искрился и казалось, что стены были выложены редчайшими разноцветными камнями, топазами, рубинами, бриллиантами. Я был поражен.

Стоило изменить наклон головы, как менялась вся картина, словно кто-то за спиной включал новое освещение. Я даже не подозревал, что лед может так переливаться, что лампочка карманного фонаря может произвести такую чудесную иллюминацию. Я почти совсем забыл, где нахожусь, но раскрытая книга вернула меня к действительности. Я стал читать.

Почитав, я разворачиваю книгу и кладу под голову вместо подушки. Рюкзак расстелен подо мной. Закрыв глаза. Словно осенние туманы, проносятся отрывки мыслей, и я быстро засыпаю. Проснулся от звенящего грохота. Где-то в глубине ледника обрушилась или треснула глыба - послышался тяжелый глухой треск, и все смолкло. Ледяное безмолвие поглотило все звуки. Я заглянул вверх - ночь.

Проснулся, когда уже было совсем светло, и сразу вспомнил, где я нахожусь. После тьмы ночи моя трещина была освещена очень ярко. Отверстие почти замело, сыпался мелкий снежок. Значит, наверху по-прежнему буря.

Закусил, собрался, привязал кошки и приступил к своему освобождению. Первые ступеньки вырубались просто и держаться было очень легко. Трещина постепенно расширялась. Я рассчитал, что у самой поверхности моих ног не хватит. Отчаяния не было, только еще раз вспомнил о веревке и ледяных клиньях: имея их, я посмеялся бы над любой трещиной. До поверхности осталось несколько метров. Ширину шага уменьшают две пары брюк. Вынимаю нож и распарываю. На больную руку перестал обращать внимание. Особенно сильную боль заглушаю скрипением зубов. Конец пальца, наверное, отворачивается, оголяя кость. Такая адская боль! Временами кружится голова. Я у самой цели. Дотягиваюсь ледорубом до маленького отверстия в

снежном потолке и расширяю его. На разгоряченное лицо сыплется мелкий снег. Необычайно яркий свет слепит. Качнулся, но удержался. Как легко отсюда упасть... Растягивая все свое тело, поднимаюсь еще на полметра. Обрубаю край трещины и убеждаюсь, что взяться не за что.

Я очень устал. В постоянном напряжении силы убывают. Вспоминаю один прием, спасший меня при переходе Шхельдинского перевала. Выхватываю больной рукой из-за пояса финку и, выбрав место, вонзаю ее в твердый снег на краю трещины. Собираю остатки сил и, рывком подтянувшись на финке, с силой ударяю ледорубом выше, уже за краем трещины. На секунду повисаю на нем. Вырвись он - и я полечу в темную глубину. Еще один отчаянный рывок, и я в изнеможении падаю на край трещины. Сразу оглушило завывание бури, свист, ропот ветра, залетающего в трещину; казалось, он ругал ее человеческим голосом за то, что она меня выпустила.

Выпустила, но не совсем. Вокруг меня еще десятки таких же трещин, предательски закрытых снегом. Мне нужно разгадать эти ловушки и умело обойти. Я встал. Мне теперь ясно, что нужно идти на юго-запад. Ощупывая ледорубом впереди себя каждый шаг, осторожно иду по леднику. Местами ледоруб свободно пронзает снег: значит, трещи на, ищу обход. Отдыхая, я пересек ледник и неожиданно очутился у скал, приняв их издали за новые трещины. Теперь я знал, где нахожусь, и уверенно пошел вниз. Снегу меньше. Примерно через полчаса я вышел на знакомую морену. Под вечер в густом тумане добрал до «Кру гозора». Когда сел на койку, почувствовал, что усталость заполнила каждую клеточку тела. Окружающее стало безразлично. Я вспомнил о Саше. Под натиском беспокойства все прошло. Ведь он знал путь во много раз хуже меня. Может быть, он лежит сейчас в какой-нибудь трещине замерзший...

Я оглядываю стол и замечаю небольшой клочок бумажки. Хватаю и пробегаю глазами: «Спустился благополучно. От «склада» тумана не было. А. Горбачев». Стало легко. Я за него радовался больше, чем за себя. Проклятый палец. Я приподнял отяжелевшую от боли руку, но перевязывать не стал. Врач разберется. Ночью подходил к Терсколу».

Пятигорское бюро погоды задерживало провиант и, пользуясь возможностью, Корзун уехал в Москву «произвести ряд закупок и подыскать на зимовку нового наблюдателя». Работать на метеостанции вызвался техник-электрик Александр Гусев. Альпинисты встречались прежде на «Кругозоре» и знали друг друга.

Палец заживлялся и прирастал. Вскоре Корзун вернулся вместе с Гусевым. Из Нальчика они уехали в Баксанское ущелье. Горбачев должен был выехать из Пятигорской больницы, где лечил ноги, и присоединиться к ним позже. Забрасывать провиант на «Приют» им помогали местные балкарцы и два альпиниста - Н. Гусак и В. Андриюшков, которого приятели называли «Василь-тау» («тау» по-балкарски - гора) за громадный рост. В середине декабря со склона Азау-Гитче-Кара-Баши сошла огромная лавина.

«Мы были поражены грандиозностью этой лавины, - рассказывает Корзун, - одним воздухом уложило несколько гектаров хорошего соснового леса! Мы четверо и двое балкарцев оказались первыми людьми, увидевшими это необычайное зрелище. Об этом в селениях еще никто не знал. Это произошло, видимо, 16 декабря, когда с этой стороны слышался грохот.

Во многих местах упавшие деревья совершенно завалили дорогу, и нам пришлось пробираться сквозь ветви. Пошли в ход топоры. Лошади, утопая по самые вьюки в сугробах, с трудом перебирались через полузасыпанные стволы и камни.

Казалось, мы пробирались где-то в дикой тайге. Лес поредел, снега стало меньше, и мы вышли на поляну Азау. Бросили взгляд на склоны «Кругозора». Все покрыто толстыми пластами зимнего снега, сереют только одинокие скалы. На подъеме к «Кругозору» вскоре убедились: не пройти здесь лошадям... В одном месте передняя лошадь утонула в сугробе по самое горло и, побарахтавшись, покорно положила голову на снег.

Сняли вьюки, сложили все вещи в одну кучу, выкопали увязшее животное и, распрощавшись с балкарцами, отпустили их вниз. Уходя, они щелкали языками и приговаривали:

- Честное слово, сумасшедшие люди! Снег, холод... бр-р-р... - и издали кричали: - Аида домой!

Передохнув, мы взвалили на спины по рюкзаку и, утопая в сухом снегу, пошли по сугробам вверх». Переждав буран на «Кругозоре», длившийся несколько дней, альпинисты вернулись в Терскол, где встретили Новый год. Не дождавшись Горбачева, А. Гусев и В. Корзун 8 января отправились в свой «Приют». Горбачев прибыл 11 января, и с этого дня Эльбрус стал постоянным «населенным пунктом».

В январе несколько дней Эльбрус красовался на ясном небе. 15 января В. Корзун и А. Гусев решились на восхождение. Вечером 16 января зимовщикам представилось увидеть редкое природное явление, как знамение свыше перед отчаянной попыткой осуществить мечту.

«Перед вечером, - записал Корзун в своем дневнике, - наблюдали очень интересное явление - галосветовые столбы. Явления гало происходят вследствие отражения света от граней мельчайших кристаллов, находящихся в воздухе. Обычно световые столбы наблюдаются над солнцем или с продолжением под солнцем. В нашем случае было по-другому: один светящийся столб стоял над солнцем, а другой - на небольшом расстоянии слева, причем ложного солнца у второго столба не было. В это время при безоблачном небе сыпались мелкие ледяные кристаллики. Концы светящихся столбов опускались намного ниже нас и горизонта к леднику Большой Азау. Излучаемый столбами свет был ярко-матовый, без присутствия каких-либо других тонов.

Столбы, простояв 18 минут, постепенно исчезали, по мере того как рассеивалась и проносилась прозрачная туманообразная пелена из ледяных кристаллов».

Ночь на 17 января В. Корзун провел в тревоге: мысль о приближении заветной мечты не давала покоя. Серебристый звон будильника прервал беспокойный сон в 3 часа утра.

Завтрак, короткие сборы, застывший испуг в глазах Саши Горбачева - в случае несчастья он оставался один в этом ледяном пространстве. Запись В. Корзуна от 17 января дает представление о состоянии альпиниста, задумавшего столь непредсказуемое восхождение:

«Связались веревкой и прикрепили к валенкам кошки. Я взял с собой рюкзак с продуктами, термометром, фотоаппаратом.

- Пойдем, - обратился я к Гусеву.

Закутанные с ног до головы, греясь кошками, мы взяли ледорубы и вышли в ночь. По безоблачному небу были рассыпаны миллиарды мерцающих звезд, но темнота была непроглядная, она скрывала все изломы склона, словно глаза закрывали вороньим крылом. Эльбрус совершенно сливался с небом. Стало страшновато удаляться от этого островка жизни тепла и света, чтобы идти куда-то на ледяные склоны и обмерзшие скалы. Пугала неизвестность.

Мы впервые за века и тысячелетия существования Эльбруса решились в январскую морозную ночь идти по его обледенелым склонам на зимнюю вершину. Горы застыли в оцепенении, стоял полный штиль. Так вот когда, наконец, наступил тот момент, к которому я готовился восемь лет, с того самого времени, когда мой взгляд, взгляд мальчика, задержался на пылающем закатными огнями зимнем Эльбрусе. В памяти пронеслись воспоминания о зимней экспедиции к Эльбрусу два года тому назад, когда я робко дотрагивался рукой до скал его подножия. Вспомнился ледящий холод ураганной ночи в прошлом году и смерть Гермогенова на седловине».

Подробно о первовосхождении на зимний Эльбрус В. Корзун рассказывает в двух книгах: «Три года на Эльбрусе» и «На заоблачных высотах». Последняя публикуется в нашем сборнике. Однако, описание рассвета во время восхождения 17 января в книге «Три года на Эльбрусе» отличается от предлагаемого и потому приводим его полностью:

«Когда первые лучи солнца зарумянили Восточную вершину, мы остановились на ледяном склоне примерно на 5000 м. Вырубили удобные ступеньки и сняли первые метеорологические наблюдения. Температура воздуха -31,0°С. Отдыхаем, наблюдаем восход.

Солнце расточает пламенные поцелуи всем вершинам Кавказа, оно согревает лаской своих лучей и скалистые пики, и ледяные грани снежных вершин. Но, вставая с неведомого ложа за горизонтом, оно свой первый поцелуй всегда дарит седому великану Кавказа - Эльбрусу. И последними меркнущими лучами заката оно всегда ласково обнимает седого Шата.

Вот и сейчас: Эльбрус уже горел, снега навалились золотом солнечных лучей, а в долинах лежали тяжелые тени ночи и все вершины были синими и холодными, будто под нами разостлана грандиозная рельефная карта, окрашенная разными тонами ультрамарина. Горы совсем побелели. Золото лучей на вершине Эльбруса, пожелтев, растекалось по склонам. И один за другим стали загораться гиганты Кавказа: Дых-тау, Коштан-тау, Шхара. Вспыхнули вершины Безенгийской стены, лучи проворно забегали по сотням вершин, прикасаясь к ним и зажигая снега и льды.

Наконец солнце осветило нас... Воздух и даль утонули в чистой розовой дымке. Ущелья наполнились утром». Итак, в возрасте 21 года Корзун осуществляет свою мечту — он первым поднялся на высочайшую гору Кавказа и подтвердил фумарольную стадию вулкана Эльбрус, на которую в 1903 году обратил внимание геолог Дубянский.

Его напарник по связке Александр Гусев, как и сам Виктор Корзун, оказался не лишенным дара рассказчика и позднее оставил заметный след в альпинистской литературе своими книгами - «Эльбрус» (1948), «От Эльбруса до Антарктиды» (1972) и «Эльбрус в огне» (1980). Впечатления В. Корзуна от пребывания на Эльбрусе отличаются поэтическим описанием пейзажей и невероятных красок заоблачных высот. Эти строки едва ли могут оставить читателя равнодушным к необычайной смене тонов природной палитры. Предшествующий урагану январский вечер 21-летний альпинист описывает весьма толково.

«С долины Уллу-Кама, с верховьев Кубани поднимались тяжелые лохмотья густого черного тумана. Они медленно проносились под ледником Эльбруса, расползались на куски и терялись в морозном воздухе. Вот он опускается в волнистой поверхности океана - пожар охватывает весь мир: светило расплавилось, растекаясь по облакам жемчужными бликами. Пурпурно-красный свет залил горы. Розовые, малиновые тона разлились по диким хребтам Кавказа, и там, где они меркли, слетались крылатые синие тени».

Буран отбушевал над «Приютом» и Александру Горбачеву все же удалось наладить радиосвязь. 28 января 1934 года впервые со склонов Эльбруса зимовщики дали радиограмму. Это был самый радостный день - они больше не чувствовали себя изолированными от всего мира. Метеостанция наконец-то начала полноценную работу с передачей сводок синоптикам. В. Корзун чувствовал одновременно и радость, и усталость от изнурительного четырнадцатимесячного труда, который теперь завершился успехом. Вместе с метеосводками в эфир полетело сообщение о первовосхождении зимой.

Вслед за столь бурными событиями потянулись будни метеостанции со снятием показаний на приборах и смене лент на самописцах. Читатель едва ли может представить, каким напряжением сил порой добывалась информация для синоптиков. Дневник В. Корзуна испещрен такими записями. Обратимся к одной из них от 4 февраля 1934 года.

«Утром буран ревел как никогда. Через входные двери и коридорчик нанесло снег в кают-компанию. Это вторжение нам не понравилось. Смена лент на самописце превратилась в мучительную операцию. Пальцы сразу же обмерзли и теряли чувствительность. У меня и Гусева всю зиму концы пальцев были подморожены, и слезла кожа. К будкам ходили задом наперед, прямо идти нельзя - задыхаешься. Наблюдения снимаем на память, без книжки. При возвращении в каюту имели жуткий вид. Снег залеплял всего с ног до головы, лицо мокрое, красное и лоснящееся от растаявшей снежной маски. Печка не горит. К часу дня сила ветра достигала 40 м в секунду. Вечером к будкам ползал на четвереньках — стоять нельзя. От порывов мелко подрагивает дом. Нам кажется, что хуже быть не могло. Мороз минус 25,7 °С в сочетании с ураганным ветром и тучами несущегося снега привычен, пожалуй, только белым медведям».

Ночью, держась за страховочную веревку, Гусев вышел для снятия данных с приборов; ураганный ветер так швырнул зимовщика, что тот не удержался на страховке, отлетел в сторону на скалы и вывихнул коленку.

22 февраля буран разыгрался еще сильнее.

«Проснулся, - вспоминает Корзун, - с ужасным чувством человека, под которым качается и трясется земля от ударов землетрясения. Оглушительный рев бури вернул к действительности... В каюте чувствовался сильный мороз. Одеваясь, заоченел окончательно. Открыл дверь и от

удивления замер. Вся кабот-компания засыпана снегом: наблюдательский стол, печка, приборы, стены и даже антенна были покрыты слоем снега; он фонтанами выбивал из щелей двери и медленно оседал на всех предметах... Такого урагана еще не было, это что-то невероятное, сущий ад. Самописцы стали, будки занесло ветром, флюгера не видно, да он уже ничего не показывает».

Минута наблюдений за приборами стоила Гусеву обморожением щеки и брови. Температура минус 28°С. Давление упало до 410,5 мм. К ночи температура опустилась до -40° С. И ртуть замерзла. Но время терять жалко. Под вой бурана, закутавшись в одеяло, в перчатках Корзун читает - готовится к будущей учебе и пробует свои силы в поэзии. От его поэтических строк остались лишь обрывки. Короткий набросок сохранился в книге «Три года на Эльбрусе»:

Завывают февральские бури,
Накаля морозом снега.
С юго-запада ветры подули -
Завтра страшная будет пурга.
Рвутся в скалах косматые тучи,
Убегая к вечерним теням.
Снег несется в порывах могучих
По холодным эльбрусским полам.

Наладив радиосвязь, зимовщики столкнулись с новыми проблемами: батареей не хватало. Пришлось спускаться на склад за частями ветряка и динамо-машиной. Январский вечер столь восхитил своими красками начальника метеостанции, что он не преминул записать свои впечатления.

«Возвращаясь, - записал В. Корзун в своем дневнике, - наблюдали исключительный по красоте закат. На синеве неба нет и намек на облака. Словно залитое расплавленным золотом стояло вдали Черное море. При заходе солнца восточная часть небосклона окрасилась в темно-фиолетовый тон с оранжевой каймой. Эта оранжевая кайма ограничивала тень изогнутой поверхности земного шара на небосклоне. По мере захода солнца, над левой частью этой тени, на небе, вырисовывался такой же фиолетовый контур вершины Эльбруса. Трудно было охватить пространственно и уложить в своем представлении всю действительность и грандиозность этого явления.

По долине Баксана уже ползла ночь, а мы еще были освещены розовыми лучами заходящего солнца. Видимые пики и вершины залились красным светом, потом стали бледнеть, похолодели, окутались синими сумеречными тенями и слились с тускнеющим небом. А на вершинах Эльбруса еще разливались, искрясь последними вспышками, рубиновые лучи закатных огней. Полная неизмеримая тишина повисла над необозримыми горными просторами. Ледяные гиганты засыпали, что бы пробудиться с первым лучом зари... Из-за горных скалистых пиков Шхельды-тау выглянул полумесяц и, зацепившись рогом за скалистый выступ, долго не решался оторваться, но, наконец, убедившись, что все спокойно, пустился в одинокое плавание по звездным просторам ночного неба».

Март заголосил в эльбрусских снегах веселыми переливами жаворонков и криками альпийских галок. Недостаток продуктов и ограниченный рацион стали сказываться на здоровье зимовщиков: болели десна, слабели зубы - появились признаки цинги. Команда начала впадать в апатию, и В. Корзуну приходилось искать способы отвлечь приятелей от грустных мыслей, дабы зимовка не превратилась в кошмар.

С приходом весны чувствовалось утомление, стремление к зеленеющим в долинах лугам, пестрым коврам цветов; хотелось ринуться в гущу людей, в городскую жизнь; отсутствие общения с близкими сказывалось не лучшим образом. Но В. Корзуну предстояла еще одна зимовка, не менее знаменательная, чем прежняя.

Из книги В. Кудинова «Эльбрус в наши дни» (1954) известно, что 14 января 1935 года на Западную вершину поднялись зимовщики метеостанции В. Корзун и А. Горбачев. Однако приоритет первовосхождения на Западную вершину отдается Николаю Гусаку (сменившему ушедшего на учебу А. Гусева) со спутником. Дополнение «со спутником» и отсутствие даты

выглядят весьма странно. Еще более странной выглядит запись В. Корзуна в книге «Три года на Эльбрусе»: «Совершено первое зимнее восхождение на Западную вершину Эльбруса и туда уже проложена тропа, по которой идут».

Действительно, зима 1935 года считается началом массового восхождения на Эльбрус: за зиму на его вершинах побывало девять групп, с общим количеством участников 91 человек, и такому быстрому продвижению к Эльбрусу зимой немало способствовал Приют, обустроенный Виктором Корзуном. Но кому стал неуютен провинциальный альпинист из Кисловодска, пока остается неясным. Кто запретил Корзуну упоминать свой второй успех в битве с Эльбрусом? Разобраться с этим вопросом предстоит будущим исследователям. Сомневаться в данных Владимира Кудинова есть весьма веский повод.

В книге «Эльбрус.» В. Кудинов сообщает: «В январе 1935 г. зимовщиками было совершено первое зимнее восхождение на Западную вершину». Источником этих сведений был сам В. Корзун, так как эта фраза списана из его книги «Эльбрус» (1938. С.65). Сравните: «В январе 1935 года зимовщикам: было совершено первое зимнее восхождение на Западную вершину» - Не мог же не названный по имени спутник оказаться незимовщиком!

Но, как бы там ни было, похоже, что Виктор Корзун даже не осознал, что в истории отечественного альпинизма он стал первым русским альпинистом, поднявшимся на Восточную и Западную вершины Эльбруса в зимних условиях.

До 1935 года мы могли назвать лишь одно такое имя русского первовосходителя на обе вершины Эльбруса - военного топографа Андрея Васильевича Пастухова, совершившего свои восхождения с целью съемки местности в 1890 и 1896 годы. Виктор Борисович Корзун сделал то же самое в 1934 и 1935 годы, но в более сложных условиях - зимой! Однако никто об этом не упоминает. Похоже, что провинциальному альпинисту не простили первенства среди именитых спортсменов, да и изъятие его книги «Три года на Эльбрусе», видно, сказалось на дальнейшей судьбе выходца из Кисловодской станицы.

В январе 1935 года кисловодчанин Е. Виноградов передал Корзуну записку с предложением поступить на литературный факультет в институте во Владикавказе, где в те времена учился земляк и приятель Виктора. 28 апреля 1935 года начальник метеостанции покинул зимовку. Перед ним открывалось творческое будущее и возможность раскрыть свой талант литератора. Созданный им «Приют» работал до 1942 года, до прихода спецотряда дивизии «Эдельвейс» под командованием капитана фон Гротта.

После тяжелых зимовок В. Корзун успешно сдал экзамены и поступил во Владикавказский институт, где руководил альпсекцией. В студенческие годы бывший зимовщик издает в Пятигорске в 1936 году книгу «Три года на Эльбрусе», а в 1938 году - книгу «Эльбрус», которыми зачитывалась молодежь тех времен. Его имя становится широко известным не только среди альпинистов. Закончив обучение на отлично, Корзун остался в аспирантуре и продолжил свою литературную, научную, а затем начал преподавательскую деятельность.

Даже в годы войны, когда инструкторы-альпинисты так нужны были в горах, чтобы сдерживать натиск егерей горно-стрелкового корпуса фашистов, Корзун оставлен был в стороне - на Сталинградском поле битвы. На Кавказе в это время были Н. Гусак и А. Гусев, возглавившие в феврале 1942 года две штурмовые группы для снятия немецких штандартов с вершин Эльбруса.

После войны несколько лет ученый-филолог работал в Пекинском университете. Похоже, что это была благодарность за умолчание об успехах на Эльбрусе. В дальнейшем Корзуну не нашлось места ни в Москве, ни в Петербурге. Виктор Борисович продолжил свою преподавательскую деятельность в Чечено-Ингушском пединституте. Из-под его пера вышли в свет научные труды: «Советская чечено-ингушская литература», «Фольклор горских народов Северного Кавказа», «Литература горских народов Северного Кавказа», «Биография Коста Хетагурова» и другие.

В предлагаемой публикации мы решили переиздать одну из лучших книг В. Б. Корзуна - «На заоблачных высотах» (Ставрополь, 1957) в которой эльбрусский зимовщик рассказывает о встречах с животными - обитателями гор, о грозных явлениях природы и о своем зимнем

первовосхождении на главную вершину Кавказа 17 января 1934 года (рассказ «Впервые в истории»).

В 1967 году ученого-филолога Виктора Борисовича Корзуна похоронили в городе Грозном. Дом, где жили Корзуны, разрушен во время бомбежек 1990-х годов. Едва ли что осталось и от могилы выдающегося альпиниста. Но сохранилась память земляков об этом светлом человеке. Благодаря хлопотам и настойчивым публикациям в местной прессе председателя Краеведческого общества в Кисловодске Евгения Виноградова, в январе 1994 года, спустя 60 лет после знаменательного восхождения на Эльбрус, имя Корзуна внесено в список «Почетные граждане города Кисловодска». К сожалению, архивных материалов о Корзуне почти нет: несколько фотографий да карандашный рисунок 1935 года - портрет студента Корзуна, хранящийся в Краеведческом музее Кисловодска.

НА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТАХ

Все, наверное, читали и слышали о тяжелых условиях жизни и работы полярников. А многие ли знают, с какими трудностями встречаются исследователи высокогорья? Чтобы читатели лучше представили себе суровую природу вечно снежных гор, я расскажу о нескольких будничных днях зимовщиков Эльбрусской высокогорной гидрометеорологической станции. Вот как они запечатлелись в моем дневнике третьего года зимовки.

11 февраля. С утра совершенно неожиданно потеплело. С далекого Черного моря дохнул теплый ветер - фен. Стрелка барографа резкими скачками пошла вниз. Сегодня решили провести экскурсию на ледник Гара-Баши, он спускается с Эльбруса на юго-восток в Баксанское ущелье. Погода как будто бы не препятствовала нашему намерению. В час дня мы надели лыжи и стали спускаться вниз.

По дороге фотографировали глубокие трещины во льду, снежные мосты, измеряли толщину годовых наслоений льда и фирна на срезах трещин, тренировались в рубке ступенек во льду одной рукой и просто катались на лыжах.

К двум часам дня небо затянулось тонкой пеленой перистых облаков. Солнце, просвечиваясь сквозь них, выглядело ярким кругом с венцом. Даль стала особенно прозрачной, и даже на громадном расстоянии небывало четко обрисовывались контуры гор. На юго-западе, в прорезь ущелья Ненскрыры, хорошо была видна береговая линия Черного моря. Оно сегодня представлялось плотной фиолетовой массой. Необычайная, настороженная тишина охватила весь видимый горный мир. Мы-то прекрасно знали: такая тишина не готовит ничего хорошего, скоро с запада потянулись густые темные облака. Встречая на своем пути выступающие пики и кряжи, они медленно оседали. Наша группа спешно направилась к зимовке. Грозная картина предстала перед нами, когда мы вышли на снежное плато. Багровые с темно-фиолетовыми тенями тучи гигантскими клубами накатывались на розовый Эльбрус. Он стал быстро тускнеть и сливаться с небом. Приближалась ночь. Мы уже подходили к домику зимовки, как вдруг, пораженные, застыли на месте. На радиомачтах, печной трубе, флюгере и углах крыши плясали синеватые язычки пламени. Они колебались, перескакивали, гасли и вновь зажигались.

На фоне сумеречного угрожающего неба это выглядело особен» зловеще.

Первой пришедшей в голову мыслью было: «Пожар! Горит наш домик! Но тогда почему же огонь на концах мачты? Да ведь это огни «святого Эльма»! - с облегчением догадался я.

Успокоенные, приблизились мы к зимовке. Огоньки вспыхивали все реже и реже, пока не исчезли совсем. У дверей дома присели отдохнуть. И хотя всех нас переполняло впечатление от только что увиденного необычайно редкого явления природы, говорить не хотелось - угнетающе действовала тишина. Такого неподвижного темно-свинцового неба в зимнее время нам никогда раньше видеть не приходилось. Оно пугало своим грозным видом и хотелось спрятаться от него куда-нибудь в глубь земли.

Но вот тишина часто-часто завздыхала. Родившийся вдалеке первый порыв ветра со свистящим шумом донесся к нам. Наткнулся на стальные растяжки радиомачт и флюгерного столба, завыл на самой высокой ноте - и затих. Снова томительная гнетущая тишина.

И вдруг из глубины темных ущелий послышался нарастающий грозный гул, завывая, пронесся второй порыв ветра. Затем где-то что-то рванулось, вся масса воздуха вздрогнула, сдвинулась с места и ринулась на восток, все сметая на своем пути. Начинался невиданной силы горный ураган. Тщательно закрыв тамбур, мы пошли в кают-компанию. В двери бил и стучался ледяной ветер..

13 февраля. Уже два дня свирепствует ураган. Снег летит сплошной стеной. Видимости никакой. Метеорологические наблюдения снимаем с большим трудом. Уже после двух выходов к метеорологическо! будке пришлось оттирать снегом подмороженные руки и лица. Как вести наблюдения дальше? Вспомнили: у нас же есть «противобур» так мы назвали свое приспособление от бурана. Это противогаз с отвинченным респиратором. Маска, хотя и ненадолго, все же предохраняет лицо от обморожения, да и дышать в нем легче.

В домике нашем теперь тоже совсем неуютно. Вчера вынуждены были отказаться от отопления: в сорванную трубу задувало, из печи в комнату вылетали угли, огонь, клубы золы. Холод пробирает до костей.

14 февраля. По-прежнему за тонкими стенками нашей хижины бьется буря. Сегодня температура в помещении 24 градуса ниже нуля. В 7 часов утра Коля Гусак, как всегда, собрался снимать наблюдения, но нас так основательно засыпало снегом, что выйти через двери оказалось невозможным. Меня разбудил его голос:

- Виктор! Какое окно выламывать?

На общем совете решили выломать окошко в кладовке и, не теряя времени, осуществили это. Оригинальное зрелище: мелькают валенки и человек исчезает в ревящем снежном аду. Когда вылезает ночью, то создается такое впечатление, будто ты выпрыгиваешь через иллюминатор парохода в пенистые волны бурного океана. К будкам пробирались на четвереньках, придерживаясь за канат. А то и просто связывались друг с другом веревкой, чтобы не унесло.

Но неприятнее всего - возвращение. Идешь не в теплую комнату, а в тот же мороз, только без ветра. В каждую складку одежды набивается снег. В комнате от теплоты тела он растаивает. По лицу и шее сползают холодные капли, и когда попадают на спину, чувствуешь, будто через тебя пропускают электрический ток.

Наступала ночь. При мерцающем свете лампы залепленные окна кажутся белыми кусками снега. Стрелка барографа чертит непрерывно падающую кривую. Ураган усиливается, от его ударов домик дрожит. Сами собой напрягаются мускулы всего тела. После наблюдения в 19 часов я вручил радисту Саше метеосводку для передачи в Пятигорск. Через несколько минут он выбежал из радиорубки и доложил:

- Передатчик не работает... Сорвана антенна!

Из своей комнаты растерянно выглянул Коля Гусак. На мгновение воцарилось молчание, и, показалось, еще сильнее заухали по крыше тяжелые шаги бури.

Я посмотрел на бородатые лица моих товарищей, которым сейчас можно было дать не по двадцать пять, а по сорок лет, взял меховой шлем. Все понятно без слов: без нашей метеосводки на синоптической карте. Бюро погоды останется ничем не заполненный пробел. Этого допустить нельзя.

Кое-как прочистили ход в тамбуре, засыпанном снегом. Через снежную нору выползли наружу, и сразу попали в ледяной ад. Буря бьет меня своей огромной мохнатой лапой прямо в лицо и валит в снег. Сверху на меня сползают товарищи. Вспыхнул яркий лучик электрического фонарика, привязанного к поясу. Заштрихованная несущимся снегом, вблизи смутно чернела скала.

Цепляясь за снежные заступы, один за другим мы поползли в гору. На лице быстро намерзала ледяная маска, причинявшая мучительную боль. С трудом раздвигались губы для дыхания. Минут пятнадцать добирались мы до скалы, на которой была мачта. Но здесь нас

ожидала неприятность: мачты на скале не оказалось. Надо было искать. Полузамерзшие, выбившиеся из сил, мы плавали в крутящемся белом омуте, и всюду чудилась черная мачта. Длинная полоска света от фонаря разрезала ощутимо густой, насыщенный снежными кристаллами воздух.

Наконец я наткнулся на Николая. Он с силой притянул меня к своему лицу, и я услышал его далекий голос:

- У меня... под ногами...

Совместными усилиями вытащили мачту из снега. Нашупываю антенну: цела! Но как поставить мачту под таким ветром? Можно только кое-как влезть на семиметровую острую скалу и там закрепить антенну. Отвязав ее от мачты, согнувшись, пробираемся к скале. Вот мы уже под ее навесом. Происходит немая сцена: все трое держимся за антенну, каждый хочет сам выполнить эту труднейшую часть работы. Я поднимаю левую руку, и это решает спор.

Привязав антенну к поясу, карабкаюсь на скалу. Зацепки и выступы забиты снегом. Онемевшие пальцы не чувствуют изломов стены и часто соскальзывают. Очень трудно дышать. Напрягая все силы, хватаюсь за какой то выступ. Проверяю его крепость и подтягиваюсь вверх. Еще несколько напряженных минут - и я обматываю антенну три раза вокруг выступа и закрепляю несколькими узлами... Оглушенные, замерзшие, похожие на глыбы снега, мы ввалились в кают-компанию. Оттерев снегом и спиртом подмороженные части рук, ног и лица, взялись за дело.

Саша уверенно выстукивал радиogramмы, и сколько ни старалась буря разметать точки и тире, все они дошли до напряженного слуха радиста в Пятигорске.

Ночью на синоптической карте Бюро погоды техник аккуратно рас ставил значки и цифры. Профессор, склонившись над картой, долго изучал новые данные, стремясь проникнуть в тайны движения воздушных масс. Высочайшая в мире метеостанция бесперебойно продолжала свою работу.

Впервые в истории

Покорить зимний Эльбрус, подняться на его вершину в самое суровое время года - давняя мечта альпинистов. За попытки сделать это уже было заплачено дорогой ценой жизни одного человека и несколькими серьезными обморожениями.

В один из январских дней тысяча девятьсот тридцать четвертого года мы, двое зимовщиков высокогорной Эльбрусской гидрометеорологической станции, расположенной на высоте четырех тысяч двухсот пятидесяти метров над уровнем моря, решились на новый штурм зимнего Эльбруса.

Все приготовления закончены накануне, но волнение не позволило хорошо отдохнуть. Когда в три часа ночи пронзительно заверещал будильник, я очнулся и вскочил, будто совсем не спал. Через несколько минут в кают-компанию появился второй участник предстоящего восхождения - наблюдатель Саша Гусев.

Мы надели ватные костюмы, смазали ноги вазелином, натянули по две пары шерстяных носков и обернули ступни бумагой, а затем обули валенки. На валенки крепко-накрепко привязали кошки. Потом облачились в овчинные полушубки, меховые шлемы и связались веревкой. Я вскинул на спину рюкзак с продуктами. Короткое прощание со встревоженным радистом Сашей Горбачевым, и вот мы стоим за порогом нашего маленького домика.

Горы застыли в ледяном безмолвии. По безоблачному небу щедро рассыпаны мерцающие звезды, но темнота непроглядная. Она скрывает все неровности склона. Вершины Эльбруса совершенно слились с небом. Стало страшно удаляться от маленького, затерянного в море вечных снегов, островка жизни, тепла и света, и идти на скованные морозом высоты. Что-то ожидает нас там?

- Ну, Саша, жди нас вечером, - попытался я подбодрить вконец расстроенного Горбачева, - да, смотри, закуски нам побольше приготовь!

- А если вы не вернетесь сегодня, тогда что мне делать? - спросил Горбачев, и в голубых глазах его метался страх.

- Вернемся! Обязательно вернемся! За подъем бояться нечего, сказал я. - А за спуском нашим следи. Если сорвемся на ледяном склоне - увидишь, принимай меры.

И мы двинулись вперед, во тьму зимней ночи Зубья кошек с визгом врезаются в твердый морозный снег. Склон медленно уплывает вниз Домик зимовки отодвинулся и исчез в темноте. Ищу какой-нибудь ориентир. Привыкшие к темноте глаза различают смутный силуэт Восточной вершины Эльбруса, и мы берем курс на нее. Ровный вначале склон постепенно покрывается оледенелыми застругами. Под ногами ничего не видно, и мы часто падаем. Приходится ощупывать впереди себя дорогу ледорубом и двигаться на ощупь.

Заструги растут. Подточенные ветром, они образуют глубокие изломанные борозды с острыми гранями. Приходится перепрыгивать через них. Склон становится все круче. Снег переходит в лед. Зубья кошек с трудом вонзаются в отполированную ветром поверхность. Наклонно поставленный ледоруб скользит, как по стеклу. Похоже на то, что мы вышли на чистый, обнаженный от снега ледяной скат под «Приютом Пастухова».

- Ставь кошку на лед всеми зубцами сразу, с силой, - советую я Гусеву.

Равномерно похрустывает лед, отколовшиеся ледяшки, подпрыгивая, со стеклянным звоном улетают вниз, в темную глубину. Из-за Восточной вершины подул обжигающий ледяной ветер. Стало еще холоднее. На ходу оттираем рукавицами немеющие щеки и носы. Изредка, и всегда неожиданно, под ногами с треском лопаются от мороза лед. Кажется, что масса льда стронется сейчас под тобой с места и поползет вниз, как пластовая лавина.

Склон все круче. Впереди смутно обрисовываются груды обнаженных лавовых скал «Приюта Пастухова». Белеющий на востоке небосклон медленно растворяет черноту ночи, и на горизонте намечается изломанная линия Главного Кавказского хребта.

Мы идем и идем, равномерно, без остановок. Подгоняет холод и усилившийся предрассветный ветер. Он все крепчает и, пронизывая полушубок и меховую безрукавку, пробирается к самому телу. С шур-шаньем, шлифуя ледяной склон, пробегает в поземке колючий крупный снег.

Неожиданно впереди грохнуло что-то, со свистом пролетело почти над нами. Мы замерли и инстинктивно пригнулись. Вот еще раз - с хрустом и звоном, словно лопнула громадная электрическая лампочка. и все смолкло.

- Что такое? - спрашивает испуганный Гусев.

- Камень, - отвечаю я, едва шевеля онемевшими от холода губами, - с «Приюта Пастухова» упал камень.

Камнепад в этом месте подъема! Для меня это новость. Зимний Эльбрус мало того, что одевается в ледяную броню, но еще и отстреливается каменными снарядами. Летом здесь этого не бывает. Ледяной скат стал настолько крутым, что мы с трудом держимся на кошках. Самое страшное сейчас - если один из нас сорвется: удержаться на таком ледяном склоне почти невозможно. Рядом выросла каменная гряда «Приюта Пастухова», и мы вышли на заснеженную площадку. Высота - четыре тысячи шестьсот восемьдесят один метр. Скрываясь от ветра, присели отдохнуть за обломками скал. Посветлевший восток побелил горы. Из темных глубин навстречу свету поднялись бесчисленные хребты зимнего Кавказа.

Пока сидели, окончательно замерзли и, дрожа всем телом, пошли дальше. Склон стал несколько положе, но по-прежнему сплошь ледяной. Поднимаемся прямо вверх к предвершинным скалам.

Когда первые лучи солнца зарумянили Восточную вершину, мы были примерно на высоте пяти тысяч метров. Вырубили удобные ступеньки и провели первые метеорологические наблюдения. Температура воздуха - минус тридцать один градус по Цельсию. Отдыхаем, наблюдая восход. Эльбрус уже сиял и переливался рубиновыми блесками. Все другие вершины Кавказа стояли в холодной синеве, а в долинах таились ночные тени. Постепенно, один за другим, стали загораться гиганты Кавказа: Дых-тау, Коштан-тау, Шхара. Вспыхнула цепь вершин Безенгийской стены, гордая красавица Ушба. Солнечные лучи проворно забежали по десяткам других вершин, мгновенно превращая снега и льды в светящиеся розовым светом угли.

Наконец солнце коснулось и нас, но теплее от этого не стало. Только на минуту снимешь рукавицу, как пальцы белеют и теряют чувствительность. С удивительной энергией продолжаем подъем. Вот уже позади ледяной склон. Мы на высоте пяти тысяч двухсот пятидесяти метров. Измеряю температуру воздуха - еле заметное потепление - минус двадцать девять и четыре десятых градуса.

До цели осталось несколько сот метров. Мы почти не разговариваем, каждый по-своему переживает торжественный момент приближения к вершине. Но впереди еще немало трудностей.

Вот и южный гребень Восточной вершины. Причудливо изогнутые лавовые скалы покрыты коркой льда, наметами снега. Осыпи также местами залиты льдом, и приходится вырубать ступеньки. Лед дробится легко но иногда, откалываясь большими кусками, уродует всю ступеньку. От работы на большой высоте побаливает голова. Все дольше задерживаемся на остановках.

Снег на выступах скал очень похож на ветви со множеством иглистых лепестков. Все ветви обращены в одну сторону - с запада на восток, как будто с седловины Эльбруса кто-то выпустил массу пара, и он замерз на скалах, одев их в эти невиданные заиндевелые снежные кусты. Выходим на осыпь и поднимаемся к краю вершины. Все ошутимее дает себя знать горная болезнь - болит голова и хочется спать. Вижу-Гусев совсем побледнел и только силой воли заставляет себя двигаться. Последние десятки метров преодолеваем с частыми остановками.

Ровно в час дня мы вступаем на южный край Восточной вершины. В последний раз подтягиваю веревку, соединяющую меня с Гусевым. Из-за снежного среза показывается его измученное, но улыбающееся лицо. Пошатываясь, он подходит ко мне, протягивает руку и хрипло говорит:

- Взяли?

- Взяли, Саша!.. Первое зимнее восхождение на Эльбрус за нами...

Измученные, но счастливые, мы не могли налюбоваться грандиозной панорамой.

- Смотри, да ведь это Черное море!

Мы не раз видели с зимовки над перевалом Чипер-Азау золотистую полоску. Относительно ее у нас было много споров и предположений. Теперь сомнений не оставалось - это была водная гладь Черного моря, освещенная низко стоящим солнцем. Сейчас эта полоска выросла и развернулась на много сотен километров. Поверхность моря отливала червонным золотом. А за морем четко вырисовывались фиолетовые контуры берегов Турции.

Дул сильный западный ветер. Температура воздуха на вершине минус двадцать семь с половиной градусов. Но мы все-таки ухитрились сфотографировать друг друга на фоне Западной вершины Эльбруса после каждого снимка отогревали руки. Особенно трудно было выдвигать крышки кассет непослушными от морозного ветра пальцами.

Кое-как написали записку о восхождении и положили ее в банку, взятую с зимовки.

Мы сфотографировали вид на север и начали спуск к седловине. Вдруг я услышал голос Гусева:

- На седловине дым!

- Дым?.. Откуда?

Подходим к краю вершины. Действительно, со склона, расположенного под нами, поднимаются клубы, но не дыма, а, скорее, пара.

- Это больше похоже на пар, - говорю я изумленному Гусеву.

- Пар? Пар на Эльбрусе?!

От этого открытия сразу стало тоскливо: «Мы вдвоем на вулкане... А что если он начинает просыпаться... Не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы с ледяной вершины Эльбруса выбивались клубы пара. И вдруг сейчас вершина задрожит, произойдет громopodobный взрыв, и мы вместе с кусками льда и камнями взлетим над Кавказом?!»

Что и говорить, нерадостные мысли одолевали нас в эту минуту. Охваченные беспокойством, мы быстро пошли вниз. Сразу исчезли и слабость, и горная болезнь, и усталость. Надо было скорее выяснить, что это за таинственное явление. Гонимые западным ветром, клубы

густого белого пара скользят над снегом, огибая промерзшие скалы. Оседая на них, пар быстро тает в сухом холодном воздухе.

- Вот причина странных снежных образований на южном склоне вершины! - кричу я Гусеву.

Он кивает на ходу головой и резко останавливается:

- Чувствуешь серу?

Я втянул носом воздух: примесь сернистого газа была налицо. Совсем интересно! Оказалось, что пар выбивается даже не в одном, а в нескольких местах.

- Склон весь дырявый, точно в него из пушек стреляли, - отмечает Гусев.

Один из выходов пара совсем близко. Мы осторожно подходим к выступу скалы и заглядываем. Перед нами раскрылась безобидная картина: в склоне круглая дыра метра в два диаметром, края ее обмерзли и припущены инеем. Из дыры, как из паровой трубы, валит густой пар с примесью серы. Какова глубина этой дыры? Может быть, это трещина?..

Прошу Гусева, чтобы он подстраховал меня веревкой и подползаю самому краю. Временами пара выделяется меньше, и в просвет видны черные обтаявшие камни на дне ямы. Облегченно вздыхая, поднимаюсь и говорю ожидающему моих слов Гусеву:

- Фумарола.

Он не сразу понял. На память приходят слова из какой-то книги, и я их передаю:

- В настоящее время Эльбрус, как вулкан, находится в фумарольной фазе деятельности. У его подножия бьют минеральные источники - горячие и холодные. Из очага, скрытого в толще земной коры, через трещины просачиваются на поверхность земли газы. Они растапливают снег и выбиваются наружу. Помнится, геолог Дубянский при восхождении на Эльбрус в 1903 году отметил на этой вершине присутствие сернистого газа. Летом выходы пара незаметны, зимой же до нас здесь никто не бывал...

- А может быть, именно сейчас происходит усиленная внутренняя деятельность Эльбруса, - высказывает предположение Гусев.

- Возможно.

Теперь уже смело мы подходим к воронке, бросаем туда куски снега. Снег довольно быстро тает. Все ближайшие скалы увешаны ветвями фантастических снежных растений. Мы сфотографировали воронку и разукрашенные скалы.

Тревога оказалась ложной. Сразу возвратилась усталость, головная боль, и мы поплелись к седловине. Не удержались, чтобы еще раз не взглянуть на Северный Кавказ: какая яркая противоположность виду на юг! Там, на горизонте, разливалось золотистое море, а здесь даль окутана туманной мглой. На юге - нагромождение снежных хребтов, пиков, обледенелых вершин и лавинных скатов, а на севере - спокойные предгорья с пологими холмами и острыми скалистыми пиками...

Недалеке под скалой показался горный приют. Это самое высокорасположенное в мире строение - пять тысяч триста метров над уровнем моря. Наши надежды отдохнуть в домике разбились о стену снега, глядевшую на нас из открытой двери. Видимо, альпинисты, уходившие последними, не закрыли надежно двери. А буран воспользовался этой небрежностью. Мы перекусили и двинулись вниз. Спуск был несложный, но требовал большого напряжения. Приходилось все время быть настороже и каждую минуту быть готовым оказать помощь товарищу.

Проплутав немного у засыпанных снегом трещин, вступили на камни «Приюта Пастухова». Не успели присесть, как услышали пронзительный вой нашей сирены - это Саша Горбачев с зимовки приветствовал наше возвращение. Как было приятно!

Мы закричали в ответ, но он не услышал: черный домик зимовки выглядел отсюда спичечной коробкой, небрежно брошенной на снежном склоне Эльбруса. Флюгерный столб походил на воткнутую в коро бок спичку. Вдруг из трубы повалил густой дым.

- Ага, это Саша зажег печку и для быстроты подлил керосину. Наверное, разогревает что-нибудь вкусное, - высказал свои предположения Гусев.

Но между зимовкой и нами лежал самый опасный участок пути -крутой ледяной скат. Чтобы быстрее добраться до полосы снега, мы пошли немного влево. Сперва цеплялись за вмерзшие камни, а когда они кончились, взяли ледорубы на изготовку и, сильно вбивая кошки, осторожно двинулись дальше.

Необычайная слабость не покидала меня до самой зимовки. Но я зорко следил за каждым шагом никогда не ходившего по таким склонам Гусева. Отдыхая, по очереди вырубали ступеньки. Кромка снега была для нас словно спасительный берег для выбившихся из сил пловцов. Последние метры - и мы вступили на снег...

- Ну как, взошли? - кричит издали Горбачев. Мы поднимаем ледорубы штычками вверх:

- Победа!

Войдя в домик, я прежде всего отметил время возвращения: четыре часа. Значит, для восхождения на Восточную вершину Эльбруса в суровое зимнее время потребовалось ровно двенадцать часов. Сколько за эти часы пережито, какого они потребовали напряжения! Через полчаса мы уже сидели за обеденным столом, уничтожая простые, но сытные блюда.

А через несколько дней заработала наша радиостанция, и известие о покорении зимнего Эльбруса разлетелось по всему миру.

Нежданный гость

Это было на Эльбрусе.

Наша первая очень тяжелая зимовка на высоте трех тысяч двухсот метров над уровнем моря подходила концу. В один из теплых майских дней я и наблюдатель Слава Никитин расположились у стены горного приюта. Блаженно греясь на припеке, мы долго сидели молча и лениво обзревали окрестности пустынных гор.

Домик стоял на краю гигантской скалы. Глубоко под нами белел ледник Большой Азау, а напротив высились вершины Главного Кавказского хребта, одетые в тончайшие кружева наметов и карнизов. Южный ветер срывал с гребней серебристую снежную пыль. Окутанные ею грозные пики казались призрачно легкими и недоступно высокими.

Вдруг Слава откинул назад черные, давно не стриженные волосы и пристально взгляделся в даль. Потом порывисто надел защитные очки, опять всмотрелся и сильно хлопнул рукой меня по плечу:

- Клянусь, кто-то идет!

- Где?

- Вон, спускается с перевала Чипер-Азау

Я также надел темные очки и увидел под седловиной перевала черную точку.

Сомнений не было: по склону двигалось какое-то живое существо.

- Это какой-то зверь! - высказал я предположение. - Может быть тур? Но почему он один?

Слава сбегал за биноклем, и мы долго следили, как черная точка упорно продвигалась вниз, к леднику Азау. Через час загадочное существо выбралось на ледник.

- Ясно, какая-то зверюга спешит попасть в наш котел! - воскликнул Слава.

Уже два месяца наш стол был удручающе однообразным: пресные лепешки и чай. Изредка удавалось подстрелить горную индейку. Тогда наступал праздник. Мысль о том, что мы можем стать обладателями, например, турьей туши, привела нас в дикий восторг. Слава на радостях даже исполнил какой-то замысловатый танец.

План охоты был прост. Для зверя, который по неизвестным причинам покинул благодатный юг и в самое неподходящее для альпинистских походов время решил переселиться в суровое ущелье Баксана, существовал только один путь - вниз по леднику Азау. Там, в горловине ущелья, и следовало его поджидать. Мы быстро снарядились. Слава взял трехзарядную «фроловку», я - винчестер. С ледорубами в руках начали осторожно спускаться по крутому гребню, нависающему над ледником.

Тем временем странный путешественник довольно быстро двигался по ровной поверхности ледника к его языку. Но внезапно над ледником появились принесенные ветром из-за перевала обрывки облаков. Как некстати! Сгущаясь и темнея, они быстро заполняли ущелье.

- Ох, сорвется наша охота! - сокрушался Слава.

Вскоре мы достигли того места, где левая береговая морена сливалась с гребнем отрога, спадавшего вниз от места зимовки. Здесь мы присели за камень. Через просветы проносившихся внизу облаков уда лось заметить, что зверь достиг широких трещин, пересекавших ледник поперек. Некоторые из них были покрыты снегом, кое-где виднелась снежные мосты. Но зверю они показались подозрительными, и он заметался в поисках безопасного пути, бросился вдоль края широкой трещины в противоположную от нас сторону. Налетевшие облака скрыли его. Вот мы услышали, как где-то впереди, с хребта грохнула очередная лавина. Зверь, вероятно, увидел, что под хребтом пройти вниз нельзя, и повернул обратно. Трещины подвели его к самому основанию морены. В один из просветов мы заметили его внизу, у кромки ледника. Он задрал морду кверху и, пригнувшись, осматривал скат морены, где из под снега местами проглядывала летняя альпинистская тропа на ледник.

- Да ведь это вовсе не тур, а, кажется, медведь! - удивился я.

- Точно!.. Медведь-альпинист! Вот это здорово! - восхитился Слава. - Как же он сюда попал?

- Наверное, весенние лавины подняли его со спячки, и он, бедный, с перепугу ринулся через перевал, — предположил я.

Медведь передохнул и, к нашей радости, решительно полез на морену как раз по направлению к тому гребню, где мы сидели.

- Аи да следопыт! Сейчас к нам медвежьи окорока припожалуют, — горячо зашептал Слава. — Уж я такое жаркое, такое жаркое закачу!

- Да тише ты!

Мы осмотрели оружие и приготовились к встрече неожиданного гостя. Медведь, скользя и срываясь, упорно карабкался вверх по обмерзшему склону. Из-под его лап вырывались камни и, подскакивая, скатывались на ледник. Вот зверь уже под самым гребнем. Доносится его сердитое сопение. Иногда он даже кряхтит от напряжения и усталости. Мелькает его высокий желтоватый горб.

Мы все больше волнуясь, по очереди выглядываем из-за камня, не опасаясь, что зверь может нас учуять: прямо в лицо нам бьет сильный восходящий ток воздуха. Проходит еще несколько минут, и вот метрах в пятнадцати ниже нас на кочковатую площадку, покрытую кустиками сухой прошлогодней травы, выползает медведь. На его впалых боках клочьями висит бурая скатавшаяся шерсть. На животе и ляжках намерзли комья снега. Израненные мокрые лапы зверя дрожат, а из полуоткрытой пасти падает белая пена.

Увидев перед собой безопасные травянистые скаты, уступами спускающиеся в лесистую долину, мишка как-то странно застонал, лег на землю и положил на траву лобастую с кудлатыми бакенбардами голову.

Стволы ружей, наведенных на зверя, заколебались. Я взглянул на Славу, он на меня, и, не сговариваясь, мы разом, опустили оружие. Долго лежали и смотрели.

Немного отдохнув, но все еще не вставая, медведь начал выдергивать и с жадностью поедать куски сухостоя, пронизанные зелеными иголками молодой травы. Потом он неуверенно поднялся на ноги, отряхнулся, поводит острым носом по воздуху и медленно пошел по склону от одного островка травы к другому. Когда медведь-альпинист скрылся за крутым сбросом, Слава со вздохом оказал:

- Ну что ж лежать, пойдем лепешки печь, что ли?

Мы поднялись и побрели к зимовке.

На охоте за джамарыками

Начало апреля.

На границе вечных снегов, где стоит наша высокогорная Эльбрус-ская метеостанция, признаков наступающей весны еще мало. Но они есть. На южных склонах появились проталины, стали темнеть снега, все чаще срываются лавины, с каждым днем веселее и звонче кричат горные индейки, по-местному, джамарыки. В то утро я проснулся от пронзительного индюшиного свиста. Открыл глаза: сквозь щели дощатой стены пробивались оранжево-красные лучи восходящего солнца. Казалось, что стена занялась снаружи пламенем.

Стуча зубами от озноба (в помещении метеостанции и на воздухе градусник показывал почти одинаковую температуру), быстро оделся. Затем вышел в соседнюю нежилую комнату и осмотрел через щель снежный склон и скалу, стоящую над зимовкой. Так и есть - на самой вершине озаренной солнцем коричневой скалы сидит индейка.

«Вот бы к завтраку подстрелить!» Решаю не будить своего товарища Славу Никитина и преподнести ему убитую индейку сюрпризом. То-то возрадуется его поварское сердце! Не теряя времени, хватаю трехзарядную берданку и поднимаюсь в обход по крутому снежному склону на террасу, лежащую почти на уровне вершины скалы. Подниматься трудно - приходится с размаху вбивать носки ботинок в смерзшийся за ночь снег.

Вот и терраса. Подползаю к нагромождению камней и осторожно выглядываю. Шагах в двадцати сидит индейка, греется на солнышке и время от времени призывно посвистывает. Учашенно бьется сердце. Затаив дыхание, тщательно прицеливаюсь и стреляю - осечка. Стреляю второй раз - осечка третий - осечка. Индейка смотрит в мою сторону, вертит головой и тревожно кричит. Видно, любопытство борется со страхом. Вот-вот она сорвется с места...

Проверяю магазинную коробку - в ней ни одного запасного патрона. Мысленно ругаю себя за неосмотрительность и ползу назад. Насколько возможно, быстро спускаюсь по склону, добегаю до метеостанции, хватаю пару патронов и лезу обратно. Когда я, запыхавшись, вновь выглядываю из-за камней — с удивлением и радостью замечаю на скале уже не одну, а двух индеек. Сидят спокойно рядышком, чистятся и посвистывают.

«Ну сейчас двух сразу», - решаю я. Не спеша прицеливаюсь и стреляю - осечка, второй и третий раз - осечка. Что за небылица? Встревоженные индейки расправляют крылья и уже совсем готовы сняться. Быстро меняю патрон, прицеливаюсь и нажимаю спусковой крючок. Все дальнейшее похоже на сон: сухо щелкнул капсюль, из ствола с клубом дыма вылетели пыжи и упали на снег метрах в пяти. Одновременно с этим выкатился весь заряд дроби и тут же утонул в снегу. Перепуганные птицы сорвались с места и с отчаянным курлыканием исчезли в глубине провала. Я лежу, потрясенный случившимся. Такой конфуз и во сне не снился. Нелепый выстрел так поразил меня, что я даже не рассердился.

«Что же произошло? Слишком мало пороху было положено при снаряжении патрона? Или он отсырел?» Задумавшись, я спускался по снежному склону не по пути подъема, вдоль гряды скалистых выступов, а несколько дальше, по целине. Чтобы не поскользнуться, пришлось с силой вбивать каблуки в снег. Но не прошел я и половины склона, как снежный пласт под ногами гулко треснул, осел и пополз вниз, увлекая меня с собой.

Пластовая лавина! Выход был один - во что бы то ни стало удержаться, не попасть под сдвигающиеся глыбы лежалого снега. Балансируя ружьем, я побежал наискось по движущейся лавине к правому неподвижному краю. Я падал, перескакивая через змеящиеся под ногами трещины, скользил и вновь бешеными прыжками мчался к спасительному склону. За небольшим скальным островком мне удалось, наконец, спрыгнуть на целину.

Минута страшного напряжения обессилила меня, ноги и руки дрожали. Я присел и стал следить за тем, как, захватывая все новые и новые пласты, лавина подошла к краю скалистого обрыва. Подобно волопас, она низверглась вниз. Послышался нарастающий грохот. Над обрывом вспучились похожие на пар плотные клубы тончайшей снежной пыли, и через некоторое время глубоко внизу на скате появился широкий лавинный язык.

По горным склонам покатилося медленное эхо. Не успело смолкнуть, как со стороны зимовки донесся одиночный выстрел. Это стрелял Слава Никитин. «Может быть, меня ищет?»

Когда минут через двадцать я подходил к зимовке, на скале пере домиком появился Слава. Он был без шапки, в полушубке нараспашку и в валенках. Пряди иссиня-черных волос закрывали его лоб и глаза. В одной руке у него было ружье, а в другой...

- Где ты шляешься? - закричал он в сильнейшем возбуждении, потрясая большущей пепельно-серой индейкой. - Я тут такое жаркое добыл - пальчики оближешь!

- Как же ты его добыл? - спросил я и только тут заметил, что охотник стоял передо мной в... трусиках.

Я рассмеялся. Пережитые неудачи и только что избегнутая смертельная опасность - все это как-то сразу отодвинулось.

- В силки попалась! Проснулся, стал одеваться - индейки орут. Я скорее сюда - смотрю, а эта дуреха в силках вон там бьется. Побоялся я, что вырвется, да и пристрелил ее...

В ясные дни, когда индейки обычно поднимаются вверх по склонам, мы со Славой расставили на гребне, ниже зимовки, «на индюшиных тропах» несколько десятков силков из тонкого шпагата и разбросали приманку. И вот - первая удача. Спустя часа два мы уже лакомились индюшатиной, и я в третий раз рассказывал товарищу о своих утренних злоключениях. Обсосав последнюю косточку, Слава сказал:

- Почему дал осечку первый патрон - не ведаю. Что касается двух других - скажи, где ты их взял: в патронташе или на подоконнике?

- На подоконнике.

- Тогда все понятно, - заключил он. - Они упали в ведро и целые сутки лежали в воде. А вчера я их оттуда вытащил и положил на подоконник.

Так просто разрешилась загадка нелепого выстрела, - загадка, едва не стоившая мне жизни.

Редкая встреча

После удачного восхождения на вершину Шари-тау мы с группой молодых альпинистов спускались по пологому снежному гребню к перевалу.

- Смотрите, туры! - воскликнул один из наших товарищей.

Действительно, по северному склону, покрытому разорванными снежниками и многочисленными островками камней, бежало десятка два туров. Кто-то, видимо, спугнул их: они мчались в гору беспорядочным стадом. На снежнике туры вытянулись цепочкой, продолжая двигаться к перевалу наперерез нам.

Наши фотографы, среди которых были два студента-географа, защелкали затворами, а потом не выдержали и бросились к седловине перевала в надежде перехватить туров и снять поближе. За нами устремились и остальные. Для меня туры были не в диковинку, и я, не спеша, пошел вниз по склону, чтобы заодно отрезать стаду путь к отступлению.

Но туры не возвратились. Идя по их следам, я вскоре оказался у нижнего края снежного поля, и здесь присел отдохнуть на один из больших камней. Наслаждаясь отдыхом, я привычно оглядывал зелень альпийских лугов, осыпи и морены, дальние и ближние хребты, сверкавшие под косыми лучами утреннего солнца. Взгляд задержался на ярком алом пятне на краю одного из снежных островков. Движимый любопытством, я подошел к нему и понял, что это кровь. На взрытом снегу четко отпечатались снежные следы тура и еще чьи-то. Я прошел дальше и остановился пораженный - на гребне каменистой гряды лежала большая турица с разорванной шеей. Она была еще жива, и пока я осматривал ее - несколько раз вздрогнула. Видно, какой-то хищник набросился на нее из засады, когда стадо проходило мимо своей обычной тропой. Тропа была хорошо заметна - на острых выступах камней висели клочья турьей шерсти. Отсюда напуганные животные и бросились бежать к перевалу.

Хищник же, как доказывал след, пытался утащить свою жертву, но турица оказалась для него слишком тяжелой. «Кто же это мог быть? Волк?» Я настороженно огляделся вокруг, затем обошел турицу со всех сторон, заглянул за большие камни. Нигде не было никакого живого существа. Вдруг один из островков талого снега, лежавших невдалеке от меня, зашевелился и...

побежал. Я застыл на месте. На моих глазах, словно в сказке, кусок снега превратился в большую белую кошку с дымчато-темными пятнами на спине и боках.

«Да ведь это снежный барс!» - догадался я и приготовился отбиваться ледорубом, если бы эта двухметровая кошка вздумала на меня напасть. Сколько раз приходилось слышать от местных жителей об этом, теперь редком для Центрального Кавказа, животном, которого ученые называют леопардом. Так вот он какой, собрат противника лермонтовского Мцыри и того, чья шкура украшала легендарного героя знаменитой поэмы Руставели!

Но барс и не думал связываться со мной. Полный достоинства, он неторопливо и совершенно бесшумно прошел по краю каменистого островка, держа навесу слегка загнутый сверху тупой хвост с темным концом. На секунду зверь остановился и повернул ко мне усатую морду с короткими темными ушами. Потом спокойно отвернулся и неторопливо пошел дальше. Несколько шагов - и он словно растаял среди снежных пятен и камней.

Осторожно приблизился я к тому месту, где лежал зверь, и немного прошел по его следу. На снегу рядом с отпечатками лап виднелись мазки крови. Сомнений не оставалось, это и был виновник гибели турицы. Я поднялся на большой камень и закричал. Мне ответили голоса товарищей. Вскоре они, делаясь впечатлениями о встрече с турами, подходили ко мне.

- Как вы посмотрите на шашлык из турятины? - спросил я их.

Они приняли мои слова за шутку, и кто-то оказал:

- Шашлыки наши в Грузию убежали... Но снимки получились славные, крупным планом удалось снять.

- Тогда извольте взглянуть на этот подарок снежного барса!

Я отвел товарищей в сторону и показал тура. Короткий рассказ о встрече с барсом был выслушан с напряженным вниманием. Ахам и охам не было конца. Целый час наши фотографы снимали турицу от дельно и вместе с нами, пытались поставить ее на ноги, изучали следы барса и, вооружившись камнями и ледорубами, даже организовали безрезультатную погоню за ним. Когда мы, неся тяжелого тура, стали спускаться вниз, где-то в камнях раздался хриплый рев обиженного барса.

- Вот жадюга, - сказал один из ребят, - раз в жизни довелось ему случайно принести людям пользу, и то сожалеет!

- Известно - хищник, - отозвался кто-то.

Поход наш завершился самым настоящим шашлыком из турятины.

Находка

Позади осталось густо заросшее соснами и пихтами Тебердинское ущелье, снега Клухорского перевала и мрачная теснина буйного Клыча с пенисто-белыми водопадами. Позади - ночевка в абхазском селении Ажары. Мы вдвоем с тринадцатилетним сыном Валериком бодро шагаем по дороге, освещенной ярким южным солнцем. Когда дорога поднимается по склону, мы видим под собой долину Кодора, неторопливо несущего к морю свои мутные после дождя воды.

По обеим сторонам вдоль берегов тянутся заросшие густым лесом невысокие горы. Вдруг... что такое? Из лесу ясно донесся до нас крик маленького ребенка:

- Уа-уа-уа!

Мы остановились.

- Откуда здесь ребенок? - удивился Валерик.

- Может быть, кто-нибудь идет впереди нас? - предположил я, хотя сам очень сомневался в возможности этого.

Через минуту жалобный, полный отчаянья и боли, тревожащий душу крик оборвался. Мы бросились туда, откуда только что раздавался крик, выскочили из-за поворота и невольно остановились как вкопанные: на белой каменистой дороге лежала большая толстая змея. В ее широко раскрытой пасти торчала наполовину заглотанная огромная жаба с раздутым, как шар,

животом. Она еще пыталась сопротивляться и судорожно перебирала задними лапами. Змея же была почти неподвижна.

- Что это такое? - воскликнул Валерик, с опаской поглядывая на змею.

Я вспомнил, что на южном склоне Главного Кавказского хребта встречается один из редких видов змей - кавказский удав. Правда, сейчас я не мог поручиться, действительно ли удав перед нами или нет, и имел неосторожность сказать:

- Это... это - кавказский удав.

- Удав?

Глаза Валерика мгновенно засветились восторгом, лицо покраснело.

- Настоящий удав?.. А где же... ребенок? - спросил он растерянно.

Но я уже понял, что никакого ребенка тут не было. Мы слышали предсмертный крик этой жабы, когда змея подползала к ней с раскрытой пастью, гипнотизируя ее пронизывающе-холодным взглядом своих мелеих злых глазок. Завязалась борьба, и они скатились по глинистому откосу на дорогу.

Я высказал свои догадки сыну.

- Как хочешь, папа, - заявил он решительно, - но без этого удава я не уйду отсюда. Он же для нашего школьного «живого уголка» нужен.

- Может быть, это вовсе и не удав, - усмехнулся я, - большие змеи также заглатывают живую добычу. И потом... удавы только в тропических странах живут... В самом деле - какой же это удав?

Сын посмотрел на меня подозрительно и с убеждением сказал, что раз эта здоровенная змея заглатывает добычу, значит, она из «породы удавов», и он этого «удавчика» ни за что здесь не оставит. Позднее я узнал, что этот вид змеи ученые действительно называют удавчиком.

- Как же мы его понесем? В нем килограмма четыре веса.

- В моем рюкзаке, - не раздумывая, сказал Валерик. - Мои вещи возьмешь ты, а я свой рюкзак сейчас перестрою...

Я уже понял, что возражать бесполезно. Вздохнув, я посмотрел на свой и без того увесистый рюкзак и покорно согласился.

Прежде всего мы сфотографировали змею с ее живой добычей. При этом мы подходили к ней очень близко, нагибались над ней, но тусклые, остекленевшие глаза змеи, казалось, ничего не замечали. Неестественно разинув пасть, она упорно продолжала заглатывать лесную жабу, и, видимо, была уже не в состоянии расстаться со своей добычей.

Валерик живо освободил свой рюкзак, сделал из срезанных веток распорки и выстелил внутренность брезентового мешка травой и листьями. После этого мы без особых затруднений водворили туда метровую змею. Она почти не сопротивлялась.

Рюкзак был завязан, Валерик с удовольствием вскинул его на спину, и мы тронулись в путь.

Высокогорные воришки

Что за воришки, спросите вы, могут быть в высокогорье? Ведь там, в снежно-каменной пустыне, даже летом свирепствуют морозы и разыгрываются сильнейшие метели?

А вот, оказывается, есть. Жизнь возможна везде, где имеются к тому хотя бы малейшие условия. Так и здесь, на всех вершинах Кавказа, даже на Эльбрусе, встречаются, например, красноносые альпийские галки, залетающие сюда в поисках пищи. Они собирают на снегу замерзших насекомых, занесенных в горы ветром, не брезгуют и останками погибших перелетных птиц.

И горе альпинистам, если, выходя с ночевки на штурм вершины, забудут они надежно припрятать продукты. Крылатые воришки в момент растащат хлеб и колбасу, масло и печенье. Нетронутыми остаются только банки с консервами, да и то, если они не распечатаны. Начатую же банку галки вычистят до дна - будь то сазан в томате или варенье Им все равно.

Когда люди возвращаются к лагерю, галки рассаживаются на окрестных скалах или прямо на снегу и терпеливо ждут, пока бивуак не опустеет, чтобы полакомиться отбросами и крошками. Но однажды нам довелось столкнуться с высокогорными воришками совсем иного рода.

Большой отряд альпинистов совершал спортивные восхождения в районе Мидаграбинского плато, расположенного западнее Казбека. Одна группа готовилась к траверсу - сквозному переходу по гребню хребта. Чтобы не брать с собой лишнего груза, альпинисты забросили на предпоследнюю вершину гребня Цити-хох часть продуктов и запрятали в каменный тур. Но был уже конец августа, погода испортилась, и восхождения пришлось прекратить.

На траверс хребта группа вышла лишь... на следующее лето. Мы наблюдали снизу за продвижением друзей по гребню. Затем наступила непогода, и связь на два дня прервалась. Обеспокоенные, мы втроем вышли навстречу товарищам, надеясь достигнуть западной вершины Цити-хох. Несмотря на снег, ветер и туман, сделать это нам удалось. На подходе к вершине мы услышали голоса, ответили, и вскоре уже поздравляли своих товарищей с успешным завершением труднейшей части перехода. Нас окружили восемь человек. Первыми их словами были:

- Скорее!.. Что у вас есть пожрать?.. Выкладывайте все!

- А где же ваши продукты? - спросили мы. - Ведь здесь, в туре, должен храниться прошлогодний запас. Неужели все пропало?

- Мыши съели!

- Какие мыши? Откуда они здесь взялись?

- Пожалуйста, любуйтесь на этих нахлебников, - с негодованием сказал один из товарищей и развернул бумажный пакет, в котором было упаковано печенье, шоколад, изюм, галеты и другие продукты. Вместо них оказалось... мышиное гнездо. А в нем копошилось несколько слепых мышат.

- Родители скрылись в камнях, - пояснил он. - Уцелели только две банки консервов. Но что это значит для восьми пустых желудков. Я даже не заметил, что в этих банках было...

Мы конечно, выложили перед товарищами все наши запасы. Утолив голод, стали строить догадки о том, как мыши попали сюда. В самом деле - высота этой скалистой вершины достигает четырех тысяч метров над уровнем моря. На север она обрывается оледенелой стеной со сбросами и трещинами. А ниже - снежные поля и ледник.

Некоторые высказывали предположение, что мышей занесли сюда вместе с продуктами. Но мы хорошо помнили, что, когда сверток прошлым летом упаковывали на вершине, никаких мышей в нем не было. Пока мы рассуждали, туман рассеялся и стал хорошо виден крутой южный склон хребта. Предвершинные скалы, покрытые пятнами снега, ниже перемежались длинными очень крутыми осыпями. Далеко внизу они сливались с зеленеющими старыми моренами. Мы пришли к единодушному заключению, что по этим осыпям и скалам мыши и совершили восхождение на вершину. А наткнувшись на продовольственный склад, устроили в каменном туре гнездо.

Краткое объяснение географических и других терминов

- Барограф - метеорологический прибор, работающий по принципу обычного барометра, но записывающий на бумажной ленте колебания давления атмосферы
- Безенгийская стена - участок Главного Кавказского хребта в центральной его части протяженностью около 12 км, где расположен ряд вершин, превышающих 5 тысяч метров над уровнем моря
- Карнизы и наметы - образуются на вершинах и гребнях гор. Они наматаются из снега в виде огромных сугробов, нависающих над обрывами
- Кошки - альпинистское снаряжение для передвижения по ледникам. Своими острыми зубьями вбиваясь в лед, кошки дают возможность опытному альпинисту преодолевать склоны большой крутизны без прорубания ступеней

- Лавина - огромная снежная масса, срывающаяся со склона горы и падающая с большой скоростью
- Морена - скопление обломков горных пород, выносимых ледником. В зависимости от их расположения, различается несколько видов морен: береговые, срединные и конечные
- Огни «святого Эльма» - так с давних пор называется редкое явление природы, когда ввиду большой концентрации атмосферного электричества на скалах и различных предметах вспыхивают и гаснут синеватые язычки пламени
- Осыпи - скопление на крутых скалистых склонах камней от разрушающихся горных пород
- Перистые облака - тонкая, прозрачная пелена высоких облаков. Чаще всего перистые облака появляются на небе в виде длинных волокнистых полос или в виде сплошного просвечивающегося покрова облачных масс
- Пластовая лавина - слежавшийся снег, сползающий по склонам гор пластами
- «Приют Пастухова» - название присвоено группе скал на южных склонах Эльбруса, где в 1890 году ночевали известный русский альпинист-топограф А. В. Пастухов и его спутники
- Разорванные снежники - мощный покров слежавшегося снега на склоне горы. В силу крутизны склона он изрезан поперечными трещинами, как бы разорван на части
- Сбросы - огромные глыбы льда или фирна, отколовшиеся от общей массы и образовавшие широкие трещины
- Снежные заступы - образующиеся на поверхности снежного покрова неровности от действия ветра
- Траверс - восхождение на вершину по одному из маршрутов спуск с нее по другому пути (переход через гору, например, с севера на юг)
- Тур - пирамидка, сложенная из камней. В таких турах альпинисты обычно оставляют записки о своем восхождении. В данном случае, туп сложен для того, чтобы сохранить в нем продукты
- Фирн - крупнозернистый снег, образующийся под влиянием поверхностного таяния и вторичного замерзания просочившейся в глубину снежной толщи воды. Постепенно уплотняясь от давления собственной массы, фирн переходит в лед. Фирновые поля являются областями питания ледников
- Фумарола - выделение газов из трещин и небольших конусов на склонах вулканов в период затухания их вулканической деятельности
- Фумарольная фаза - период угасания вулканической деятельности вулканов

СОДЕРЖАНИЕ

К началу книги
Введение

ПЕРВОЕ ЛЕТНЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭЛЬБРУС
Знаменитый серб на русской службе
Экспедиция вошедшая в историю

МАНЯЩИЙ И СВЕРКАЮЩИЙ...
Экспедиция на Эльбрус
Тревога среди горцев при нашем приближении

Туземный князь в русском лагере
Русский лагерь у подножия Эльбруса
Восхождение на Эльбрус
Водопад. Банкет, данный туземным князьям. Надпись у подножия Эльбруса
Переход к истоку Кубани
Абазины. Каменный мост. Магометанские надгробия
Костюм черкесов
Замечательный банкет

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЗА КУБАНЬЮ

Отрывок из партикулярного письма
Письмо генералу Емануелю

ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ

По отношению господина начальника Кавказской области о двух древних церквах и кресте,
открытых в горах за Кубанью
Авгит-андезит Эльбруса
Доклад о путешествии в окрестности горы Эльбрус
Исторический рассказ
Привести в подданство
Рапорт Паскевича
Экспедиция к Эльборусу (Отрывок из частного письма)
Извлечение из письма господина адъютанта Ленца к господину академику Парроту
Исполин Кавказских гор
Исполин Кавказских гор
Текст записи, сделанной на чугунных плитах по указанию Г. А. Емануеля
Источники рассказывают
В поисках памятных плит
Свидетели Эльбрусской экспедиции

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРОВ

ПЕРВОЕ ЗИМНЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭЛЬБРУС

НА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТАХ

Впервые в истории
Нежданный гость
На охоте за джамарыками
Редкая встреча
Находка
Высокогорные воришки
Краткое объяснение географических и других терминов